

ПЕЛАМ

PELHAM GRENVILLE WODEHOUSE

P.G. Wodehouse

ВУДХАУС

◆ **КАПРИЗЫ МИСС МОД** ◆

Пелам Гренвилл Вудхаус

Капризы мисс Мод

Роман

P.G. Wodehouse
«A Damsel in Distress», 1919

* * *

© ИП Воробьёв В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

Глава I

Поскольку местом действия настоящего романа является исторический замок Бельфер в графстве Гэмпшир, было бы приятной задачей начать это повествование с подробного описания местности, сопровождаемого некоторыми заметками из истории графов Маршмортонов, владевших этой местностью с пятнадцатого столетия. К несчастью, в наш век суеты и торопливости, писателю приходится работать в неблагоприятных условиях. Он должен погрузиться в гущу своего рассказа с такой же поспешностью, как и тогда, когда он собирается вскочить в трамвай на ходу. Иначе читатель захлопнет книгу и устремится в кино.

Вкратце я могу сообщить, что нынешний лорд Маршмортон – вдовец и что ему около сорока восьми лет. У него двое детей – сын, Перси Вильбрагам, Марш лорд Бельфер, которому на днях исполнится двадцать один год, и дочь – леди Патриция Мод Марш – двадцати лет. Хозяйка замка – леди Каролина Бинг, сестра лорда Маршмортона, вышедшая замуж за чрезвычайно богатого шахтовладельца – Клиффорда Бинга – незадолго до его смерти (злые языки утверждают, что она ее ускорила). У нее есть пасынок Реджинальд. Дайте мне время сообщить эти немногие факты, и я все исчерпал. А славного прошлого Маршмортонов я даже не коснусь.

К счастью, от этого пробела не испытает ущерба литература. Лорд Маршмортон сам своей персоной трудится над составлением семейной хроники, которая, несомненно, украсит каждую книжную полку, как только его сиятельство закончит этот труд. Что же касается замка и его окрестностей, включая образцовую ферму и янтарную гостиную, то вы лично можете их увидеть в любой четверг, когда Бельфер открыт для публики за плату в шиллинг с человека. Деньги взимаются дворецким Кэггсом и идут на местные благотворительные нужды. По крайней мере, таковы намерения владельца замка. Но голос клеветы никогда не умолкает, и есть группа людей, возглавляемая юным лакеем Альбертом, которая считает, что Кэггс липнет к этим шиллингам, присоединяя их к своим значительным уже сбережениям в

Фермерско-Купеческом Банке, помещающемся по левой стороне Главной Улицы деревни Бельфер.

Относительно этого можно лишь заметить, что Кэггс слишком напоминает своим внешним видом почтенного епископа, чтобы снизойти до такого образа действий. С другой стороны, однако, Альберт хорошо знает Кэггса. Оставим этот вопрос открытым.

Конечно, внешность бывает обманчивой. Так, например, любой человек, очутившийся в 11 часов перед входом в замок в один из июньских дней, мог бы легко впасть в заблуждение. Он пришел бы к поспешному заключению, что особа средних лет, с решительной осанкой, стоящая около цветника роз, беседующая с садовником и наблюдающая за молодой парой внизу на террасе, была матерью красивой девушки и что она улыбалась, так как ее дочь лишь недавно стала невестой того высокого юноши с приятным лицом, который гулял рядом с ней. Сам Шерлок Холмс был бы введен в заблуждение. Легко представить себе, как он объясняет обстоятельства дела Ватсону в момент, когда молниеносная догадка озаряет свойственное ему дедуктивное мышление: «Это единственное объяснение, мой дорогой Ватсон, если бы леди просто расхваливала перед садовником его розы и если бы ее улыбка была просто вызвана превосходным видом этого цветника, то на лице садовника отразилась бы ответная улыбка. Но, как вы видите, у него угрюмый и сумрачный вид». На самом же деле, садовник, т. е. этот коренастый и смуглый мужчина без пиджака и в брюках из рубчатого бархата, мрачно глядевший на лейку с раствором ворвани, был лорд Маршмортона, при чем две причины вызывали его мрачный вид. Он ненавидел, когда прерывали его работу, а, вдобавок к этому, леди Каролина Бинг всегда действовала ему на нервы, особенно, когда она, как в данную минуту, строила расчеты на возможность романа между ее пасынком Реджи и дочерью его сиятельства – Мод.

Только самые близкие люди узнали бы в этой курьезной фигуре в брюках из рубчатого бархата седьмого лорда Маршмортона, того самого, который появляясь по временам в Лондоне, завтракал в обществе епископов в клубе «Атенеум», никого не шокируя, всегда корректно одетый. Никто не заподозрил бы его в том, что он прикрывает свои мускулистые ноги чем-либо иным, нежели тончайшим сукном. Однако, если бы вы взглянули в адресный справочник и раскрыли его на букву «М», то вы нашли бы в месте,

отведенном лорду Маршмортона, следующие слова: «Любимое занятие – садоводство», к которым, в порыве огромной гордости, его сиятельство прибавило: «Присужден первый приз за чайные розы. Выставка цветов 1911 г.» Эти слова говорят сами за себя.

Лорд Маршмортона был самым пламенным садовником-любителем во всей Англии. Он жил только для своего сада. Любовь, которую другие люди простирают на своих ближних, лорд Маршмортона расточал на семена, розы и глинистую почву. Ненависть, которую некоторые представители его класса питают к социалистам и демагогам, лорд Маршмортона перенес на улиток и жучков. У простодушного лорда Маршмортона был мягкий и приветливый характер. Но, чуть только он приходил в соприкосновение с мошками, он тотчас же превращался в разрушителя, наподобие Атиллы или Чингиз-Хана, сеющего вокруг себя смерть и кровопролитие. Мошки питаются нижней стороной листьев роз, высасывая их сок, и, в результате, листья желтеют. Взгляды лорда Маршмортона на эти явления были настолько непреклонны, что он вылил бы раствор ворвани на собственную бабушку, если бы застал ее за сосанием листьев его роз.

Единственное время дня, когда он переставал быть тружеником с мозолистыми руками и превращался в аристократа, было после обеда, под вечер, когда, подстрекаемый леди Каролиной, не дававшей ему в этом деле покоя, он удалялся в свой личный рабочий кабинет и работал там над историей своего рода, при содействии достойного секретаря – Алисы Фарадэй. Но этот солидный труд продвигался медленно. Десять часов на свежем воздухе навевали дремоту, и лорд Маршмортона слишком часто засыпал на полуслове, к досаде мисс Фарадэй, добросовестной девушки, не хотевшей даром получать своего жалованья.

Пара на террасе повернулась; лицо Реджи Бинга, наклонившееся к Мод, было серьезно и оживленно, и даже на расстоянии было видно, как ее глаза зажигались от его слов. Она не могла оторваться от них. Улыбка леди Каролины делалась все более и более благосклонной.

– Что за прелестная пара, – промолвила она. – Я хотела бы знать, что говорит дорогой Реджи. Может быть, в эту самую минуту...

Она прервала себя со вздохом удовлетворения. Она испытала немало беспокойства из-за этого дела. Дорогой Реджи, обычно столь

покорный в ее руках, обнаружил непостижимое нежелание связать свою судьбу с Мод, несмотря на то, что его мачеха никогда, даже на публичной трибуне, которую она так искусно украшала, не рассуждала более здраво, чем тогда, когда указывала ему на все выгоды этой партии. Не то, чтобы Реджи не любил Мод, он признавал, что она совершенство, и иногда заходил так далеко, что называл бесценной. Вместе с тем, однако, казалось, что он не обнаруживает склонности просить ее руки. Как могла леди Каролина знать, что весь мир для Реджи или та его часть, которая не была заполнена гоночными автомобилями и гольфом, заключался в одной лишь мисс Фарадэй. Реджи никогда ни единым словом не обмолвился ей об этом. Он даже не сказал этого самой мисс Фарадэй.

– Может быть, – продолжала леди Каролина, – дорогой мальчик именно в эту минуту делает предложение.

Лорд Маршмортона что-то промычал и не отрывал пристального взгляда от страшной жидкости, приготовленной им для мошек.

– Одно обстоятельство очень благоприятно, – сказала леди Каролина, – Мод, кажется, совершенно избавилась от этого смехотворного ослепления человеком, которого она встретила прошлым летом в Уэллсе. Она не могла бы быть такой веселой, если бы все еще предавалась этому чувству. Надеюсь, вы, Джон, теперь согласны, что я была права, когда держала ее здесь фактически в плену и ни разу не дала ей возможности встретиться с этим человеком случайно или намеренно. Говорят, что разлука усиливает чувство. Глупости! Девушка в возрасте Мод влюбляется и перестает любить раз десять в год. Я уверена, что она в настоящее время почти его забыла!

– Что? – сказал лорд Маршмортона. Его мысли, занятые зелеными мухами, были далеки.

– Я говорила о человеке, с которым Мод познакомилась во время своего пребывания в Уэллсе.

– Ах, да.

– «Ах, да», – с досадой повторила, как эхо, леди Каролина. – Неужели это единственное замечание, которое вы считаете нужным сделать? Ваша единственная дочь увлекается незнакомцем, человеком, которого мы никогда не видели, о котором мы ничего не узнали, даже его имени, ничего, кроме того, что он американец и что у него нет ни

гроша за душой. Мод призналась в этом, и все, чего от вас можно добиться, это: «Ах, да».

– Но теперь все прошло, не так ли? Мне казалось, что эта злополучная история забыта!

– Мы надеемся на это. Но я чувствовала бы себя гораздо более спокойной, если бы Мод обручилась с Реджи. Я полагаю, что вы могли бы принять на себя труд поговорить с Мод.

– Поговорить с Мод? Я ведь разговариваю с ней. – Мысли лорда Маршмортона текли медленно, когда он был озабочен своими розами. – Мы с ней в превосходных отношениях.

Леди Каролина нахмурилась. У нее был живой, сильный ум, отчетливый и энергичный, и нерешительность ее брата и все растущая его невнимательность раздражали ее.

– Я имела в виду, что вы должны поговорить с ней относительно ее обручения с Реджи. Вы ее отец, вы, несомненно, могли бы уговорить ее.

– Я не могу принудить ее.

– Я никогда не намекала на то, что вы должны ее принудить, как вы изволите выражаться. Я только предполагала, что вы, как отец, могли бы указать ей, в чем ее долг и счастье.

– Нате, получайте, – крикнул лорд, с внезапной яростью брызгая из лейки в ближайший куст и обращаясь к невидимым мошкам. Он совершенно забыл про леди Каролину. – Ешьте на здоровье, у меня еще много в запасе!

Новое лицо спустилось со ступенек замка и направилось к ним. Это была красивая девушка, от которой веяло спокойной энергией. У нее были серые с капризным выражением глаза. Ее голова была непокрыта, и ветерок развеивал ее темные волосы. Она представляла грациозную картину в рамке лучей утреннего солнца, и Реджи Бинг, увидя ее с террасы, покраснел и потерял нить своего рассказа. Внезапное появление Алисы Фарадэй всегда действовало на него подобным образом.

– Лорд Маршмортон, – я переписала заметки, которые вы составляли вчера вечером. Я сняла две копии.

Алиса Фарадэй говорила спокойным, почтительным, хотя и слегка авторитетным тоном. Это была девица с сильным характером. Ее прежние патроны считали, что в качестве секретаря она незаменима.

Напротив, на лорда Маршмортона ее настойчивость действовала угнетающе. Их взгляды на значение садоводства и семейной хроники не совпадали. Для него история Маршмортонов была занятием, пригодным лишь для заполнения часов досуга; она же считала, что он должен видеть в этом цель всей своей жизни. Она беспрестанно разыскивала его по саду и тащила обратно к тому делу, которое, по его мнению, должно было просто составлять предмет его послеобеденных занятий. Когда лорд Маршмортон, немножко вздремнув после обеда, просыпался слишком поздно, чтобы возобновить работу, он обычно давал смутное обещание, что он – займется этим завтра; но при этом он с горечью думал о том, что девушке следовало бы обладать достаточной долей такта и здравого смысла, чтобы понять, что его слова не более, как отговорка, и что их не следует принимать всерьез.

– Это только черновой набросок, – продолжала Алиса, обращаясь к месту, на котором покоились брюки из рубчатого бархата его сиятельства. Лорд Маршмортон всегда принимал наклоненную позу, когда видел, что мисс Фарадэй приближалась с бумагами в руках, и, при этом, впадал в трогательное и не покидавшее его, несмотря на многочисленные неудачи, заблуждение, что она удалится, если не увидит его лица.

– Вы помните, вчера вечером вы обещали, что займетесь ими сегодня утром. – Последовала достаточно длинная пауза, после чего послышалось в ответ неясное мычание. – Впрочем, если вы заняты... – сказала она кротко и искоса взглянула на леди Каролину. На эту властную особу можно было всегда рассчитывать, как на союзника, в этих маленьких стычках.

– Ничего подобного, – сказала леди Каролина недовольным тоном. Она все еще была взволнована невнимательным отношением, с которым были встречены ее прежние слова, и приветствовала повод для водворения порядка.

– Вставайте сейчас же, Джон, и идите работать.

– Я ведь работаю, – умоляюще сказал лорд Маршмортон.

Сестра Каролина иногда имела способность заставлять лорда Маршмортона, несмотря на его сорок восемь лет, чувствовать себя маленьким мальчиком. В дни совместного детства она была по отношению к нему взыскательным начальником.

– Семейная хроника важнее, чем копанье в грязи. Не могу понять, почему вы не поручаете такого рода работу Макферсону. Непостижимо, почему вы так щедро его оплачиваете, а вместе с тем, работаете за него. Вы знаете, что издатели ждут «Хронику». Немедленно займитесь вашими записками.

– Вы обещали, что займетесь ими сегодня утром, – сказала Алиса.

Лорд Маршмортон, как утопающий, схватился за лейку с раствором ворвани. Никто не знал лучше его самого, что эти переговоры всегда кончались одинаково, в особенности, если при этом присутствовала леди Каролина и придавала им вес своей подавляющей личностью.

– Да, да, да, – сказал он, – может быть, сегодня вечером после обеда. Да, после обеда, это будет превосходно.

– Я полагаю, что вы должны были заняться ими сейчас, – сказала Алиса с легкой настойчивостью в голосе. Девушку, поистине, смущала мысль, что она не в достаточной степени трудилась, чтобы заслужить свое щедрое вознаграждение. К тому же, к семейной хронике Маршмортонов она относилась с энтузиазмом. Эта тема имела для нее особо притягательную силу.

Лорд Маршмортон выпустил из своих рук лейку. Сотни пощаженных мошек спокойно пожирали свою утреннюю еду, не подозревая, от какой участи они были спасены.

– Хорошо, пойдемте в кабинет.

– Я посмотрела расписание поездов, – обратилась мисс Фарадэй к леди Каролине, – самый подходящий поезд идет в 12 часов 15 минут. В нем вагон-ресторан и он останавливается, по требованию, в Бельфере.

– Вы уезжаете, Каролина? – спросил лорд Маршмортон с надеждой в душе.

– Я должна сказать краткую речь в Лиге социального прогресса в Льюсгэме. Я завтра буду обратно.

– О, – сказал лорд Маршмортон голосом, в котором уже не слышалось надежды.

– Кстати, мисс Фарадэй, скажите Реджи, что я хочу с ним переговорить.

Когда мисс Фарадэй подошла к Реджи, Мод уже не было с ним, и пылкий юноша сидел на каменной скамейке, покуривая папироску. Реджи вскочил со скамейки.

– Хэлло, а вот и вы. Впрочем, я хотел спросить, в чем дело.

Обычно, в ее присутствии, он чувствовал, как мурашки пробегают по его спине. Ему казалось, что его руки и ноги, как бы пораженные слоновой болезнью, вздувались до огромных размеров. Ему страстно хотелось освободиться от привычки раздражаться нервным смехом каждый раз, когда он встречался с «принцессой своих грез». Это не могло не создать в ней неправильного представления о нем, как о чурбане и еще того хуже.

– Леди Каролина уезжает в 12 часов 15 минут.

– Это хорошо, то есть, я хотел сказать, она в самом деле уезжает! Ага! Я понимаю, что вы хотите сказать! – Его охватило сознание необходимости выразиться мало-мальски связно. Он собрался с духом. – Не хотите ли прогуляться со мной или прокатиться на лодке по озеру или что-либо в этом роде?

– Благодарю вас, но я должна вернуться домой и помочь лорду Маршмортону в его работе, – сказала она, удаляясь, с приятной улыбкой.

Реджи медленно пошел навстречу мачехе.

– Ну, Реджи, какие новости?

– Что, новости! Разве вы не читали газет за завтраком? Ничего особенного. В Королевском театре ставят новую музыкальную комедию. В «Морнинг пост» напечатана превосходная рецензия.

Леди Каролина нахмурилась. Несообразительность, с которой он подхватывал ее намеки, вместе с невнимательностью ее брата раздражали ее.

– Нет, не то! Я имею в виду, что у вас был продолжительный разговор с Мод, и она, казалось, очень заинтересовалась тем, что вы ей говорили. Я надеялась, что вы мне сможете сообщить приятную новость.

Лицо Реджи просияло. Он понял ее намек.

– Нет, ничего в таком роде не произошло.

– Реджи, неужели же вы хотите сказать, что вы не воспользовались таким подходящим случаем и не сделали предложения?

– Кстати, я забыл вам сказать, из этого ничего не выйдет. Оказывается, существует на свете неизвестный молодой человек, в которого Мод влюблена. Она встретила с ним прошлым летом в Уэллсе. Ее настиг дождь, а он как раз проходил мимо и предложил ей

непромокаемый плащ, и одно повлекло за собой другое. Всегда ведь идет дождь в Уэллсе, не так ли? Хотя там и встречается хорошая рыбная ловля. Малый был так любезен и все такое, что теперь она ни о ком другом и слышать не хочет.

– Что за ерунда! Мне все известно. Это было мимолетное увлечение, которого не следует принимать всерьез. Мод давно забыла об этом.

– Ну, она, кажется, думает иначе.

– Реджи, – сказала строго леди Каролина, – выслушайте, пожалуйста, меня. Вы знаете, что через день-два замок будет полон гостей по случаю празднования совершеннолетия Перси, и именно теперь вам, быть может, представляется единственный случай поговорить с Мод наедине. Я буду очень недовольна, если вы им не воспользуетесь. Ваше поведение непонятно. Мод прелестная девушка.

– Безусловно, одна из лучших.

– Так в чем же дело? Я не допускаю больше никаких колебаний. Почему бы вам не прокатиться с Мод в вашем моторе сегодня днем?

Реджи заметно повеселел. На это, по крайней мере, у него был готовый ответ.

– Боюсь, что это невозможно. Перси возвращается из Оксфорда сегодня утром. Я обещал встретиться с ним в Лондоне и привезти его сюда в моторе. Если вы хотите попасть на поезд в 12:15, – поспешно прибавил он, – вы бы лучше поторопились.

– Только не забудьте того, о чем мы с вами говорили. Итак, до свидания, я завтра вернусь.

Реджи медленно поплелся к своей скамейке. Он тяжело дышал и чувствовал себя, как затравленная лань.

Мод вышла из дому в то время, как мотор, мчавшийся вдоль длинной аллеи, обсаженной вязами, исчезал из вида. Пройдя через террасу, она приблизилась к Реджи, которого в эту минуту занимали мысли о жизни и ее проблемах.

– Реджи! – Реджи повернулся. – Хэлло. Мод, дорогая, садитесь. – Мод села рядом с ним.

Ее красивое лицо покраснелось, и, когда она с ним заговорила, ее голос дрожал от сдерживаемого волнения.

– Реджи, – сказала она, положив свою маленькую ручку к нему на плечо, – мы друзья, не правда ли?

Реджи с отеческой нежностью потрепал ее по плечу. Мало кого он так любил, как Мод.

– Всегда были друзьями со времен милого детства!

– Я могу довериться вам?

– Безусловно.

– Я хочу попросить вас об одном одолжении. Это секрет.

– Энергичный мужчина, умеющий хранить тайны, это как раз я. В чем дело?

– Вы, кажется, собираетесь сегодня днем поехать в Лондон за Перси?

– Да, я собираюсь.

– Не можете ли вы вместо этого поехать сегодня утром и взять меня с собой?

– Конечно.

Мод покачала головой.

– Я уверена, что вы бы не согласились с такой легкостью, если бы догадывались, в какое предприятие я вас вовлекаю. Мне запрещено отлучаться из замка. Причина – то, о чем я вам уже говорила.

– Ах, этот юноша!

– Да, и если об этом узнают, то будет большой скандал.

– Не беспокойтесь, моя дорогая, я рискну. Из этих уст никто не услышит о вашей тайне.

– Реджи, вы такой милый.

– Но в чем дело, почему вы хотите ехать именно сегодня?

Мод оглянулась. Потому что, – она заговорила шепотом, хотя никого не было поблизости, потому, что «он» вернулся в Лондон. «Он» нечто вроде секретаря у своего дяди, и я утром прочла в газете, что дядя вернулся вчера после продолжительного путешествия в своей яхте. Очевидно, он также вернулся. Он всюду сопровождает своего дядю. Я непременно должна его увидеть. Я не видалась с ним с прошлого лета, почти целый год. Он не писал мне, да и я не рисковала писать ему из опасения, что письмо попадает не по адресу. Вам теперь ясно; я должна ехать. Сегодня единственный подходящий случай. Тетя Каролина уехала. Отец будет занят в саду и не заметит моего отсутствия. Кроме того, завтра будет слишком поздно, так как Перси будет уже здесь. Он больше, чем кто-либо, был взбешён от всей этой истории.

– Да, Перси гордый юный аристократ, – согласился Реджи. – Я прекрасно понимаю! Скажите же мне, что вы хотите, чтобы я сделал?

– Я хочу, чтобы вы догнали меня в моторе по дороге в полумиле отсюда. Вы мне довезете до Пикадилли. Мне как раз надо быть поблизости оттуда. Но больше всего меня озабочивает Перси. Вы должны убедить его остаться обедать в Лондоне и вернуться сюда не раньше вечера. Я тогда буду иметь возможность вернуться с дневным поездом, и никто не заметит, что я была в отсутствии.

– Это очень просто. Считайте, что дело сделано. Когда вы хотите отправиться?

– Сейчас же!

– Итак, я иду в гараж за мотором. – При этом Реджи весело засмеялся. – Какое странное стечение обстоятельств. Мне матушка только что говорила, что мне следовало бы прокатить вас.

– Какой вы милый, Реджи!

Реджи еще раз потрепал ее по плечу с отеческой нежностью.

– Дорогая моя, я знаю, что значит быть влюбленным. Когда вы будете готовы, отправляйтесь в путь и ждите меня.

Когда он удалился, Мод вынула из кармана маленькую газетную вырезку из отдела светской хроники. Вырезка эта содержала всего несколько слов:

«Мистер Вильбур Раймонд вернулся к себе домой в Белграв-Сквар, № 11, после продолжительного путешествия в своей яхте „Сирена“».

Хотя Мод и не знала мистера Вильбура Раймонда, тем не менее эта заметка заставила ее кровь сильнее переливаться в жилах; потому что, как она уже говорила Реджи, когда Вильбур Раймонд возвращался в город к себе домой, за ним всегда неотступно следовал его племянник и секретарь – Джоффрей Раймонд. А Джоффрей Раймонд был именно тот человек, которого Мод полюбила с того дня, как встретила с ним в Уэллсе.

Глава II

Солнце, так ярко сиявшее над Бельфером в полдень, когда Мод и Реджи Бинг отправлялись в путь, так же весело светило над Лондоном в 2 часа дня.

Мак, дюжий страж Королевского театра, обращенного своим золоченым фасадом на авеню, вылез своей стеклянной будки, чтобы снисходительным взором окинуть жизнь и ее явления. В это утро Мак чувствовал себя счастливым. Его работа была постоянной и не зависела от успеха или неудачи пьес, которые в течение года чередовались одна за другой. Вместе с тем, однако, он испытывал нечто вроде хозяйского интереса к этим случайностям и радовался, когда пьесы встречали успех у публики. Вчерашняя премьера оперетка американского композитора – несомненно, имела шумный успех, и Мак был доволен, потому что привязался к труппе и за короткое время знакомства с Джорджем Бэваном полюбил этого композитора, приехавшего из Нью-Йорка к постановке своей пьесы в Лондоне.

Джордж Бэван завернул за угол и медленно и, как показалось Маку, угрюмо направился к артистическому подъезду. Это был молодой человек около двадцати семи лет, высокий и хорошо сложенный, с приятным, гладко выбритым лицом, отличительной чертой которого были добрые и правдивые глаза. Углы его рта были опущены, и он казался утомленным.

– Здравствуйте, Мак, писем для меня нет?

– Есть, сэр. Несколько телеграмм.

Он скрылся в своей стеклянной будке.

Джордж Бэван остался на улице, глядя на резвящихся детей угрюмым взором. В них бил ключом радостный избыток молодости, который заставлял постороннего чувствовать себя, по крайней мере, шестидесятилетним стариком.

Сегодня что-то не клеилось у Джорджа. Обычно он любил детей, да и вообще он всем на свете был доволен. Он был добрым и веселым юношей, любящим жизнь и людей. У него не было врагов и было много друзей. Но сегодня, с того момента, как он встал с постели, он заметил, что ему чего-то недостает. Возможно, что его угнетала

неудовлетворенность, обязанная своим происхождением его высоко утонченной душе. Возможно также, что это была реакция после возбуждений предыдущей ночи.

Наутро после премьеры чуткий служитель искусства всегда переживает такое состояние, точно он простоял под дулом револьвера. Да, кроме того, прошлой ночью, после представления, был ужин на квартире, которую комик из труппы снимал на Джермин-Стрит. Это был натянутый и шумный вечер, где собралось много усталых людей с напряженными нервами, которые считали своим долгом быть во что бы то ни стало веселыми.

Ужин продолжался до 4-х часов, когда появились утренние газеты с рецензиями, и Джорджу удалось лечь лишь в половине пятого. Все эти обстоятельства оказывают, несомненно, свое влияние на настроение.

Мак снова появился.

– Вот, сэр!

– Благодарю.

Джордж сунул телеграммы в карман. Кошка, возвращаясь после завтрака, остановилась около него, чтобы использовать его ноги в качестве салфетки. Джордж рассеянно пощекотал ее за ухом. Он всегда был любезен с кошками, но сегодня он проделал это движение небрежно, без всякого увлечения. Кошка продолжала свой путь.

Мак вступил в разговор.

– Я слышал, что пьеса имела большой успех вчера.

– Да, кажется.

– Моя жена смотрела ее с галереи, и все посетители премьеры ее очень хвалили. Вы знаете, сэр, у нас в Лондоне есть компания, которая смотрит все премьеры с галереи. Она всегда настроена очень критически, в особенности, если пьеса, как эта, американского происхождения. Если она им не нравится, они очень открыто дают об этом знать. Моя жена говорила о ней с большим одобрением; она говорит, что она давно не видела более оживленного представления, а нужно сказать, она ярая театралка. Она говорит, что всем особенно понравилась музыка.

– Это хорошо.

– «Морнинг Лидер» напечатал очень хорошую рецензию.

– Что пишут в остальных газетах?

– Они все напечатали блестящие отзывы. Я еще не видал вечерних газет. Я вышел, чтобы купить их.

Мак посмотрел вдоль улицы.

– Сегодня днем, я полагаю, будет репетиция. Вот идет мисс Дор.

Джордж посмотрел в том же направлении. Высокая девушка в синем костюме приближалась к ним. Даже на расстоянии бросалась в глаза ее жизнерадостность. Она осторожно пробиралась среди ребятишек, ползавших по тротуару. Она остановилась на мгновение и что-то сказала одному из них. Ребенок улыбнулся. Даже хозяин бакалейной лавки, заметив ее, казалось, расцвел улыбкой, точно при виде старого друга.

Билли была одной из хористок, участвовавших в оперетке Джорджа Бэвана. У нее было привлекательное лицо, рот, всегда готовый улыбаться, блестящие золотистые волосы (про которые она, в соответствии с истиной, настойчиво утверждала, что они не фальшивые, хотя их внешний вид и заставлял думать противоположное) и решительные голубые глаза. Последними она часто пользовалась, чтобы укрощать поклонников, становившихся особенно пылкими под влиянием ее волос. Взгляды Билли на представителей противоположного пола, когда эти последние забывались, были так же непреклонны, как взгляды лорда Маршмортона в отношении мошек. Она любила мужское общество и проявляла эту любовь на деле, завтракая и обедая с мужчинами, сохраняя, однако, свою независимость. И коль скоро мужчина недостаточно оценивал это обстоятельство, она напоминала ему о нем весьма решительно. Вообще, она была особой положительной и за словом в карман не лезла.

– Здравствуйте, Мак, есть для меня письма?

– Я сейчас посмотрю, мисс.

– Здравствуйте, Джордж, как вы себя чувствуете в этот ясный день?

– Чувствую слабость и плохо настроен.

– Это оттого, что вы просидели до 4-х часов утра за веселой пирушкой.

– Вы легли так же поздно, как и я, а между тем вид у вас, точно у ребенка после сладкого сна.

– Да, но я пила только имбирное пиво и не выкурила восемнадцати сигар. Тем не менее, мне кажется, что я старею. Ночные пирушки

потеряли свою прелесть для меня. Я готова была уйти уже в час ночи, но это было бы не по-товарищески. Я, пожалуй, выйду замуж за фермера и на этом успокоюсь.

Джордж был изумлен. Он не ожидал, что здесь, в этом месте, его взгляд на жизнь найдет себе отзвук.

– Я как раз сам думал о том, – сказал он, чувствуя уже не в первый раз, насколько Билли отличалась от большинства тех, с которыми ему приходилось сталкиваться, благодаря своей профессии.

– Как все это плоско, я разумею театральную среду, эти надоевшие премьеры и вечеринки после представлений, которых нельзя избежать, – сказал он, – внутренний голос нашептывает мне, что с меня достаточно.

– Такая мысль приходит в голову всякому разумному человеку, связанному с театральным миром. Во всяком случае, я расстанусь с подмостками при первом удобном случае. Забавное это дело – театральное. Неожиданно попадаешь туда и уже там застреваешь. Вот я, например. Мне следовало бы повязать голову платком и доить коров. А вместо этого я очутилась в Лондоне и помогаю увеселять утомленных дельцов.

– Я не знал, что вы любите деревню, Билли.

– Я, видите ли, деревенское дитя. Мой отец заведовал оранжереями в Индиане, и мне известны наперечет названия всех цветов. Знаете ли вы, как я проводила первые вечера по приезду в Лондон? Я торчала в Ковент-Гардене и вдыхала аромат цветов.

– Вот где нам следовало бы быть прошлой ночью.

– О, да, мы тогда использовали бы лучше время. Скажите, вы не заметили ужасного субъекта, с которым мисс Бэб Синклер афишировала себя, когда вечер был в самом разгаре. Вы не могли не заметить его, так как он занял больше места, чем полагается любому мужчине. Его зовут Спенсер Грэй.

Джордж вспомнил, что его представили толстому мужчине его же возраста, который откликнулся на это имя.

– Это позор, – сказала Билли с возмущением. – Она – сущий ребенок. Это была первая пьеса, в которой она участвовала. Я случайно узнала, что в Нью-Йорке существует прелестный юноша, который безумно хочет на ней жениться. Я убеждена, что этот молодчик причиняет ей не мало забот. Неделю тому назад он пытался

волочиться за мной, но я живо поставила его на свое место. Он, вероятно, думает, что Бэб доступнее. Разговоры с ней по этому поводу ни к чему не приводят. Она ослеплена им. Подождите, – продолжала она, – пока я просмотрю свою корреспонденцию. Держу пари, что половина из них – любовные записки. Я получила три между первым и вторым актом вчера вечером. Мне не понятно, почему знать и средний класс считают меня своей собственностью только потому, что у меня золотистые волосы, которые, к слову сказать, не фальшивы, и потому, что своим пением я честно зарабатываю себе на жизнь.

Мак удобно прислонил свои массивные плечи к дому и возобновил разговор.

– Я полагаю, что вы сегодня очень довольны, сэр.

Джордж задумался. Он, безусловно, чувствовал себя лучше с той минуты, как увидел Билли Дор, но он далеко еще не пришел в свое обычное настроение.

– Я должен бы быть довольным, но на самом деле это не так.

– Вы становитесь пресыщенным потому, что ваша пьеса имела большой успех в Америке. – Да, ее ставили в течение целого года в Нью-Йорке, а сейчас ее ставят в трех театрах.

– В этом-то и дело. Вы пресытились. На вашу долю выпало слишком много успеха.

Мак покачал головой.

– Вы не женаты, не правда ли?

Билли Дор, пробежав свои письма, смяла их в комочек и передала их Маку.

– Что вы сказали о браке?

– Я говорил мистеру Бэвану, что он пресыщен.

– Разве вы пресыщены, Джордж?

– Так утверждает Мак.

– А почему он пресытился, мисс? – спросил Мак риторически.

– Не спрашивай меня. Это не по моей вине.

– Это потому, что, как я уже говорил, мистер Бэван имел слишком большой успех, а также потому, что он не женат. Вы ведь сказали, что не женаты.

– Я не говорил, но это так.

– То-то и есть. Снимать пенки со сливок – быстро приедается, если некому за это хвалить. Когда я был холостым и мне случалось

выиграть на скачках пару фунтов, мое радостное возбуждение быстро испарялось. Теперь же, если кто-нибудь из посетителей и дает мне правильные советы и, благодаря этому, подрабатываю, то половина удовольствия заключается в том, чтобы принести деньги домой, выложить их на кухонном столе, и чтобы жена потрепала меня по спине.

– Как же вы поступаете, когда проигрываете?

– Я ей не говорю, – возразил Мак простодушно.

– Вы, кажется, изучили искусство быть счастливым.

– Это не есть искусство, сэр. Это просто умение найти подходящую жену и иметь собственный домашний очаг, куда можно вернуться вечером.

– Мак, – сказала Билли, – вы совершенно правы, я сама стою за простую семейную жизнь. Вы идете, Джордж?

– Я хочу достать вечерние газеты и отправить несколько телеграмм. Мы встретимся позднее.

Мак следил за спиной Джорджа, пока тот не повернул за угол.

– Славный, прекрасный господин, – сказал Мак. – Жалко, что на него напала хандра, после того, как он здесь имел такой шумный успех. Вероятно, это объясняется тем, что он артист.

Мисс Дор заглянула в свою сумочку и достала пуховку, которой принялась пудрить нос. – Мак, все композиторы со странностями. Они все делаются такими. Звуки джаз-банда им как будто бросаются в голову. Но, в общем, Джордж прекрасный человек и не позволяйте никому утверждать противное.

– Вы, мисс, давно знакомы с ним?

– Около пяти лет. Я была стенографисткой в издательстве, которое выпустило в свет его песни, когда впервые с ним встретилась. Есть еще одна вещь, которую надо поставить Джорджу в заслугу. Успех не вскружил ему головы. Этот юноша зарабатывает бешеные деньги, его карманы набиты тысячедолларовыми билетами, но он остался совсем таким же, каким он был, когда я впервые познакомилась с ним и когда он рыскал по Бродвею в поисках счастливого случая, который помог бы ему втиснуть две-три песенки в первую попавшуюся старую пьесу, шедшую тогда на сцене.

Не догадываясь об этих похвалах, исходивших от человека, мнением которого он дорожил, и которые могли бы его ободрить,

Джордж спускался по Шефтсбери-Авеню, чувствуя себя более угнетенным, чем когда-либо. Он шел, стараясь найти причину своего плохого настроения. Сегодня, как ему правильно заметил Мак, у него было все, чтобы быть счастливым. После того, как он завоевал такую популярность в Америке, здесь, в Лондоне, была впервые сыграна его пьеса, которая, несомненно, имела необычайный успех. И тем не менее, он не испытывал чувства удовлетворенности. Он дошел до Пикадилли и повернул на запад. Внезапно на него нашло просветление, и он понял все. Он был угнетен потому, что ему было скучно, а ему было скучно потому, что он был одинок. Мак, этот трезвый мыслитель, был прав. Решение проблемы жизни заключалось в том, чтобы полюбить подходящую девушку и иметь свой очаг. Он был слегка удивлен, что искал объяснения своей меланхолии в другом направлении. Это тем более было необъяснимо, что 80 % произведений, выпущенных им в течение своей музыкальной карьеры, заключали в себе именно эту мысль. Он впал в сентиментальное настроение. Ему казалось, что он одинок на этом свете, который превратился в бурлящий поток счастливых пар. Счастливые пары ежеминутно проносились мимо него в автомобилях. Проезжающие омнибусы кряхтели под тяжестью счастливых пар. Даже полисмен на противоположной стороне улицы улыбался кокетливой продавщице, которая также улыбнулась ему в ответ. Единственным существом женского пола в Лондоне, которое, казалось, не имело никакой привязанности, была девушка в коричневом, шедшая по тротуару медленным шагом, глядя вокруг себя, точно Пикадилли представляло для нее новое невиданное зрелище. Поскольку Джордж мог видеть, она была чрезвычайно красивой девушкой, невысокой и изящной, с гордо посаженной головкой и с живой походкой, свидетельствующей о ее цветущем здоровье. Она принадлежала как раз к тем девушкам, которых – Джордж чувствовал – он мог бы полюбить со всем пылом двадцати семилетнего человека, не растратившего своих сил на глупые любовные похождения. Но едва он стал представлять себя и ее героями романа, как наступила холодная реакция. Когда он остановился, чтобы полюбоваться девушкой, пробиравшейся через толпу, восточный ветер коснулся его шеи ледяными пальцами, и холод отрезвил его.

– «Эта девушка, – с горечью подумал он, – одна только потому, что идет на свидание с каким-нибудь отвратительным мужчиной». К тому

же, у него не было никаких шансов, чтобы познакомиться с ней. Не можете же вы устремиться к красивой девушке на улице и сказать ей, что вы одиноки, т. е., конечно, вы можете это сделать, но это не приведет вас ни к чему другому, как к полицейскому участку. Уныние Джорджа еще усилилось. Он почувствовал, что родился слишком поздно. Оковы современной цивилизации сердили его. В средние века можно было предложить женщине быть ее рыцарем. Но XX век – время прозаичное, когда девушки – просто девушки и не испытывают никаких треволнений. Останови он эту девушку в коричневом, чтобы уверить ее, что его помощь и попечение к ее услугам, она, без сомнения, подозвала бы этого высокого полисмена, стоящего на перекрестке, и весь роман начался бы и окончился в течение полуминуты, а если полисмен двигался бы быстрее, – то и того меньше.

Лучше отогнать мечты и вернуться к практической стороне жизни, купив вечерние газеты у оборванной личности, которая только что сунула ему в лицо свежий номер газеты. В конце концов, рецензии остаются рецензиями, даже когда ноет сердце. Джордж поискал в кармане кошелек, ощутил пустоту и вспомнил, что оставил деньги в гостинице. Это как раз было то, что он мог ждать в такой день, как сегодня. Газетчик имел вид человека, который вел свое дело за наличный расчет. Оставалось только вернуться в гостиницу, отыскать деньги и постараться за едой забыть все заботы. Из гостиницы он сможет отправить две или три телеграммы, которые ему нужно было послать в Нью-Йорк. Девушка в коричневом была теперь совсем близко, и Джордж смог яснее всмотреться в нее. Вблизи она еще больше оправдала его ожидания. Будь она создана по его собственному заказу, она не могла бы быть более подходящей. Но вот она должна была исчезнуть из его жизни навсегда. Обуреваемый волнением Джордж кликнул таксомотор, который медленно двигался по дороге. И все припевы чувствительных песен, которые он когда-либо сочинил, зазвучали в его ушах, когда он сел в мотор.

«Проклятый мир, – размышлял он в то время, как мотор, проехав несколько сажен остановился, так как проезд был запрещен. – Скучный и бестолковый мир, в котором нет никаких неожиданностей. Даже когда садишься в мотор, он останавливается и не хочет

двигаться». В эту минуту дверца мотора открылась, и девушка в коричневом вскочила в него.

– Простите меня, – сказала она едва переводя дыхание, – только ради бога, скройте меня!

Глава III

Джордж не протестовал. Не теряя драгоценного времени на расспросы, он действовал быстро и умно при таких обстоятельствах, когда самый рассудительный человек рисковал бы утратить равновесие. Дело в том, что Джордж долгие годы был усердным игроком в гольф, а это лучшая школа, которая приучает к умению сосредоточиться и развивает способность к острой наблюдательности. Принято считать, что существует двадцать три важных правила, которые одновременно надо держать в уме за игрой в гольф, и для человека, который преодолел эту премудрость, труд сокрытия девиц в таксомоторах не более, чем дешевая игра. Спустить штору в автомобиле было для Джорджа делом одной минуты. Затем он высунулся из окна таким образом, что совершенно заслонил внутренность мотора от взоров публики.

– Как я вам благодарна, – проговорил голос позади него.

Джордж созерцал Пикадилли глазами, с которых спала пелена. Разум говорил ему, что он еще находится на Пикадилли. Вместе с тем, ему показалось невероятным, что это могла быть та самая улица, которую он за несколько мгновений до того подверг осуждению и нашел бесцветной и неинтересной. По правде говоря, она мало изменилась в своих основных чертах. То же количество праздных людей сновало туда и сюда. Здания по-прежнему производили такое впечатление, точно их не чистили со времен Тюдоров. Восточный ветер все еще продолжал дуть. Но в действительности Пикадилли совершенно изменилась. Раньше это просто была Пикадилли. Теперь же она превратилась в Золотую улицу города мечтаний, одну из важнейших артерий столицы волшебного царства фей. Розовый туман застилал глаза Джорджа.

Годы спали с него и в одно мгновение из брюзжащего старика он превратился в пылкого двадцатилетнего юношу, погруженного в мир весны, цветов и весело журчащих ручейков. Случилось невозможное. Небо ниспослало ему приключение, и ему было безразлично, даже если бы пошел снег. Вероятно, розовый туман, который застилал его глаза, помешал ему заметить быстрое приближение безукоризненно

одетого юноши, в возрасте около двадцати одного года, который, в то время, как Джордж старался превратить мотор в спокойное убежище, спешно за кем-то гнался, с решительным видом, напоминая собой хорошо дрессированную ищейку. Только когда этот джентльмен, тяжело дыша, остановился в непосредственной близости от него, Джордж догадался об его существовании.

– Вы, сэр! – сказала ищейка, снимая блестящий цилиндр, отирая покрасневший лоб и снова водворяя на место сверкающий головной убор. – Вы, сэр!

Что бы ни говорилось о возможности любви с первого взгляда, – а Джордж сделался теперь убежденным сторонником этой теории, – не может быть никакого сомнения в том, что прямо противоположное явление случается зачастую. Так, после первого взгляда дружба с некоторыми людьми невозможна. Таким именно субъектом, по мнению Джорджа, и был этот бормочущий владелец шелкового цилиндра. Он соединял в своей персоне все черты, которые более всего ненавидел Джордж. Для молодого человека он был необыкновенно тучным и уже с двойным подбородком. У него были маленькие усики, которые в предубежденных глазах Джорджа производили жалкое впечатление. Лицо его было красным, а тон – повелительным. Джордж получил воспитание в Лауренсвеле и Гарварде, а впоследствии ему пришлось возвращаться в обществе самых выдающихся театральных антрепренеров Нью-Йорка, и он умел найтись при всяких обстоятельствах.

– Что вас укусило, молодой человек, – сдержанно спросил он, высовываясь немного более из мотора.

Рассыльный мальчик, два субъекта в изношенной одежде, отнюдь не занятые полезным промыслом, и продавщица остановились, чтобы наблюдать за этой сценой. Время не играло роли для этих убежденных любителей всяких зрелищ. Так как продавщица уже опоздала, то не имело значения, если она еще задержится, рассыльному не предвиделось никакой работы, кроме одного поручения с надписью «очень важно», «срочно». Что же касается двух оборванцев – их единственной, непосредственной целью было пробраться к ближайшему трактиру и прислониться к его стене. Один из них, склонив голову на бок, произнес, «в чем дело», другой поднял валявшийся окурочек сигары и закурил.

– Молодая девушка только что вошла в ваш автомобиль, – сказал полный юноша.

– Ничего подобного, – возразил Джордж, я все время находился в автомобиле и наверное бы это заметил.

В этот момент движение экипажей возобновилось, и автомобиль, быстро отъехав на расстояние пяти-десяти ярдов, снова принужден был остановиться. Джордж, высунувшись, подобно улитке из окна, развлекался видом погони. Охота продолжалась. Юноша действовал совершенно так же, как действовала бы послушная ищейка при подобных обстоятельствах, разве только с той разницей, что он не закидывал головы кверху и не лаял. Он пустился в быстрый галоп, сопровождаемый добровольными спутниками. Принимая во внимание, что молодой человек был очень толст, что рассыльный мальчик считал, что поспешность не свойственна его профессии, а у продавщицы возникли сомнения, подобает ли леди бежать сломя голову и что оба представителя богемы так же не торопились, нужно сказать, что кавалькада двигалась не особенно быстро. Мотор все еще стоял, когда его настиг весь отряд.

– Вот он, – сказал рассыльный мальчик, стирая пот со лба срочным пакетом.

– Вот и он, – сказал не курящий представитель богемы.

– Я здесь, – приветливо согласился Джордж, – чем могу вам служить?

Курящий одобрительно сплюнул на проходившую мимо собаку, очевидно, считая ее наиболее подходящим местом для плевка. Уже давно ему не было так весело. В скучном мире, в котором ощущался недостаток джина и было слишком много полисменов, в мире, где бедные были угнетены и редко могли спокойно наслаждаться сигарой без того, чтобы им не наступали на ноги, – в этом мире в данную минуту он почувствовал себя довольным, счастливым и чего-то ожидающим. Драка между джентльменами! Из всех событий, которые его интересовали, именно такую драку он причислял к наиболее занимательным. Продавщица заметила знакомую в толпе. Она позвала ее.

– Модди, иди сюда. Скорее. Здесь сейчас происходит нечто интересное.

Модди, сопровождаемая приблизительно еще дюжиной прохожих, увеличила собой число зрителей. Все они принадлежали к разряду людей, которые всегда собираются вокруг шофера и молчаливо следят за тем, как он исправляет шину. Они терпеливы. Они не требуют быстрых и непрерывных чередований событий. Простого отверстия в земле, которое из всех видов зрелищ, быть может, наименее ярко и драматично, достаточно, чтобы приковать их внимание на несколько часов. Они вперили свои взоры в Джорджа и его мотор. Они не знали, что случилось и когда произойдет событие, но у них было твердое намерение дождаться этого события. Пускай это будут годы или даже вечность, но они решили не отходить, пока оно не наступит. Разного рода догадки слышались в толпе.

– Что случилось?

– Несчастный случай.

– Нет, джентльмена обокрали.

– Два джентльмена подрались.

– Малый обманул шофера.

Какой-то скептик высказал совсем уже циничную мысль:

– Это делается для кинематографа.

Эта идея мгновенно приобрела популярность.

– Это фильм. Оператор скрыт в моторе.

– Что же будет дальше?

Один из зевак, с красным носом, вооруженный лотком с запонками, направил мысли в другую сторону. Он говорил решительно, как человек, пользующийся авторитетом.

– Ничего подобного, толстяк выпил лишнего, и это ему бросилось в голову! Шофер, который до сих пор величаво игнорировал волнение низшего класса, внезапно стал любознательным.

– В чем дело? – спросил он, обернувшись и обращаясь к высунутой голове Джорджа.

– Я сам как раз хотел бы это узнать, – ответил Джордж. Он указал на продавца запонок.

– Кажется, у этого джентльмена самое правильное объяснение.

Полный юноша, странное поведение которого вызвало такое лестное внимание со стороны толпы и который, казалось, был весьма смущен этим, громко пыхтел в течение предыдущего разговора. Теперь

же, достаточно собравшись с духом, чтобы возобновить атаку, он снова обратился к Джорджу:

– Разрешите вы мне, черт возьми, заглянуть в ваш автомобиль. В нем находится барышня. Я видел, как она вошла. Я следил все время. Она не выходила. Значит, сейчас она там. Джордж кивнул в знак одобрения такому правильному образу мыслей.

– Ваш аргумент безошибочен. Но что же дальше? Я преклоняюсь перед вашей логикой. Но каковы будут ваши действия?

– Прочь с дороги!

– Я не уйду.

– Тогда я насильно войду.

– Если вы только осмелитесь, я вам дам по физиономии.

Полный юноша отступил на шаг назад.

– Вы не посмеете этого сделать!

– И все же я это сделаю. На этом свете, дорогой сэр, мы должны быть готовы ко всякого рода случайностям. Мы должны отличать необычайное от невозможного. Было бы необычным, чтобы незнакомец высунулся из окна автомобиля и потрепал вас, но вы строите ваши планы на предположении, что это невозможно. Пусть же это будет уроком для вас. Я вам скажу, в чем дело. Совет, который я даю каждому юноше, вступающему в жизнь, это никогда не смешивать необычное с невозможным. Возьмите, например, данный случай! Если бы вам пришло в голову, что может случиться так, что кто-то, когда-либо захочет вас ударить в то время, когда у вас явится охота залезть в автомобиль, вы тогда придумали бы дюжину хитроумных планов как вам поступить в этом случае. Сейчас же вы не подготовлены. Вы были застигнуты врасплох, и молва облетит клубы: «Бедный такой-то лишен способности владеть собою».

Тут он прервал разговор не потому, что ему больше нечего было сказать, но потому, что полный юноша внезапно подскочил к дверце автомобиля и, схватив ее за ручку, распахнул бы ее, если бы Джордж не стал действовать со всей быстротой и решительностью, которые характеризовали его поведение с самого начала. Положение требовало энергичных действий. Если бы он позволил нападающему свободно обращаться с ручкой или даже вступил с ним в борьбу за обладание ее, тогда он рисковал бы, что дверца откроется и обнаружит присутствие девушки. С другой стороны, дать молодому человеку пощечину, как

это было обещано, не было в его глазах политической мерой. Каким бы превосходным сдерживающим стимулом ни была такая угроза, нельзя было и думать о действительном ее осуществлении. Тюрьма, куча неприятностей, судебное преследование за обиду ждут тех, которые вступают в драку в публичном месте. Нет! Требовалось нечто быстрое, решительное и внезапное. Джордж размахнулся и сбросил цилиндр с головы юноши. Действие было магическим. У всех нас есть своя Ахиллесова пята и как это ни парадоксально, у полного юноши этой пятой был его головной убор. Великолепно изготовленный единственным мастером в Лондоне, умеющим выделывать цилиндры, которые на самом деле суть цилиндры, и вновь выутюженный любящими руками всего час тому назад в единственной мастерской, где глажение есть глажение, а не грубая атака, он был его гордостью и радостью. Потеря его была равносильна потере брюк. Ему показалось, что в его туалете образовался серьезный пробел. С диким криком, подобным крику дикого животного, у которого отняли детеныша, он выпустил ручку и бросился за цилиндром. В то же самое время движение экипажей возобновилось снова. Последнее, что видел Джордж, была группа людей, центром которой был полный юноша. Цилиндр покатился по мостовой, где был подхвачен рассыльным мальчиком. Полный юноша, получив цилиндр, гладил его нежной рукой. Джордж находился на слишком далеком расстоянии, чтобы он мог что-либо услышать, но ему казалось, что юноша нашептывает ласковые слова своему цилиндру. Затем, надев его на голову, он пустился в путь и исчез из виду. Зрители оставались неподвижными, устремив взоры на место происшествия. Они так оставались бы и дальше, если бы ближайший полисмен не подошел и не заставил их разойтись. Любезно помахав рукой в знак прощания на тот случай, если кто-либо из толпы смотрел в его направлении, Джордж отодвинулся от окна и сел. Девушка в коричневом поднялась с пола, если только она когда-либо там находилась, и теперь спокойно уселась с другой стороны автомобиля.

Глава IV

– Ну вот и прекрасно!

– Я вам так обязана, – ответила девушка.

– Мне это только доставило удовольствие, – возразил Джордж. Он теперь имел большую возможность рассмотреть вблизи и не спеша девушку, попавшую в беду. Мелкие подробности, которые расстояние скрыло от него, в то время, когда он увидел ее впервые, теперь сразу открылись ему. Ее глаза, показавшиеся ему коричневыми, были такими по первому впечатлению. В них мелькали привлекательные золотые искорки, и они замечательно подходили к золотистым волосам, которые осветило солнце, вновь появившееся в одно из своих мимолетных посещений, еще раз послав миру свои кроткие лучи. У нее был энергичный подбородок, но этой энергичности противоречила ямочка на щеках, а приветливая форма рта дополнялась носом, который как бы родился с намерением иметь достойный аристократический вид, но изменил своей цели, образовав в конце легкий изгиб. Это была девушка, которая охотно пошла бы на риск, с улыбкой на лице, и смеялась бы в случае неудачи. Чем больше он смотрел на девушку, тем меньше он постигал сцену, которая только что произошла. Он терялся в догадках. Несмотря на ее приветливое лицо, в ней было нечто такое, что обнаруживало ее способность дать отпор, почему он и не мог себе представить, чтобы какой-либо мужчина отважился позволить себе с ней вольности. Ее золотисто-коричневые глаза, при встрече с ним, дружелюбно улыбались, но он легко себе представлял, что они могли принять леденящее и мрачно-высокомерное выражение, способное усмирить одним взглядом мужчину, подобного юноше в цилиндре. Каким же образом этому откормленному субъекту удалось напугать ее в такой степени, что она вынуждена была прибегнуть к защите чужого автомобиля? Правда, в данную минуту она была вполне спокойна, но было очевидно, что в тот момент, когда она вошла в таксомотор, ее спокойствие временно ей изменило. Тут была тайна выше его понимания. Оба обменялись взглядами. Это продолжалось не более десяти секунд. Ему показалось, что она изучает его и составляет себе о нем мнение. Что осмотр

оказался удовлетворительным, доказывало то, что под конец она улыбнулась. Затем раздались ясные и звучные раскаты ее смеха, и эти звуки показались Джорджу гораздо музыкальнее, чем самая популярная из всех песен, которую он когда-либо сочинил.

– Я полагаю, что вас изумляет все то, что здесь произошло?

Действительно, Джордж размышлял над этим самым тщательным образом.

– Совсем нет, – возразил он, это не мое дело.

– Я понимаю, вы слишком хорошо воспитаны, чтобы вмешиваться в чужие дела.

– Разумеется. Но в чем же дело?

– Боюсь, что я не сумею вам объяснить.

– Но что же мне сказать шоферу?

– Не знаю. А что обычно говорят мужчины шоферам?

– Я полагаю, что он будет обижен, если я не дам ему исчерпывающего объяснения. Он сейчас только наклонился со своего сиденья, чтобы произвести расследование. Такая любезность заслуживает признательности.

– Дайте ему хорошо на чай.

Это напомнило Джорджу причину, из-за которой он находился в автомобиле.

– Я должен был спросить вас раньше, – сказал он, куда вас отвезти?

– О, я не хочу похитить ваш автомобиль! Куда вы направлялись?

– Я возвращался в свою гостиницу. Я вышел, не захватив с собой денег, так что принужден вернуться за деньгами.

Девушка вздрогнула.

– В чем дело? – спросил Джордж.

– Я потеряла свой кошелек!

– Боже мой, в нем было много денег?

– Не очень много, но достаточно, чтобы оплатить обратный билет домой.

– Позволительно ли спросить, где находится ваш дом?

– Боюсь, что нет.

– Я, конечно, и не собирался. Конечно, нет!

– Поэтому-то я так восхищаюсь вами. Вы не любопытны.

Джордж задумался.

– Единственное, что нам остается сделать, это следующее. Вам придется подождать в автомобиле у гостиницы, пока я пойду за деньгами. Затем, если вы позволите, я вам дам займы сколько вам понадобится.

– Вы очень добры. Могли ли бы вы дать мне одиннадцать шиллингов?

– Охотно. Я только что получил наследство.

– Конечно, если вы полагаете, что мне следует быть экономной, я поеду третьим классом. Это ведь будет стоить пять шиллингов. Десять шиллингов, шесть пенсов стоит билет первого класса. Вам, таким образом, ясно, что место, куда мне нужно поехать, в двух часах езды от Лондона.

– По крайней мере, мне известно хоть что-нибудь.

– Но немного, не так ли?

– Я думаю, что лучше всего одолжить вам соверен. Вы тогда смогли бы купить по дороге завтрак.

– Вы обо всем заботитесь. Я умираю с голода. Но откуда вы знаете, что получите деньги обратно?

– Я рискну.

– В таком случае, позвольте любопытствовать и спросить ваше имя, иначе я не буду знать, кому отослать деньги.

– О, меня не окружает никакая таинственность. Я – открытая книга.

– У вас нет оснований жалеть об этом. Не моя вина, если я вам кажусь загадочной.

– Я и не подумал об этом. По крайней мере, это так показалось.

– Но кто же мой благодетель?

– Меня зовут Джордж Бэван. Я живу в «Карлтоне».

– Я запомню.

Таксомотор медленно подвигался по улице. Девушка засмеялась.

– В чем дело? – спросил Джордж.

– Я думаю о том, что произошло. Знаете, я вас далеко недостаточно поблагодарила за все то, что вы сделали. Вы меня изумили.

– Я очень рад, что мог быть вам полезен.

– Но что же на самом деле произошло?

– Вы должны вспомнить, что я ничего, кроме вашей спины, не могла видеть и я очень неясно слышала.

– Все началось с того, что какой-то мужчина настиг меня галопом и уверял, что вы вошли в автомобиль. Это был человек, похожий на рекламу средства от полноты до его приема и с манерами круглохвостого шимпанзе.

Девушка кивнула головой. – В таком случае, это был Перси. Я знала, что не ошибаюсь.

– Перси?

– Это его имя. Что произошло после?

– Я старался разубедить его, но мне это не удалось и, в конце концов, он схватил ручку дверцы. Тогда я сбросил с него цилиндр, и, пока он отыскивал его, мы двинулись и спаслись.

Снова послышались звуки серебристого смеха девушки.

– Как жалко, что мне не было видно. Но как вы умеете найтись при всяких обстоятельствах.

– Как вам пришло это в голову?

– Так, просто, – скромно сказал Джордж.

Ее лицо приняло серьезное выражение. Глаза перестали улыбаться. Она вздрогнула.

– Когда я подумаю, как некоторые мужчины поступили бы на вашем месте...

– Нет, каждый сделал бы то же, что и я. Несомненно, сбросить шляпу Перси было актом вежливости, который всякий совершил бы автоматически.

– Подумайте, вы могли бы оказаться тупицей, который прежде, нежели предпринять что-либо, приступил бы к расспросам. Как хорошо, что мне посчастливилось во всем Лондоне столкнуться именно с вами!

– Я на это дело смотрю, как на счастливый случай, но исключительно с моей личной точки зрения.

Она положила маленькую ручку ему на плечо и сказала серьезно.

– Мистер Бэван, из того, что я много смеялась и как будто отнеслась ко всему этому, как к милой шутке, вы не должны заключить, что не спасли меня от действительной неприятности. Было бы ужасно, если бы вы не оказались там и не действовали с таким присутствием духа.

– Но если этот молодчик приставал к вам, вы, конечно, могли позвать полисмена.

– О, нет, ничего подобного не было. Это было гораздо, гораздо хуже. Но я не должна продолжать в том же духе. Это было бы нечестно по отношению к вам.

Ее глаза снова загорелись прежней сияющей улыбкой. – Я знаю, что вы не испытываете никакого любопытства ко мне. Но у меня нет уверенности в том, что оно не возникнет, если я буду продолжать окружать себя таинственностью. И самое глупое это то, что никакой тайны нет. Я просто не могу ни с кем этим поделиться. Этот самый факт заключает в себе все признаки настоящей тайны. Я хочу только сказать, что я не переодетая принцесса, пытающаяся скрыться от анархистов или нечто вроде того, что читаешь в книгах. Я просто нахожусь в неприятном положении. Вам бы наскучило до смерти, если бы я вам сказала в чем дело.

– Рискните!

Она покачала головой.

– Нет! Впрочем, вот мы и приехали.

Автомобиль остановился у гостиницы, и швейцар уже открывал дверцу.

Если вы не раскаиваетесь в вашем опрометчивом предложении и будете добры дать мне в долг эти деньги, то, пожалуйста, достаньте их поскорее, потому что я очень спешу. Сейчас я как раз могу попасть на ближайший поезд, ждать же следующего целая вечность.

– Подождите меня здесь, я буду обратно через мгновение.

– Отлично.

Последним впечатлением, которое осталось у Джорджа об этой девушке, была одна из ее веселых улыбок, так как, вернувшись не более, чем через две минуты, он не нашел ни автомобиля, ни девушки. Мир опустел. Пораженный этим неожиданным горем, Джордж получил от швейцара информацию, переданную в снисходительном тоне:

– Молодая леди велела шоферу ехать дальше.

– Велела ехать дальше?

– Почти тотчас же после того, как вы ушли, села в автомобиль и велела ехать к Ватерлооскому вокзалу.

Джордж ничего мог сообразить. Его поза выражала молчаливое недоумение. Он продолжал бы так стоять до бесконечности, если бы его внимание не было отвлечено повелительным голосом,

раздавшимся в непосредственной близости: «Вы, сэр, черт возьми!» Подъехал второй таксомотор, и из него выскочил полный юноша с багровым лицом. Джорджу все стало ясно. Погоня возобновилась. Ищейка напала на след. Перси вновь появился! Впервые после того, как он узнал об ее бегстве, Джордж был доволен, что девушка исчезла. Он слишком быстро вычеркнул Перси из списка предметов, имеющих значение. Озабоченный собственными мыслями и приняв последнюю стычку за решительный бой, после которого сторонам уже не удастся собраться с новыми силами, он проглядел возможность преследования его и девушки в другом автомобиле со стороны этой надоевшей и ненужной личности, а это между тем как раз при запруженном и медленном движении было крайне просто. Юноша был здесь, в явно приподнятом настроении, и с гораздо более высоким давлением крови, чем то, которое могло бы вызвать одобрение со стороны его врачей. Приходилось начинать дело сызнова.

– Итак... – сказал полный юноша.

Джордж бросил на него критический и недружелюбный взгляд. Ему был противен этот откормленный выродок. Рассматривая его со всех сторон, он не мог в нем найти ни одной точки, которая доставила бы ему удовольствие, за исключением вида его цилиндра, на одной стороне которого он с радостью заметил большую и безобразную складку.

– Вы воображаете, что отделались от меня, что вам удалось скрыться от меня. Вы ошиблись.

Джордж хладнокровно посмотрел на него.

– Я знаю, в чем дело. Вас кто-то перекармлил мясом.

Молодой человек вскипел от бешенства. Его лицо побагровело еще сильнее. Он стал жестикулировать руками.

– Вы негодяй! Где моя сестра?

При этих неожиданных словах, Джордж почувствовал головокружение. Эти слова заставили его внезапно переоценить положение. До этого момента он смотрел на этого человека, как на преследователя девиц. Ему совсем не приходило в голову, что последний мог иметь какие-либо права со своей стороны. Он был потрясен. Ему показалось, что почва уходит у него из-под ног.

– Ваша сестра?

– Вы слышали, что я сказал! Где она?

Джордж все пытался собраться с мыслями. Он чувствовал себя в глупом положении и испытывал желание оправдаться. Он вообразил, что неотразим в своей правоте, а между тем оказалось, что он неправ. На мгновение им овладело почти примирительное настроение. Однако, воспоминание о тревоге, охватившей девушку, и о ее намеках на угрожающую ей неприятность, вероятно, вследствие вмешательства этого мужчины – брата ее или нет – остановило его. Он не знал причины ее тревоги, но одно ему было ясно в этом потоке событий: девушка нуждалась в его помощи. На чьей бы стороне ни было право, он был ее соучастником и должен был действовать, как таковой.

– Я не знаю, о чем вы говорите, – сказал он.

Молодой человек приблизил к его лицу большой кулак, облеченный в перчатку. Внезапно в эту бурную сцену ворвался восхитительный, глубокий и успокоительный голос:

– В чем дело?

Огромный полисмен неожиданно вырос из-под земли перед ними. Он стоял рядом с ними, как живая статуя бдительной власти. Один палец непринужденно покоился на его широком поясе. Пальцы другой руки слегка ласкали усы, которые причинили гораздо больше сердечных ран прекрасному полу, чем какая-либо другая пара усов в этом квартале. Глаза над усами были суровы и вопрошающи.

– В чем дело?

Джордж любил полисменов. Он умел с ними ладить. В его голосе, когда он ответил, послышалась именно та правильная нотка почтительного уважения, которая нравится власти.

– Я ничего не могу понять, – сказал он с таким видом, точно в минуту опасности обрел старшего ласкового брата, готового вывести его из затруднений.

В результате, констебль превратился тотчас же в его союзника.

– Я стоял здесь, когда этот человек неожиданно совершил на меня это необычное нападение. Мне бы хотелось, чтобы вы попросили его удалиться.

Полисмен хлопнул полного юношу по плечу.

– Это не годится, сказал он сурово. – Здесь это не полагается.

– Руки прочь! – воскликнул Перси.

Олимпийское чело нахмурилось. Юпитер извлек свои громовые стрелы. – Эй, эй – сказал он шокированным тоном бога, которому

смертный бросает вызов.

Его пальцы снова коснулись плеча Перси, но на этот раз отнюдь не в виде только предупредительного и легкого прикосновения. Остановившись там, куда они попали, они превратились в железные объятия.

– Такого рода вещи недопустимы, – сказал он.

Бешенство охватило полного юношу. Самая простая осторожность и полученное им заботливое воспитание спали с него, подобно одежде. Испустив несвязный вой, он изогнулся и нанес полисмену сильный удар в живот.

Ах! – воскликнул оскорбленный констебль, внезапно превратившись в смертного. Его левая рука отделилась от пояса, и он деловито схватил своего противника за воротник.

– Отлично! Вы последуете за мной!

Поразительно, в какой невероятно короткий промежуток времени произошло это событие. В течение одной минуты Джорджу показалось, что он очутился в самой гуще неприятной свалки и притом в одном из самых многолюдных пунктов Лондона. В следующее мгновение фокус переместился.

Джордж утратил всякое значение, и внимание всех всецело приковалось к стороне нападающей, которую десница закона направляла на путь, ведущий к полицейскому участку на Вайн-Стрит, не раз протоптанный многими другими. Джордж следил за парой, шедшей по улице и сопровождаемой все растущей толпой. Затем он вернулся в гостиницу.

Глава V

Джордж проснулся на следующее утро с неясным чувством, точно мир каким-то образом изменился. Как только его покинули объятия Морфея, он почувствовал какое-то неопределенное возбуждение. Затем он мигом присел на постели. Он вспомнил, что был влюблен. Не было никаких сомнений в этом. Удивительное чувство счастья охватило все его существо. Он почувствовал себя молодым и полным энергии. Все было к лучшему в этом лучшем из миров. Солнце сияло. Даже, когда он слышал, что кто-то на улице напевает одно из его старых произведений, которое уже год тому назад наполнило бы его чувством болезненного отвращения, теперь звуки эти ласкали его слух, несмотря на то, что у незримого певца была плохая музыкальная память.

Джордж легко спрыгнул с постели и открыл кран в ванне. Пока он покрывал лицо мыльной пеной для бритья, он посмотрел на себя в зеркало. Она пришла, наконец, истинная любовь. Джордж никогда раньше не был влюблен по-настоящему. Правда, начиная с пятнадцатилетнего возраста, он в той или иной степени испытывал сентиментальное влечение к противоположному полу. На самом деле, в тот период своей жизни, когда ему было семнадцать лет, он влюблялся в каждую женщину, с которой сталкивался, и в целую дюжину, которую видел лишь на расстоянии. Но зрелые годы отрезвили его и лишили этой прекрасной романической универсальности. За последние пять лет он более или менее равнодушен к женщинам. Сама природа его профессии в большей степени подействовала на охлаждение его чувств. Для человека, время которого, как у Джорджа, всецело поглощено творением музыкальных комедий, женщина начинает терять много тех привлекательных черт, которыми обольщаются обыденные мужчины. Джорджу позднейших годов стало казаться, что самая характерная черта у женщины была ее склонность брыкаться. В течение пяти лет он вращался в мире женщин, многие из которых были прекрасны. Однако, они не оставили после себя других воспоминаний, кроме того, что сильно и многократно брыкались. Одни – из-за исполнения своих музыкальных номеров, другие из-за своих любовных историй. Некоторые ворчали

из-за того, как они должны были держаться при уходе со сцены, другие из-за туалетов во втором акте. Они брыкались с бесконечным разнообразием, со злостью, кротко, шумно, мягко, с улыбкой, со слезами, трогательно и покровительственно, но решительно все брыкались. В результате, женщина для Джорджа превратилась не в пламенное вдохновение или нежную богиню, но в нечто такое, чего надлежит избегать и, если возможно, то с тактом, если же нет, то путем явного бегства. Уже многие годы он боялся оставаться с женщиной наедине и выработал привычку быстро ускользать, когда замечал, что какая-либо из них пытается сблизиться с ним. Не трудно вообразить психологическое следствие такого положения вещей. Представьте себе сумасброда или человека, которым владеет страсть к донкихотству, или человека с поэтическим чутьем, и заставьте его в течение пяти лет сдерживать свои порывы. Получится такой избыток безрассудства, который можно сравнить разве только с газом, вырывающимся из закрытого помещения, или с подвалом, наполненным динамитом: чиркните спичкой, и произойдет взрыв! Бурное вторжение девушки в его жизнь воспламенило Джорджа. Ее сверкающие, смотревшие на него глаза пробудили его врожденные чувства, которые он так долго хранил в запасе. Тысячами кусков взлетели на воздух благоразумие и сдержанность, владевшие им до сих пор. Он оказался так же безнадежно влюбленным, как любой средневековый трубадур. Только, когда он окончил бриться и пробовал пальцами ног температуру ванны, его внезапно осенила мысль, что, хотя он и был влюблен, однако, не следовало забывать, что путь любви усеян гораздо большим числом препятствий, чем любая площадка для гольфа, на которой ему довелось когда-либо играть. Во-первых, он не знал имени девушки, во-вторых, казалось совершенно несбыточным, что он еще когда-либо с ней встретится. Даже в разгаре оптимизма Джордж не мог отрицать того, что эти обстоятельства, следуя благоразумию, нужно расценивать не иначе, как серьезные препятствия.

Он вернулся в спальню и сел на кровать. Надлежало как следует обдумать положение. Он не чувствовал себя угнетенным, он лишь немного задумался. Его поддерживала вера в счастье. Потерпеть сейчас неудачу, допустить, чтобы девушка исчезла из его жизни только потому, что он не знал, кто она такая или где обретается, это значило бы заслужить репутацию неудачного искателя приключений. Нельзя

было во всем полагаться на счастье, надо было собственными усилиями прийти ему на помощь. Но какими сведениями он располагал? Правда, немногими, если уже дело дошло до этого; разве только ему известно было, что она жила где-то в двух часах езды поездом от Лондона, и путь ее начинался с вокзала Ватерлоо. Как бы поступил Шерлок Холмс в таком случае? Сосредоточение мысли не давало никакого ответа на вопрос. И именно на этом вопросе розовый оптимизм покинул его и сменился серым унынием. Страшная мысль распаляла его и сверлила его мозг. «Корабли, которые проплывают ночью!»

Эта встреча могла легко принять такой же оборот. Обдумывая всесторонне это дело, в то время, как он вытирался после ванны, он никак не мог решить, какой мог быть другой исход. Он одевался в дурном расположении духа и вышел из комнаты, чтобы спуститься к завтраку. Завтрак – он надеялся, по крайней мере облегчит это тяжелое чувство, которое отнимало у него мужество. Одна-две чашки кофе придадут бодрость его мыслям. Он открыл дверь. На коврике, снаружи, лежало письмо. Почерк был женский и незнакомый. Оно было написано карандашом. Он вскрыл конверт. Оно начиналось с «дорогой мистер Бэван». С внезапным биением сердца он посмотрел на подпись. Письмо было подписано «Девушка в автомобиле».

«Дорогой мистер Бэван. Надеюсь, что Вы не сочли меня слишком невоспитанной за то, что я удрала, не попрощавшись. Я вынуждена была поступить таким образом. Я видела Перси, подъезжавшего в автомобиле, и поняла, что он проследил нас. Он меня не видел, так что мне вполне удалось ускользнуть. Я прекрасно устроилась с деньгами, так как вспомнила, что на мне была дорогая брошка, и остановилась по дороге на вокзал, чтобы заложить ее. Еще раз благодарю Вас за Вашу изумительную доброту.

Ваша девушка в автомобиле».

Джордж дважды прочел записку по дороге в ресторан и еще три раза во время завтрака. Затем, препоручив ее содержание, до последнего знака препинания, своей памяти, он предался пылким мечтам. Что за девушка! Он в жизни не встречал еще женщины, которая могла бы написать письмо без постскриптума, и это было самое меньшее из ее необычайных дарований. Какую находчивость она проявила, догадавшись заложить брошку. Какая любезность с ее

стороны послать ему записку. Более, чем когда-либо он убеждался, что он отыскал свой идеал. Он окончательно решил, что такой пустяк, как то, что он не знал ее имени и адреса, не должен разлучить их. У него ведь была исходная точка. Он знал, что она жила в двух часах езды от Лондона и отправлялась с вокзала Ватерлоо. Это чрезвычайно облегчало поиски. Ведь она могла проживать лишь в одном из трех ближайших графств и нужно быть ничтожным человеком, чтобы не отыскать в нескольких мелких графствах любимую девушку, особенно, если счастье так покровительствует ему.

Счастье – это богиня, которую нельзя приневолить и заставить насильно дарить своим расположением тех, кто домогается ее благосклонности. От таких властных натур она отворачивается. Но, если, мы протягиваем к ней руку со смиренной надеждой маленького ребенка она проникается жалостью к нам и не покидает нас в часы испытаний.

Джорджу, который лелеял надежду дождаться чего-то из ряда вон выходящего, она почти тотчас же улыбнулась. Когда Джордж завтракал один, то обычно, чтобы рассеять тоску, принимался за чтение одной или нескольких вечерних газет. Сегодня, сидя в одиночестве за столом в ресторане на Пикадилли, он вооружился «Ивнинг-Нью». Одной из первых статей, бросившихся ему в глаза, была статья, напечатанная в отделе, посвященном юмористическим заметкам в прозе и стихах о дневных происшествиях. Автор, очевидно, счел достойным занести одно из них на столбцы газеты. Оно было озаглавлено:

«ПЭР И ПОЛИСМЕН»

Ходит слух, что у гостиницы «Карлтон» имело место происшествие огромного интереса. Было около половины третьего. День был ясен, небо голубое, все дышало спокойствием, как вдруг безукоризненно одетый джентльмен, в пылу спора, стал наносить оскорбления другому, также безукоризненно одетому джентльмену. Он замахнулся на него рукой, обтянутой замшевой перчаткой. Неизвестно, какая произошла бы катастрофа, если бы на сцене не появился любимец старого Лондона в лице полисмена, бляха 231.

– Что значит ваше поведение? Прошу прекратить, – воскликнул этот достойный восхищения хранитель порядка, опуская предохраняющую длань на плечи скандалиста. Нам хотелось бы

обойти молчанием остальное, не представляющее интереса легкой шутки. Одно воспоминание о том, что произошло, заставляет наши чернила бледнеть. Будем кратки. Какой-то демон помрачил рассудок безукоризненно одетого джентльмена. Он ударил полисмена как раз по тому месту, где последний хранил свой завтрак. Констеблю ничего не оставалось, как отвести его в участок. В участке на Вайн-Стрит выяснилось, что имя преступника – лорд Бельфер. Но британское правосудие одинаково строго карает как пэра, так и нищего. Незыблемой рукой держит оно свои весы. Крупный денежный штраф, взамен тюремного заключения, заставит лорда Бельфер испытать раскаяние и узнать, что он не должен награждать тумакami представителей власти.

Баранья котлета Джорджа застыла нетронутой на тарелке. Жареный картофель, приготовленный по-французски, стал холодным. Время было не для еды. Он был прав, когда положился на свое счастье. Оно благородно постояло за него. Имея в руках исходную нить, ему оставалось лишь отправиться в ближайший книжный магазин и порыться в адресном справочнике. Он заплатил по счету и ушел из ресторана. Десять минут спустя, он с жадностью поглощал много сулящие сведения о том, что Бельфер – это фамильное прозвище графа Маршмортона, что у теперешнего графа имеется единственный сын – Перси Вильбрагам Марш, получивший воспитание в Итоне и Оксфорде, и т. д., о чем справочник сообщал со свойственной ему краткостью, и дочь – Патриция Мод. Местопребывание семьи – замок Бельфер.

Несколько часов спустя, сидя в купе первого класса, в поезде медленно выезжавшем с вокзала Ватерлоо, Джордж следил за исчезающим позади него Лондоном. В кармане, ближайшем к его трепещущему сердцу, находился билет в Бельфер, но не «обратно».

Глава VI

Почти в то же время, когда поезд, с которым ехал Джордж, покидал Ватерлоо, серый гоночный автомобиль, скрипя тормозом и обдавая песком, подъезжал к главному подъезду замка Бельфер. Стройный и элегантный юноша снял автомобильные очки и обратился к полному юноше, сидевшему около него. «2 часа и 18 минут от угла Гайд-Парка. Не очень запылились!» Его спутник не отвечал. Казалось, что он был погружен в думу. Он тоже снял автомобильные очки, открывая цветущее, но угрюмое лицо, украшенное, в дополнение к обычным чертам, маленькими усиками и двойным подбородком. Он мрачно нахмурился на прелестный вид, который прежде скрывали от него автомобильные очки. Замок Бельфер вздымался перед ним к яркосинему небу своей стройной массой из серого камня и зеленого плюща. С обеих сторон на всем протяжении, которое мог охватить глаз, развертывался парк, там и сям покрытый фиалками, усеянный высокими дубами, ясенями и каштанами, чинный, мирный и истинно-английский. Ближе, по левую его сторону, были разбросаны цветники роз, в центре которых показалась наклонённая под острым углом пара бархатных штанов, хозяин которых, по-видимому, был занят охотой на улиток. Дрозды распевали свои песни в зеленом кустарнике, грачи перекликались в вязах. Откуда-то издалека доносились звуки овечьих колокольчиков и мычанье коров. Казалось, что этот ландшафт, озаренный вечерним солнцем после прекрасного весеннего дня и освежаемый мягким западным ветром, должен был действовать, как бальзам и пробудить успокоительные мысли в том, кто являлся единственным наследником всего этого рая. Но Перси, лорд Бельфер, оставался равнодушным к совместной и достойной удивления работе природы и человека и не испытывал радости при мысли о том, что всё это со временем станет его собственностью. В эту минуту его голова была занята воспоминанием, вытеснявшим всякие другие мысли, о той тяжелой сцене, которую он пережил в полицейском участке. Неприятные для слуха и лишённые такта замечания чиновников еще звучали у него в ушах. А эта адская ночь, проведенная в участке! Твердое ложе! Непристойные звуки, испускаемые пьяными и

хулиганами в соседней камере! Время могло смягчить эти воспоминания, могло ослабить остроту этих душевных мук, но ничто не могло стереть их окончательно! Перси был потрясен до глубины души. Физически он все ещё чувствовал одеревенелость и боль в членах от твердой постели. Духовно в нем кипел вулкан. Он прошелся на глазах всего Лондона в сопровождении полисмена. Подобно провинившемуся ребенку, ему пришлось выслушать нотации со стороны чиновника, которого ничто не могло разубедить в том, что он не находился под влиянием винных паров в момент ареста. Этот субъект, побуждаемый добрым намерением предостеречь его, пока не поздно, наговорил ему много вещей насчет его печени. Эти слова он счел бы неприлично откровенными, даже, если бы они исходили от его врача с глазу на глаз. Неудивительно поэтому, что лорд Бельфер оставался равнодушным, не взирая на живописный вид замка и красоту его архитектуры. В нем кипело бешенство, которого не мог укротить никакой разговор с Реджи Бингом во время путешествия из Лондона. Реджи был последним человеком, которого он добровольно выбрал бы в товарищи в часы печали; он не обладал способностью утешать, к тому же, во время пути, он, от времени до времени, пускался в неуместные толкования по поводу недавнего несчастного происшествия, которое было очень неприятно выслушивать. Он возобновил эти шуточки, когда они вышли из мотора и позвонили.

– Это похоже на отрывок из мелодрамы, – начал Реджи. – Блудный сын, шатаясь, подымается по ступенькам старого дома и звонит. Что ожидает его там? Прощение или головомойка, Правда, седой дворецкий, который знал его еще ребенком, с рыданиями бросается ему на шею. Но как поступит престарелый отец, как отнесется он к пятну на фамильном гербе?..

Лорд Бельфер еще сильнее нахмурился.

– Это не тема для шуток, – холодно заметил он.

– Боже упаси, я не шучу. Как хватило бы у меня духу шутить в такую минуту, когда мой друг детства стал социально-опасным элементом.

– Замолчите, ради бога.

– Вы думаете, что мне доставляет удовольствие показываться с человеком, который небезызвестен в преступных кругах под кличкой Перси-потрошитель полисменов? Большие двери замка раскрылись, и

в них показался дворецкий Кэггс. Это был человек почтенного возраста, с величественной осанкой и почитательно благожелательным лицом, которое со степенной важностью засияло при виде молодого барина и мистера Бинга, точно их приход переполнил чашу его наслаждений. Его светлые глаза, слегка навывкате, выражали подобострастное почтение. Он как бы придал сцене тот штрих уютной сердечности, в которой так нуждалась полуосвещенная передняя, уставленная тяжелой мебелью. Он как будто хотел дать понять, что наступил момент, которого он давно ожидал, и что отныне здесь воцарится безмятежное счастье. С прискорбием следует отметить тот грустный факт, что, по виду идеальный слуга в часы досуга, когда он не был при исполнении своих служебных обязанностей, был так далек от почитательного отношения к хозяевам, что усвоил манеру, говоря о лорде Бельфере, называть его попросту Перси. А что Кэггс в душе был, «социалистом», не было тайной для старшего персонала в замке, и об этом со страхом шептался низший персонал.

– Добрый вечер, ваше сиятельство, добрый вечер, сэр.

Лорд Бельфер хмуро ответил на приветствие. Реджи был более любезен.

– Как вы поживаете, Кэггс? Если вы собираетесь это сделать, так сейчас как раз подходящая минута. – Он слегка отошел в сторону и приглашающим движением указал на красную шею лорда Бельфера.

– Простите, сэр.

– А! Вы ждете момента, когда сможете сделать это наедине. Вы, может быть, правы! Дворецкий снисходительно улыбнулся. Он не понимал, о чем говорил Реджи, но это не смущало его. Он уже давно пришел к заключению, что Реджи был слегка тронут, причем эту теорию разделял также и лакей Реджи. Нельзя сказать, чтобы Кэггс не любил Реджи, но он относился к нему с пренебрежением.

– Кэггс, принесите чего-нибудь выпить в библиотеку.

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

– Превосходная идея, – сказал Реджи. Я только поставлю автомобиль в гараж и сейчас же вернусь.

Он сел за руль и пустил в ход машину. Лорд Бельфер направился в библиотеку в то время, как Кэггс исчез в конце передней, в дверях, отделявших людские от остальной части дома. Реджи проехал не более двенадцати шагов, когда заметил свою мачеху и лорда Маршмортонна,

шедших ему навстречу со стороны цветника роз. Он приподнялся, чтобы их приветствовать.

– Хэлло, мама, хэлло дядя! Я снова вернулся на старое пепелище.

За аристократическим лбом леди Каролины, казалось, скрывалось волнение.

– Реджи, где Перси?

– Старина Перси, кажется, в библиотеке. Я только что спустил его с автомобиля.

Леди Каролина повернулась к брату:

– Джон, идем в библиотеку!

– Хорошо, хорошо, хорошо, сказал с раздражением лорд Маршмортон.

Казалось, что-то нарушило его покой. Реджи поехал дальше. Возвращаясь медленно в дом, после того, как он поставил автомобиль на место, он встретил Мод.

– Хэлло, Мод, дорогая деточка.

– Реджи, я вас ждала вчера вечером.

– Я не мог вернуться вчера, мне пришлось застрять в городе и ободрять Перси. Я не мог покинуть мальчика в час испытания.

Реджи весело хихикнул:

– Час испытания – это самое подходящее выражение; это именно было так на самом деле.

– А что случилось с Перси?

– Неужели вы хотите меня уверить, что вы об этом не слышали? Ну, конечно, нет! Этого еще не было в утренних газетах! Перси ударил полисмена!

– Что сделал Перси?..

– Удивительно драматическое происшествие! Мод перевела дыхание. Она чувствовала, что это необычайное происшествие находится каким-то образом – хотя она не угадывала как в связи с ее выходкой. Потом ее чувство юмора восторжествовало над этим опасением, и глаза ее радостно засверкали.

– Это совершил, действительно, Перси?

– Безусловно! Человек – зверь и так далее. Угроза обществу и все такое. Невозможно было его сдержать. По какой-то причине благородная кровь Бельферов закипела, и вот его отправили в участок. В ясное и раннее утро сегодня ему пришлось расстаться с десятью

монетами. Знаете, Мод, старина, мы должны тренировать его до подходящего веса и выпустить в Национально-Спортивном клубе. Чемпион среднего веса незаметно вырос под нашей кровлей.

Мод немного заколебалась.

– Я полагаю, что вы не знаете, – сказала она небрежно, почему он это сделал. Он вам ничего не говорил?

– Я не мог добиться от него ни одного слова. Устрицы в сравнении с ним многоречивы, а могилы болтливы. Безусловно мне известно лишь то, что он дал констеблю тумака. Что побудило его к тому, это больше, нежели я могу сказать. Что, если отправимся в библиотеку и будем присутствовать при вскрытии мертвого тела?

– Вскрытие мертвого тела?

– Я встретил матушку и его сиятельство по дороге в библиотеку, и было очень похоже на то, что матушка по дороге из города прочла вечернюю газету. Когда она вернулась?

– Недавно!

– Она, вероятно, купила вечернюю газету, чтобы почитать в поезде. Мы должны войти посмотреть, что там происходит.

Мод снова заколебалась, но она была девушкой с характером, и инстинктивно чувствовала, что лучшей защитой для нее было нападение. Требовалась энергия. Невинное лицо с широко раскрытыми глазами! К тому же, Перси не мог быть уверен, что он видел ее на Пикадилли.

– Хорошо! Кстати, дорогая Мод, – спросил Реджи. – Ваше дельце окончилось удачно? Я забыл спросить.

– Не очень, но с вашей стороны было чрезвычайно любезно взять меня с собой в город.

– Что, если бы вы не слишком долго останавливались на этом факте, – сказал Реджи с беспокойством. – Ради бога, не говорите матери, что пришел вам на помощь.

– Не беспокойтесь, смеясь заметила Мод. Я вообще не собираюсь говорить об этом.

Тем временем, лорд Бельфер в библиотеке, при помощи виски с содой, почувствовал себя несколько лучше. В библиотеке, с ее темными полутонами, было нечто такое, что действовало успокоительно на его больные нервы. Мир с его бурными происшествиями и высокими полисменами сюда не мог пробраться. В

комнате как – будто парило спокойствие опустевшего города. Было нечто успокаивающее в этих многочисленных рядах книг, которых никто не читал, в этих огромных столах, за которыми никогда никто не писал. С широкого камина бюст неизвестного древнего философа сочувственно смотрел вниз. Нечто отдаленное, похожее на покой, только начало вкрадываться в душу Перси, как вдруг оно было изгнано внезапно открывшейся дверью и появлением леди Каролины и его отца. Одного взгляда, брошенного на леди Каролину, было достаточно лорду Бельферу, чтобы убедиться в том, что ей все известно. Он встал, готовый защищаться.

– Позвольте мне объясниться!..

Леди Каролина дрожала от сдержанного волнения. Самообладание не покинуло этой властной женщины, хотя ее аристократическая невозмутимость никогда еще не подвергалась такому испытанию. Она, как это предполагал Реджи, прочла в вечерней газете, в поезде, заметку в отделе происшествий, и с этой минуты почва заколебалась у нее под ногами. Цезарь, на которого с кинжалом напал Брут, едва ли испытал большее потрясение. Остальные члены ее семьи часто разочаровывали ее. Она уже свыклась с видом своего брата, работающего в саду в бархатных штанах, и вообще совершающего поступки, недостойные графов. Она примирилась с тем, что Мод была способна влюбиться в ничтожество, с которым случайно познакомилась. Даже Реджи изредка проявлял демократические черты, которых она не одобряла. Но она была вполне уверена в своем племяннике Перси. На него можно было опереться, как на скалу. Он был твердокаменным. Она всегда сознавала, что он, по крайней мере, не сделает ничего такого, что умалит честь рода. И Перси оказался хуже всех! Какие бы проступки ни совершали остальные, они, во всяком случае, не попадали на столбцы газет, в отдел происшествий. Лорд Маршмортона мог носить костюм рабочего и отказываться принимать соседей и устраивать для них пикники; он мог ложиться спать с книгой, между тем, как на его обязанности лежало быть гостеприимным хозяином у себя на званом вечере. Мод могла отдать свое сердце субъекту, о котором никто никогда ничего не слышал. Реджи мог показываться в модных ресторанах с боксерами. Во всяком случае, вечерние газеты не описывали его подвигов в шутовском тоне. Это последнее унижение выпало на долю доселе безупречного Перси, который из всех молодых

людей, знакомых леди Каролины, больше кого-либо, казалось, был преисполнен непоколебимым сознанием важности своего положения и самыми строгими взглядами относительно чести своего громкого имени. Если только можно было поверить газетному сообщению, то оказывается, что с ранних лет он рыскал по Лондону, подобно дикому готтентоту, зверски нападая на полицию. Леди Каролина, чувствовала себя подобно епископу, внезапно узнавшему, что его любимый викарий перешел в идолопоклонство.

– Объяснить? – воскликнула она, как вы можете объяснить? Вы – мой племянник, наследник титула, ведете себя, как простой скандалист на улицах Лондона. Вас пропечатали в газетах!

– Если бы вы знали обстоятельства...

– Обстоятельства! Их можно найти в вечерних газетах.

Лорд Маршмортон слегка хихикнул. Это был человек, которого легко было развеселить.

– Ты должен прочесть об этом, мой мальчик. Великолепная статья! Весьма прискорбно, конечно, – спешно присовокупил он. – Весьма прискорбно.

Он пытался вернуть уважение сестры проявлением справедливого негодования.

– О чем вы думали, Черт возьми! Вы – мой единственный сын. Я с неусыпной заботливостью следил, как вы превращались из ребенка в мальчика, из мальчика в мужчину. Я мечтал о том, как я буду гордиться вами. А вы, между тем, шатаетесь по Лондону, ища кого можно растерзать, терроризируя столицу и заставляя невинных полицейских бояться за свою жизнь.

– Выслушайте меня хоть минуту! – крикнул Перси.

Он начал быстро говорить, сознавая необходимость сказать все, пока не поздно.

– Вот каковы факты. Я шел по Пикадилли в клуб, к завтраку, когда около Берлингтон-Аркад был поражен, увидев Мод!

Леди Каролина воскликнула:

– Мод? Но ведь Мод была здесь.

– Я не могу понять, в чем дело, начал лорд Маршмортон, возобновляя свои замечания.

Он почувствовал, что справедливое негодование было встречено благосклонно. Было бы благоразумно продолжать в таком же духе,

хотя в душе он держался того мнения, что ничто не было так похоже на Перси, как нападение на Силу. Лорд Маршмортона, который в свое время совершил все ошибки молодости, приучился смотреть на своего безупречного сына, как на ненормальное существо.

– Вы никогда не были необузданным, вы никогда не попадались ни в каких проделках в Оксфорде. Вы все свое время потратили на коллекционирование старого фарфора и церковных ковров. Вы носили фланель прямо на теле!

– Замолчите, пожалуйста, – с нетерпением сказала леди Каролина. – Продолжайте, Перси!

– Совершенно верно, – сказал лорд Маршмортона. – Я только сделал Перси замечание.

– Перси, вы говорите, что видели Мод на Пикадилли?

– Вот именно. Сначала мне показалось, что это было просто необычайным сходством с ней. Когда же она вошла в автомобиль, я окончательно убедился, что это была Мод.

Лорд Маршмортона не мог обойти этого молчанием. Он был справедливым человеком. – Почему девушке не войти в автомобиль? Почему девушка, гуляющая по Пикадилли, непременно должна быть моей дочерью Мод? Только потому, что она вошла в автомобиль? Лондон, продолжал он возбужденно, – переполнен девушками, нанимающими автомобили.

– Она не наняла автомобиля.

– Вы только что сказали, что она это сделала.

– Ловко! – сказал лорд Маршмортона.

– Я сказал, что она села в автомобиль и что кто-то другой уже находился там. Мужчина! Тетя Каролина, это был «он»!

– Боже мой, – воскликнула леди Каролина, падая на стул, точно подкошенная.

– Я безусловно убежден в этом, – торжественно продолжал лорд Бельфер. Его поведение вполне оправдывало мои подозрения. Автомобиль остановился вовремя, так как дорога была запружена. Я подошел и попросил его вполне вежливо позволить взглянуть на только что вошедшую даму. Он стал отрицать, что в автомобиле находится дама. Я же собственными глазами видел, как она туда впрыгнула. Во время разговора он высовывался из окна с очевидным намерением скрыть от моего взора кого-то внутри. Я ехал за ним в

другом моторе вдоль Пикадилли и проследил его до «Карлтон-Отеля». Когда я приехал туда, он стоял на тротуаре около гостиницы. Никаких признаков Мод не было. Я просил его указать, где она. В этот момент появился этот дурацкий полисмен и хотел узнать, в чем дело. Я потерял голову, открыто признаюсь в этом. Полисмен схватил меня за шиворот, и я ударил его.

– Куда? – спросил лорд Маршмортона, любящий останавливаться на подробностях.

– Какое это имеет значение? – спросила леди Каролина. – Перси, вы поступили совершенно правильно. Следует запретить этим должностным лицам дотрагиваться руками до людей. – Скажите мне, как выглядит этот человек?

– У него самая заурядная наружность. Единственно, что я действительно запомнил в нем, это, что он гладко выбрит. Мне непонятно, как Мод могла потерять голову из-за такого человека. Мне показалось, что в нем не было ничего привлекательного, – сказал лорд Бельфер не совсем разумно, так как сам Аполлон едва ли мог показаться привлекательным, когда он сшибает с вас вашу лучшую шляпу.

– Это, должно быть, тот же самый господин?

– Безусловно! Если вам нужны дальнейшие доказательства, то вот: он американец. Вы помните, что мы слышали о том, что этот субъект из Уэльса – американец.

Наступило зловещее молчание. Перси вперил взор в пол. Леди Каролина взволнованно дышала. Лорд Маршмортона, чувствуя, что от него чего-то ждут, сказал: «Великий боже!» и серьезно посмотрел на чучело совы, сидевшее на подставке. В это время появились Мод и Реджи Бинг.

– Ну вот! Вот и мы! Вот и мы! – сказал Реджи развязно. Он верил, что обладает способностью удачно начать разговор и заставить общество чувствовать себя свободно и непринужденно.

– Вот и мы, вот и мы!

Мод приготовилась к схватке.

– Дорогой Перси, – сказала она, встречая укоризненные взгляды брата с тем полным спокойствием, которое свойственно только людям с не совсем чистой совестью. – Хэлло! Здравствуйте! – В чем дело? Я

слышу, что вы стали бичом Лондона? Реджи говорил, что полисмены прячутся при вашем приближении.

Ледяное молчание устрасило бы менее храбрую девушку. Леди Каролина привстала с суровым взглядом. Перси порывисто дышал. Лорд Маршмортон, мысли которого снова вернулись к цветнику роз, взял себя в руки и старался принять угрожающий вид. Мод продолжала говорить, не выжидая ответа. Она была полна бьющей через край веселостью. Это был очаровательный образец молодой английской девушки, которая едва не вызвала на устах брата пену бешенства.

– Дорогой отец, – сказала она, нежно бросаясь ему на шею. – Я сегодня утром играла в гольф.

Леди Каролина перебила рассказ.

– Неинтересно, чем вы были заняты сегодня утром. Скажите, что вы делали вчера днем?

– Да, – сказал лорд Бельфер, – где вы находились вчера днем?

Мод приняла вид маленького ребенка, который никогда в течение всей своей короткой жизни не пытался что-либо скрыть.

– Что вы хотите сказать?

– Что вы делали вчера днем на Пикадилли? – спросила леди Каролина.

– Пикадилли? То место, где Перси нападает на полисменов? Я не понимаю.

Леди Каролина не была спортсменом. Она по ставила один из тех прямых, ясных, определенных вопросов, на которые можно лишь ответить «да» или «нет».

– Мод, вы вчера ездили в Лондон, или нет?

Чудовищная недобросовестность такого способа нападения больно поразила Мод. В детстве она придерживалась обычного женского взгляда на явную ложь. У нее не было никаких сомнений, пока речь шла о замалчивании истины, но она питала отвращение к умышленному обману. Из двух зол она выбрала, по крайней мере, то, что сохраняло ей самоуважение.

– Да, я ездила.

Леди Каролина посмотрела на лорда Бельфер, лорд Бельфер посмотрел на леди Каролину. – Вы поехали, чтобы встретиться с вашим американцем?

– Да!

Реджи Бинг попытался тихонько выскользнуть из комнаты. Он почувствовал, что ему будет приятнее где-нибудь в другом месте. Он был сильно замешан в этой истории.

– Не уходите, Реджи, – сказал лорд Бельфер.

– Я хочу сказать, что во время семейных сцен и т. д., вы понимаете, что у меня есть кое-какие дела, которые я должен закончить.

Он исчез. Лорд Бельфер нахмурился.

– Так, значит, это он сшиб шляпу с моей головы?

– Что вы хотите сказать? – спросила леди Каролина. – Сшиб с вас шляпу? Вы мне не говорили, что он сшиб с вас шляпу.

– Это произошло, когда я попросил у него позволения заглянуть в автомобиль. Я только схватил ручку дверцы, как он внезапно ударил по моей шляпе, и она слетела с головы. Пока я ее поднимал, он укатил.

Лорд Маршмортон что-то стал бормотать; при этом его лицо исказилось гримасой негодования.

– Вы должны были арестовать негодяя, – сказал он свирепо. – Это было форменное нападение!

– Перси! Человек, который сбросил вашу шляпу, – сказала Мод, – не был... Это был совсем другой человек, чужой, незнакомец.

– Неужели вы стали бы разъезжать в автомобиле с незнакомцем? – язвительно заметила леди Каролина. – Надеюсь, что есть границы даже для вашей нескромности.

Лорд Маршмортон откашлялся. Ему было жаль Мод, которую он любил.

– Если строго смотреть на вещи...

– Замолчите, – сказала леди Каролина.

Лорд Маршмортон отступил.

– Я хотела избежать встречи с вами, поэтому я вскочила в первый попавшийся автомобиль.

– Я не верю этому, – сказал Перси.

– Тем не менее это правда.

– Вы просто стараетесь сбить нас с толку.

Леди Каролина обернулась к Мод. Вид последней возбуждал жалость. Она похожа была на мученицу, боявшуюся оскорбить своих мучителей.

– Мое дорогое дитя, почему вы не хотите быть разумной в этом деле. Отчего вы не позволяете, чтобы вами руководили те, кто старше и благоразумнее вас?

– Вот именно, – сказал лорд Бельфер.

– Все это происшествие слишком нелепо.

– Безусловно, повторил лорд Бельфер.

Леди Каролина раздраженно обернулась к нему.

– Перси, не перебивайте, пожалуйста, вы заставляете меня забыть, о чем я собиралась сказать.

– По моему мнению, – сказал лорд Маршмортон, вновь выплывая на поверхность, – к настоящему случаю надо подходить...

– Пожалуйста, – сказала леди Каролина.

Лорд Маршмортон замолчал и снова принялся созерцать чучело птицы.

– Тетя Каролина, нельзя же заставить себя перестать был влюбленной, – сказала Мод.

Вас могут заставить перестать, если есть кто-нибудь со здравым смыслом, заботящийся о вас.

Лорд Маршмортон оторвался от созерцания птицы.

– Когда я был в Оксфорде в 1887 г., начал он болтливо, – я вообразил себя влюбленным в девушку, продавщицу из табачной лавки. Безнадежно влюбленным, чертовски, безнадежно. Хотел жениться на ней. Я вспоминаю, что мой бедный отец взял меня из Оксфорда и держал под семью замками здесь в Бельфере... под семью замками. Да, черт возьми! Я помню, что был дьявольски потрясен в то время. – Его мысли вернулись к славному прошлому. Я хотел бы знать, как звали эту девушку. Странно, что никак нельзя запомнить имен. У нее были каштановые волосы и родимое пятнышко сбоку на подбородке. Я помню, что часто целовал ее.

Леди Каролина, обычно столь ярая защитница исторических исследований ее брата, резко оборвала эти воспоминания. Это не относится к делу сейчас. Не обращайтесь на это внимания.

– Я и не обращаю внимания, я позабыл, я переборол это чувство.

– Хорошо, – сказала леди Каролина, – бедный отец в данном случае поступил чрезвычайно разумно. Нам не остается ничего другого, как поступить с Мод подобным же образом. Вы не сделаете шага из дома,

пока не преодолеете этого ужасного ослепления. За вами будут следить!

– Я буду следить за вами, торжественно сказал лорд Бельфер. – Я буду следить за каждым вашим движением.

Мечтательное выражение появилось в карих глазах Мод.

– Не каменные стены делают тюрьмы, не железные прутья делают клетку, – сказала она нежно.

– Ваш опыт вам показал противное, Перси, мой мальчик, сказал лорд Маршмортон.

– Во всяком случае, они дают известные результаты, – холодно сказала леди Каролина, игнорируя вмешательство брата.

Мод посмотрела на нее вызывающе. Она похожа была на принцессу в плену, стоящую лицом к лицу со своими тюремщиками.

– Мне все равно, я люблю его и всегда буду его любить, и ничто не заставит меня разлюбить его, потому что я его люблю, заключила она.

– Глупая, – сказала леди Каролина. – Через год от сегодняшнего дня вы забудете его. Перси, разве вы не согласны со мной?

– Совершенно согласен.

– Я не забуду.

– Чертовски трудная вещь это запоминание имен, – сказал лорд Маршмортон. – Я раз сто старался припомнить имя девушки из табачной лавки. Мне помнится, что оно начиналось с «Л». Мэриел или Гильда, или нечто в этом роде.

– Через год вы будете удивляться, как вы могли когда-либо быть такой взбалмошной и сумасбродной. Не правда ли, Перси?

– Конечно, – сказал лорд Бельфер.

Лорд Маршмортон с раздражением обратился к нему:

– О, господи, великий боже, – неужели, мой милый, вы не можете ответить на простой вопрос простым утверждением? Что вы хотите сказать, говоря «конечно?» Если бы кто-нибудь обратился ко мне и, указывая на вас, спросил: «Это – ваш сын?» Неужели вы предполагаете, что я ответил бы «конечно!» К черту ваше коллекционирование ковров: оно отразилось на ваших умственных способностях.

– Папа, – сказала Мод, – говорят, что тюремное заключение часто удручающим образом действует на психику.

Она пошла по направлению к двери и повернула ручку. Юный слуга Альберт, который подслушивал у замочной скважины, выпрямился и поспешил скрыться.

– Тетя Каролина, это все? Теперь мне можно удалиться?

– Конечно, я сказала все, что хотела сказать.

– Отлично. Мне жаль, что я не могу исполнить вашего желания, это выше моих сил.

– Вы узнаете, что это в ваших силах после того, как проведете здесь в заключении еще несколько месяцев, – сказал Перси.

Нежная улыбка заиграла на лице Мод. – Любовь смеется над оковами, – кротко сказала она и вышла из комнаты.

Лорд Бельфер угрюмо подошел к окну и стал всматриваться в наступающую темноту. – И это должно было случиться накануне моего совершеннолетия! – сказал он с горечью.

Глава VII

Первым необходимым условием для всякой наступающей армии является наличие базы. Джордж, очутившись в деревне Бельфер и совершив, таким образом, первый этап в наступательном движении на замок, избрал в качестве базы гостиницу «Щит Маршмортонов». Избрал – нужно понимать условно, так как, в сущности говоря, у Джорджа выбора не было. В Бельфере было две гостиницы, но «Щит Маршмортонов» единственная, предоставляющая помещение людям и животным, ищущим ночлега. Вторая гостиница – «Голубой кабан» – простая пивная, где низший слой бельферовского общества собирается ночью для утоления жажды и для рассказывания друг другу бесконечных и бессмысленных историй. Между тем, «Щит Маршмортонов» – комфортабельная почтенная гостиница, кормящая плутократов деревни. Там по вечерам вы можете встретить местного ветеринара, раскуривающего трубку с хозяином бакалейной лавки, булочника и мясника и, может быть, нескольких фермеров, вносящих оживление в разговор. По субботам там подают блюдо в шиллинг, под которым на местном наречии подразумевают кусок жаркого с отварным картофелем и за которым следует большой кусок сыра.

Вряд ли во всем свете существует более прекрасное место, нежели типичная английская деревня, где влюбленный мужчина может провести день или два. Для Джорджа, в его теперешнем состоянии душевного подъема, Бельфер был идеальным местом. Джордж не сразу дошел до того, чтобы спросить себя, почему он находится здесь и, раз он уже здесь, что он намерен предпринять. В течение двух томных дней он бродил, занятый собственными мыслями. Он выкурил много трубок, наблюдая, как конюхи ухаживали за лошадьми. Он играл с хозяйским щенком и ласкал хозяйскую кошку. Он спустился к пристани, бродил по берегу и лежал на спине на взморье на другой стороне лагуны, откуда мог видеть красные крыши деревни, в то время, как волны деловито плескались о камни. Джордж не предвидел новых трудностей в своем положении и мечтательно бродил по окрестностям Бельфера. Но на второй день после завтрака, его осенила мысль, что все это очень приятно, но непрактично. Необходимо было

что-то предпринять. Действия – вот что было необходимо. Первым самым неотложным действием было изучение положения замка. Расспросы в «Щите Маршмортонов» обнаружили тот факт, что замок находится на расстоянии одного шага – по дороге, которая шла мимо гостиницы. Но это не был тот день в неделе, когда туда допускалась публика. Любители зрелищ могли вторгаться в бельферский замок только по четвергам, от 2-х до 4-х. В другие дни недели все, что он мог сделать, это было – стоять, подобно Моисею на Синае, и созерцать окрестности. Единственно, что Джордж мог сделать, – это разыскать замок. Ему скоро стало ясным, что шаг – это было несколько смягченное выражение. Он прошел шесть миль, пока, не дошел до вершины холмика, освежаемого ветром, устало шагая по извилистой тропинке, и не увидел перед собой, среди деревьев, то место, которое теперь было для него центром мира. Он сел на каменную стену и закурил трубку. – «Замок Бельфер. Тут живет Мод! Что же дальше?» Первая мысль, которая пришла ему в голову, была практического, даже прозаического характера – мысль, что немислимо совершать эту прогулку в пять миль туда и пять миль обратно каждый раз, когда ему захочется любоваться этой местностью. Он даже подумывал о том, чтобы перенести свою базу куда-нибудь поближе. Самой подходящей был бы один из нарядных, крытых соломой коттеджей внизу в долине. Они все были разбросаны вокруг замка в одиночку и группами, подобно щенкам, прыгающим вокруг хозяина. Казалось, что они стояли здесь веками. Вероятно, это так и было, так как они были из камня, такого же прочного, как и тот, из которого был выстроен замок. У Джорджа мелькнула мысль, что было, вероятно, такое время, когда замок служил центральным сборным пунктом для всех этих разбросанных домиков, когда весть об опасности заставляла всю эту маленькую общину спешно искать защиты за его стенами. В первый раз с тех пор, как он отправился в поход, не то дрожь, не то сердцебиение охватили его в то время, как он смотрел на грозную серую крепость, которую ему предстояло взять штурмом. Так в старое время должны были себя чувствовать осаждающие, когда они взбирались на вершину того самого холма, чтобы обозреть местность. Положение Джорджа было еще хуже. Те, по крайней мере, могли надеяться, что сильная рука и храброе сердце перенесут их за эти крепкие стены. Им не нужно было заботиться об этикете. Джордж же

находился в таком положении, что неблагожелательный дворецкий мог обратить его в бегство, отказываясь впустить его. Наступал вечер. Уже за то короткое время, что он провел на вершине холма, небо из голубого сделалось тёмно-багровым, из бирюзового-серым. Жалобное мычанье возвращающихся домой коров доносилось до него из долины внизу. Летучая мышь, покинув свое убежище, зловеще кружилась над ним. Серп луны сиял над деревьями. Джордж стал чувствовать, что ему холодно. Он обернулся. Ночные тени окружили его, и маленькие существа в кустах насмешливо щебетали и чирикали, когда он стал спускаться в долину. Желание Джорджа найти комфортабельную комнату не встретило, вопреки его ожиданиям, возражений со стороны агента по приисканию комнат. Местные жители принимали всякого, хорошо одетого, за художника, так как местность усиленно посещалась поклонниками кисти из-за ее живописности. Таким образом, Джордж совершил именно то, что местное общество ожидало от него, а агент явился за списком домов еще раньше, чем Джордж успел сказать хотя бы одно слово. Меньше, чем в полчаса Джордж снова вышел на улицу в качестве обладателя на весь сезон того, что агент описывал, как жемчужину, принадлежавшую жене фермера, жившей поблизости и согласившейся приходить по утрам и вечерам, чтобы ухаживать за ним, как она и привыкла это делать художникам. Свидание продолжалось бы всего несколько минут, не будь оно продлено болтливостью агента на тему об обитателях замка, к которой Джордж со вниманием прислушивался. Его не очень ободрило то, что он услышал о лорде Маршмортона. Лорд недавно вызвал в деревне сильную неприязнь. Упорный агент назвал твердолобой позицией, которую лорд занял в вопросе о праве на проезжую дорогу. На самом же деле, в этом вопросе следовало осуждать не покладистого лорда, а леди Каролину. Однако, впечатление, которое Джордж вынес со слов агента о лорде, было таково, что последний был чем-то вроде Нерона. Все, что он услышал об «ее» отце и испытал уже от удовольствия встречи с ее братом, заставило его сердце обливаться кровью за Мод. Ему показалось, что жизнь в замке в таком обществе была пыткой. «Я должен предпринять что-нибудь, – пробормотал он, – я должен предпринять как можно скорее».

– Что вы изволили заметить? – спросил агент.

– Ничего, – ответил Джордж. – Хорошо, я нанимаю этот коттедж. Я сейчас же дам вам чек – плату за первый месяц.

Таким образом, Джордж, преисполненный ревностных, хотя и неопределенных, намерений, поселился в скромно меблированном, но комфортабельном коттедже, известном в округе под названием «внизу у Платта». Он мог бы попасть и в худшую квартиру. Это была двухэтажная постройка из красного кирпича. Она отличалась от обычного типа жилищ в этой местности тем, что имела небольшую ванную комнату, о существовании которой нельзя было догадаться. Кроме того, там была уютная гостиная, большая спальня в верхнем этаже и, рядом с ней, пустая комната, с окнами на север, которая, очевидно, служила жильцам-художникам в качестве студии. Остальная часть нижнего этажа была занята кухней и кладовой. Когда Джордж велел убрать из комнаты семейные фотографии родственников фермерши и раскрашенные картины, комнаты приняли чрезвычайно уютный вид. Одиночество часто перестает быть одиночеством для влюбленного. Джордж ни разу даже не испытал чувства скуки. Единственно, что несколько смущало его покой, была мысль, что он не совсем выполнил то, что требовалось для спасения Мод от беды, в которой она находилась. Самое большее, что он мог предпринять, это – бродить по дорогам около замка, в надежде на случайную встречу. Ему так повезло, что на четвертый день они случайно встретились. Прогуливаясь утром по тропинкам, он был вознагражден зрелищем серого автомобиля, стоявшего на дороге. Он был без седоков, но из-под него торчала пара длинных ног, в то время, как рядом с ним стояла девушка, при виде которой сердце Джорджа стало биться так сильно, что длинноногому могло бы показаться, что машина сама от себя заработала. Она случайно обернулась, и их глаза встретились. В течение одного мгновения она не узнавала его, затем ее глаза засветились. Она стала учащенно дышать, легкая краска выступила на ее лице.

– Не могу ли я вам помочь? – спросил Джордж.

Длинные ноги, извиваясь, вылезли из-под автомобиля на дорогу; за ними следовало длинное туловище, и молодой человек, бывший под автомобилем, повернул свое засаленное, но приятное лицо к Джорджу.

– Могу ли я помочь вам? Я умею чинить моторы.

Лицо молодого человека засветилось дружелюбной улыбкой.

– Это очень мило с вашей стороны, старина. Вы очень любезны, но я сам справлюсь. Это – единственная вещь, которую я хорошо умею. Во всяком случае, благодарю вас, и все такое!

Джордж устремил свой взор на девушку. Она молчала. Если есть что-либо, что я могу сделать для вас, – сказал он медленно, – я, надеюсь, что вы дадите мне эту возможность. Больше всего мне хотелось бы помочь вам. Девушка заговорила.

– Благодарю вас, – сказала она тихим, едва внятным голосом.

Джордж уступил.

Засаленный юноша проводил его взглядом.

– Вот вежливый малый, – сказал он, – вероятно, американец.

– Кажется, да.

– Американцы – самые вежливые малые, которых я когда-либо видел. Я помню, что спросил дорогу у одного парня в Балтиморе года два тому назад, когда был там на своей яхте, и он следовал за мною несколько миль, давая советы и ободряя меня. Это показалось мне чертовски вежливым с его стороны.

– Мне бы хотелось, чтобы вы поторопились исправить мотор, Реджи. Мы страшно опоздаем к завтраку.

Реджи Бинг снова скользнул под мотор.

– Отлично, дорогая моя. Положитесь на меня.

– Это очень просто.

– Ну, так торопитесь же.

– Будьте терпеливы, постарайтесь чем-нибудь развлечься. Задайте себе загадку. Расскажите себе несколько анекдотов. Я сейчас вернусь к вам.

– Я хотел бы знать, что этот малый делает в Бельфере. Чертовски вежливый малый, сказал Реджи одобрительно. – А теперь снова возьмемся за дело.

Его улыбающееся лицо скрылось под мотором.

Мод стояла, задумчиво глядя на дорогу в ту сторону, где скрылся Джордж.

Глава VIII

Следующий день был четверг, а по четвергам замок Бельфер, как было уже указано, от 2 до 4 часов был открыт для публики. Это периодическое открытие входа в замок свято соблюдалось лордом Маршмортоном с тех пор, как он получил этот титул. Постоянные обитатели замка смотрели на этот день с различными чувствами. Одобрять это в принципе, как вообще всё, что касалось семейных традиций, лорд Бельфер, несмотря на преклонение перед феодальными обычаями аристократической Великобритании, на практике этого не любил, и каждый раз, по исполнении этой церемонии, спешно скрывался через боковую дверь, чтобы не быть застигнутым толпой туристов, стремящихся осмотреть библиотеку или большую гостиную. Он усвоил привычку уединяться в этот день в свою спальню сразу после завтрака и не показываться оттуда, пока поток посетителей не прекращался. Дворецкий Кэггс, наоборот, ожидал четверга, предвкушая удовольствие. Он наслаждался чувством авторитета, которое придавало ему руководство стадом этих отверженных, среди предметов, которые он видел каждый день. Он также любил прислушиваться к звуку собственного голоса, как и к своим закругленным фразам. Но далее к сладкому чувству Кэггса примешивалось чувство горечи. Никто лучше не знал, что его благородные манеры являлись оружием против него самого, когда дело доходило до чаевых. Его не раз терзало зрелище туристов, сбившихся в кучу, подобно баранам, и совещавшихся полушёпотом о том, можно ли предложить такой особе презренную монету в полкроны, и всегда приходивших к заключению, что это было бы оскорблением. Единственный из обитателей замка, который был совершенно равнодушен к этим посещениям, был лорд Маршмортон. Он не делал никакой разницы между четвергом и другими днями. Точно так же, как и всегда, он надевал свой запятанный рабочий костюм и возился в своем любимом саду и, если, как это случалось пару раз в году, какой-нибудь посетитель, отбившийся от стада, наталкивался на него и принимал его за одного из садовников, он поддерживал это заблуждение без всяких попыток рассеять его, доходя иногда до того,

что отвечал на вопросы с деревенским акцентом, соответствовавшим его внешнему виду. Такого рода шутки ему нравились.

Джордж присоединился к толпе ровно в два часа, как раз в тот момент, как Кэггс, откашливаясь, сказал: «Мы сейчас находимся в главном зале и прежде, чем идти дальше, я хотел бы обратить ваше внимание на портрет работы сэра Питера Лели». У него вошло в привычку начинать свои четверговые объяснения с этой фразы, но сегодня она была произнесена с запозданием, потому что тотчас при появлении Джорджа послышался чей-то свежий голосок.

– Джордж, какими судьбами, – и Билли Дор, в голубом платье, с оживленным лицом, отделилась от группы. На ней было пальто, защищающее от пыли, и автомобильная вуаль. – Какими судьбами вы очутились здесь, Джордж?

– Я сам хочу спросить вас о том же.

– О, я приехала в моторе сюда со знакомым юношей, но перед воротами наш мотор испортился. Мы ехали в Брайтон, где собирались завтракать. Он подал мне мысль осмотреть достопримечательности замка, пока он исправит машину. Он приедет за мной, когда починит. Но, все-таки, Джордж, как вы попали сюда? Вы исчезли из Лондона, и никто не знает, где вы обретаетесь. Мы уже думали разыскивать вас путем объявлений или обращения в полицию. Ведь вы могли утонуть в реке, или быть засыпанным песком. До сих пор Джорджу не пришло в голову такое объяснение его отсутствия. Его внезапная поездка в Бельфер казалась ему единственной мерой, которую ему надлежало предпринять. Он не отдавал себе отчета, что его отсутствие будет замечено.

– Я об этом и не подумал. Я... я случайно попал сюда.

– Вы ведь не живете в этом старом замке?

– Не совсем. У меня есть коттедж, внизу на дороге. Мне хотелось провести несколько дней на свежем воздухе, и я снял его.

– Но почему вы выбрали это место?

Кэггс с благородным негодованием посматривал на этих нарушителей тишины.

– Извините, сударыня, мы ждем.

– В чем дело, – мисс Дор взглянула на него с ясной улыбкой: – Пойдемте, Джордж, присоединимся ко всем.

Она весело кивнула дворецкому: «Отлично, теперь все в порядке».

Кэггс сурово поклонился и снова откашлялся.

– Мы находимся теперь в главной зале и прежде, чем отправиться дальше, я хотел бы обратить ваше внимание на портрет пятой графини кисти сэра Питера Лели. Знатоки считают, что это его лучшая работа.

В толпе раздался едва слышный шепот удивления, смешанного с благоговением, подобный нежному ветерку, шевелящему листву.

Билли Дор шепотом возобновила разговор.

– Да, было страшное волнение, когда обнаружилось ваше исчезновение. Мы справлялись о вас в «Карлтоне». Ваш номер в театре нечем было заменить. Но теперь все в порядке, его выпустили, и теперь эта брешь совершенно незаметна.

– Как идет спектакль?

– С огромным успехом. Полагают, что пьеса в течение двух лет не будет снята с репертуара. В Лондоне говорят, что пьеса будет пользоваться успехом и что вы сможете взять ваших внуков на тысячное представление.

– Это великолепно. Как все поживают, хорошо?

– Отлично. Грей все еще ухаживает за Баб. Не понимаю, что она нашла в нем. Разве только ребенок может не заметить, что этот субъект не на высоте. Джордж, я не порицаю вас за то, что вы покинули Лондон. Эта местность лучше пятидесяти Лондонов.

Толпа дошла до одной из комнат верхнего этажа и стала смотреть через окно, из которого открывался прекрасный вид на большое пространство.

Билли Дор слегка вздохнула.

– Ничего подобного я не видела. Я бы хотела стоять здесь до конца своих дней.

– Обращаю ваше внимание, – захрипел Кэггс рядом с ними, – на это окно, известное в преданиях семьи под именем «Прыжка Леонарда». В 1787 году лорд Леонард, форс, четвертый сын его светлости, выпрыгнул из этого окна, чтобы не скомпрометировать прекрасной графини Маршмортона, с которой, как говорили, у него был невинный роман. Застигнутый в поздний час его светлостью в будуаре графини, т. е. в этой комнате, он выпрыгнул через это окно на сук кедрового дерева, стоявшего внизу, и счастливо отделался несколькими безвредными ушибами.

Шепот восхищения приветствовал рассказ о находчивости героя XVIII века.

– Да, – сказала Билли с энтузиазмом, – это как раз то, что я думаю об этой местности. Я бы хотела поселиться в таком месте и провести остаток своих дней за доением коров.

– Мы теперь направляемся, – сказал Кэггс, собирая жестом посетителей в кучу, – в янтарную гостиную с гобеленами, которые знатоки высоко ценят.

Послушная толпа встрепенулась.

– Джордж, – сказала Билли шепотом, – что, если бы мы пропустили янтарную гостиную. Мне безумно хочется пойти в сад. Я видела там человека, работающего среди роз. Может быть, он покажет нам сад.

Джордж посмотрел по указанному ею направлению. Как раз под ними сильный мужчина, со смуглым лицом, в костюме рабочего, приостановился, чтобы закурить короткую трубку.

– Как хотите.

Они спустились по большой лестнице. Голос Кэггса, одобрительно отзывавшегося о гобеленах, доносился до их слуха. Они направились к цветнику. Мужчина в костюме из рубчатого бархата закурил свою трубку и снова принялся за работу.

– Ну, дяденька, каков урожай? – спросила любезно Били.

Мужчина выпрямился. Это был человек средних лет, с добрыми глазами. Он весело улыбнулся и хотел вынуть трубку из рта. Билли остановила его.

– Продолжайте курить, – сказала она, я люблю это. У вас приятная работа, не правда ли? Если бы я была женщиной, я бы ничего так не желала, как проводить, восьмичасовой рабочий день среди роз.

– Вы любите розы, барышня?

– Я думаю, у вас тут, наверное, имеются все сорта, которые только существуют. Все пятьдесят семь разновидностей?

– Существуют почти три тысячи сортов, – снисходительно сказал человек в брюках рубчатого бархата.

– Я, дяденька, сказала так, вообще. Меня нечему учить о розах. Я понимаю в них толк. Есть у вас «эршайры»?

Человек в рабочем костюме, казалось, пришел к заключению, что Билли была единственным существом на свете, которое имело цену в

его глазах. Джордж остался незамеченным. Встреча с родственной душой захватила его целиком.

– Вот – эти-то. Там эршайры, барышня.

– У нас в Америке нет эршайров. Мне, по крайней мере, никогда не случалось видеть их там. Но думаю, что они все-таки там имеются. Необходима подходящая почва. Глинозем и много влаги.

– Вы правы.

На лице Билли Дор появилось серьезное выражение, которого Джордж никогда раньше не замечал.

– Слушайте, дяденька, что вы бы сделали с розами, если бы...

Джордж отошел. Для него разговор принимал слишком специальный характер, и он подумал, что его отсутствие пройдет незамеченным. Внезапно, как это бывает с великими полководцами, его осенила блестящая мысль. Он осматривал замок без всякого определенного плана, разве только в надежде случайно встретить Мод. Очевидно, семья пряталась под землей по четвергам и оставалась укрытой до тех пор, пока не уходили посетители. Но был другой способ дать о себе знать Мод. Этот садовник казался исключительно умным человеком. Ему можно было доверить передачу записки Мод. Во время осмотра замка в обществе Кэггса и его спутников, Джордж удостоился чести видеть библиотеку. Доступ в эту комнату, находящуюся рядом с главным залом, был очень легок. Он покинул Билли и ее нового знакомого, погруженных в обсуждение вопроса о слизняках и травяных вшах, и быстро вернулся в замок. Библиотека была пуста. Джордж был положительным молодым человеком. Он верил в то, что не следует полагаться на случай. Садовник показался человеком, достойным доверия, но никогда нельзя быть вполне в этом уверенным. Возможно, что он выпивал и он мог бы потерять драгоценную записку. Озираясь кругом, он спешно написал записку в двух экземплярах. Это отняло у него лишь несколько минут. Он снова вышел в сад и нашел Билли Дор, готовую сесть в синий автомобиль.

– Ах, вот вы, Джордж; я удивлялась, куда вы исчезли. Знаете, я произвела сильное впечатление на садовника. Я ему дала свой адрес, и он обещал мне прислать кучу роз. Кстати, познакомьтесь с мистером Форзит. Фрэдди, – это Джордж Бэван, сочинивший музыку к нашей пьесе.

Юноша у руля протянул Джорджу руку.

- Превосходная музыка, превосходная пьеса, все превосходно.
- Итак, до свидания, Джордж. Надеюсь скоро увидеть вас!
- О, да. Кланяйтесь всем.
- Трогайте, Фредди. До свидания!

Синий автомобиль рванулся с места и быстро скрылся из виду. Джордж вернулся к человеку в бархатных штанах, который, согнувшись в три погибели, преследовал слизняков.

– На одну минуту, – сказал ему Джордж и вынул первую записку. – Передайте это леди Мод при первом удобном случае. Это крайне важно. Вот вам соверен за беспокойство.

Он быстро удалился. Он заметил при этом, что лицо садовника побагровело. Он был скромным молодым человеком, и изъявление благодарности смущало его. Теперь оставалось пристроить второй экземпляр записки. Быть может, это и было излишне, но Джорджу было известно, что победу одерживают те, кто не полагается на случай. Он был в расстоянии почти ста ярдов от роз, когда ему попался навстречу маленький мальчик в ливрее, усеянной пуговицами. Он вышел из-за большого кедра, за которым тайком курил украденную сигаретку.

- Передайте эту записку леди Мод.
- Слушаю-с.
- Постарайтесь передать ее немедленно.

Джордж ушел из замка с сознанием того, что у него день не пропал даром.

Юный Альберт, попробовав зубами монету, спрятал ее в карман. Затем он поспешно направился к замку. В его бездонных голубых глазах сияли радость и благодарность.

Глава IX

В то время, как Джордж и Билли Дор беседовали с человеком в бархатных штанах, Мод находилась неподалеку от них, в развалившейся беседке времен Регентства, на берегу озера, обросшего лилиями. Она думала о том, что Джордж не явился и даже не написал ей ни строчки. С своей стороны, она лишена была возможности писать ему, так как за ней наблюдали, и почта из замка увозилась в соседнюю деревню в сумке шофера Роджера. Такой способ переписки, конечно, был рискованным. Вдруг перед нею вырос образ Джорджа Бэвана, сбившего шляпу с головы ее брата. Это было единственным приятным происшествием, которое случилось за последнее время. Что мог он делать в Бельфере? Его присутствие было знаменательным, а его слова еще более. Он дал отчетливо понять, что хочет помочь ей. Какая ирония судьбы: она встретила рыцаря-освободителя, но не того, кого ждала. Почему это не был Джеффри, ожидающий ее в засаде, а посторонний, хотя и приятный, молодой человек, к которому она была равнодушна. Она снова вернулась к мысли о Джордже. Что, если бы через его посредство она могла установить контакт с Джеффри? Ведь он предложил ей свои услуги. Мир полон подобного рода людьми, назначение которых заключается в том, чтобы помогать другим, оставаясь в тени. Она пришла к этому заключению в тот момент, когда Альберт, выбравший кратчайший путь, чтобы исполнить данное ему поручение, выскочил из кустов.

– Миледи, джентльмен велел передать это вам.

Мод прочла записку. Она была кратка и была прямо в цель...

«Я остановился недалеко от замка, в коттедже, внизу у Платта. Это – довольно новое здание из красного кирпича. Вы легко найдете его. Если вам нужна моя помощь, буду ждать вас?» Записка была подписана «Человек в автомобиле».

– Альберт, вы знаете коттедж внизу у Платта?

– Да, миледи. Это внизу, у фермы. Я смотрел, как там в прошлую среду резали цыплят.

– Один из моих друзей остановился там. Я хочу передать ему записку.

– Да, миледи.

– Я бы только просила вас никому об этом не говорить.

Между тем, в кабинете лорда Маршмортона заседал Совет Трех. Предметом обсуждения была записка, неосмотрительно доверенная Джорджем тому, кого он принял за простодушного садовника. Совет состоял из лорда Маршмортона, имевшего пристыженный вид, его сына Перси, надутого и важного, и леди Каролины, похожей на королеву из трагедии.

– Теперь все ясно, – говорил лорд Бельфер. – Отныне нельзя спускать глаз с Мод.

– Я жалею, что заговорил с вами об этом, – сказал лорд Маршмортон. Я думал, что это вас позабавит.

– Позабавит, – воскликнула леди Каролина голосом, от которого задрожала коллекция фарфора.

– Забавно потому, что чудак выбрал именно меня для передачи письма Мод, – ответил ей лорд Маршмортон. – Я не хочу впутывать Мод в это дело.

– Вы преступно слабы, – сказала леди Каролина. – Я убеждена, что вы были бы способны передать эту записку бедной, сбитой с толку девушке и ничего не сказать нам об этом.

Она побагровела от гнева. – Какая гадость – приехать сюда и поселиться у самого входа в замок. Остановись он у кого-нибудь другого, а не у Платта, я бы настояла на том, чтобы его прогнали. Но Платт будет только рад, что приютил человека, причиняющего нам неприятность.

Безусловно, – сказал лорд Бельфер.

– Вы должны немедленно отправиться к этому человеку, – продолжала леди Каролина, фиксируя брата повелительным взглядом – и объяснить ему, как можно лучше, всю низость его поведения.

– О, я не могу этого сделать, защищался лорд Маршмортон. – Я ведь незнаком с ним. Он укажет мне на дверь.

– Вздор, отправляйтесь поскорее.

– Ну, хорошо, хорошо. Я пока пойду в сад, так как до обеда остался еще целый час.

Раздался стук в дверь. Вошла Алиса Фарадей с бумагами в руках.

– Я думала, что застаю вас здесь, обратилась она к лорду Маршмортону. – Вы обещали просмотреть со мною эти записки об

эссекской ветви.

Бедный лорд Маршмортон был готов выброситься из окна.

– В другой раз, в другой раз, – у меня сейчас серьезное дело.

– О, конечно, если вы заняты...

– Разумеется, лорд Маршмортон будет в восторге проработать ваши «записки» сказала леди Каролина, сделав приветливое лицо. – Мы с Перси собираемся уходить.

Лорд Маршмортон бросил грустный взгляд в окно и, присев, стал искать свои очки.

Глава X

Истый игрок в гольф – это человек, знающий, что жизнь коротка, и не пропускающий, не взирая на погоду, ни одного дня для тренировки. К числу таких людей принадлежал и Джордж, который, несмотря на то, что был влюблен, отправился после осмотра замка и передачи двух записок в местный спортивный клуб. В клубе никого не было, и он уже помирился с мыслью, что ему придется провести время в одиночестве, как вдруг с треском и шумом к клубу подкатил серый гоночный автомобиль, из которого выскочил тот самый длинноногий юноша, который несколько дней тому назад извивался под автомобилем. В привычках Реджи Бинга была та же черта – не давать никакому обстоятельству, даже любви к Алисе Фарадей, мешать игре в гольф. Он дружески взглянул на Джорджа. Он смутно помнил, что где-то когда-то видел его. В его характере была приятная черта – причислять к своим душевным друзьям тех, с кем он когда-либо встречался.

– Хэлло, хэлло, – сказал он.

– Добрый день, – ответил Джордж.

– Ждете кого-нибудь?

– Нет.

– В таком случае, начнем.

– Отлично.

Джордж не мог понять, какое положение занимает Реджи в замке. Что он был другом Мод, Джордж уже знал и догадывался, что он живет в замке. Ему очень хотелось выпытать у Реджи сведения о том, что происходит в стенах замка, но такова уж особенность гольфа, что он, подобно любви, меняет характер своих жертв. Реджи – отъявленный болтун вне гольфа – превращался во время игры в сурового молчальника, сосредоточенного исключительно на игре и прерывающего молчание восклицаниями технического характера.

– Знай я, что вы такой сильный игрок, – заявил он великодушно, после того, как проиграл несколько партий, я попросил бы у вас несколько очков вперед.

– Сегодня я был в ударе, – сказал Джордж. – Зато бывают случаи, когда мне сильно не везет.

– Дайте мне знать, когда наступит такой период, и я снова сыграю с вами.

– Могу ли я довезти вас, – спросил Реджи, садясь в свой серый автомобиль.

– Благодарю вас, – сказал Джордж, – если это только вам по дороге.

– Я живу в Бельферском замке.

– А я живу совсем поблизости от него. Быть может, вы заедете ко мне выпить чего-нибудь?

– Охотно, согласился Реджи.

Старый мотор покрыл в десять минут расстояние между клубом и коттеджем Джорджа. Прекрасное местечко, – сказал Реджи, входя в жилище Джорджа.

– Я часто думал о том, что было бы разумно устроиться в такой хижине, разводить цыплят, отпустить себе бороду и получать суп и желе от жены приходского священника. Жить без всяких забот! Вы живете здесь один?

Джордж возился с сифоном сельтерской воды, из которого наливал в стакан гостя.

– Да, миссис Платт, жена фермера, заходит сюда и готовит для меня.

Восклицание, раздавшееся из уст Реджи, заставило его поднять глаза.

Реджи Бинг смотрел на него с широко раскрытыми глазами.

– Великий боже! Платт! Вы знаете этого молодца?

– Этого молодца?

– Да, того самого, из-за которого загорелся весь сыр-бор. Как раз сегодня утром матушка говорила мне о том, что вы здесь поселились.

– Разве из-за меня загорелся весь сыр-бор?

– Сыр-бор? – Реджи задумался. Мой дорогой спортсмен. Я не хочу передавать сплетни. Вы понимаете, что я хочу сказать? Но разве вы не знаете, что возбудили семейный гнев? Я имею в виду замок. Не думайте, что я намерен вмешиваться в ваши личные дела и все такое. Но что я хотел бы... Словом, не думаете же вы, что, совершая нападение, вы не заденете семьи. Дочь дома влюбляется в вас. Сын дома вступает с вами в драку на Пикадилли и попадает в участок. И, в довершение всего, вы появляетесь здесь и поселяетесь у самых ворот

замка. Вполне естественно, что семья брюзжит. Это естественно, не правда ли?

Джордж выслушал эту речь с изумлением. Мод влюблена в него! Это звучало невероятно. Что он влюбился в нее после первой встречи с нею, было иным делом. Это было вполне естественно и в порядке вещей. Но, чтобы ему так посчастливилось, встретить ее взаимность – это показалось ему забавным.

– Влюблена в меня! – воскликнул он. – Что вы хотите этим сказать? На этот раз недоумение овладело Реджи.

– Бросьте, старина. Разве это ново для вас? Она, наверно, вам сказала об этом. Мне она ведь об этом говорила.

– Сказала вам? Я, кажется, с ума схожу!

– Безусловно. То есть, я хочу сказать, безусловно нет. Послушайте...

Реджи заколебался. Тема становилась щекотливой. Но раз она была затронута, необходимо было выяснить все до конца.

– Вы, наверно, думаете, продолжал он, – что я говорю так потому, что выпил слишком много рому.

Мы почти незнакомы и даже не знаем имен друг друга...

– Меня зовут Бэван.

– А меня – Бинг, Реджи Бинг. Отлично. Раз мы с вами друзья, я скажу вам, что матушка моя чертовски хочет женить меня на леди Мод. Всю жизнь мы были с нею друзьями, вы понимаете, мы выросли вместе и всё такое... Нет лучше спортсменки, чем Мод. Вы понимаете мою мысль... Но тут есть загвоздка. Я безумно влюблен в другую особу. Безнадёжно, и всё такое. А между тем матушка не дает мне покоя и требует, чтобы я сделал предложение Мод, которая не чувствует ко мне никакого влечения, хотя бы я был единственным мужчиною в мире. Вы не можете себе представить, старина, какое облегчение я почувствовал, когда на днях она сказала мне, что влюблена в вас, и ни на кого другого и смотреть не хочет. Уверяю вас, что я запел от радости.

При этих словах Джордж испытал желание последовать этому прекрасному примеру. Это было единственным способом дать исход своим чувствам, вызванным сообщением молодого человека. Весь мир преобразился в его глазах. Ему показалось, что на могучих плечах Реджи выросли крылья, и что воздух наполнился небесной музыкой.

Даже рисунок обоев в комнате показался ему художественным. Он приготовил себе второй стакан виски. Это было наилучшим после пения, что он мог придумать.

– Я понимаю, – сказал он (было трудно сказать что-либо иное).

Реджи смотрел на него с завистью.

– Я бы хотел знать, сказал он. – Как это устраивают молодые люди, что девушки в них влюбляются. Другим это удастся, а я не знаю даже, с чего начать. Мне кажется, что она видит меня насквозь, вы понимаете! Она смотрит на меня с таким видом, словно скорее сожалеет меня, чем осуждает. Но если это так, то ведь должен же я что-нибудь предпринять. Она – дьявольски умная девушка, а я ужасный чурбан. Не правда ли, это делает положение безнадежным.

Джорджу, с его новорожденным счастьем, захотелось ободрить менее счастливого смертного.

– Вовсе нет, – сказал он. – Вам бы следовало...

– Да, – сказал Реджи с жаром.

Джордж покачал головой.

– Нет, я не знаю, – сказал он.

– И я также, – ответил Реджи.

Джордж задумался.

– Мне кажется, что это попросту вопрос счастья, сказал он. Или вам везет, или нет... Посмотрите, например, на меня. Что могло заставить восхитительную девушку влюбиться в меня?

– Ничего... Я понимаю, что вы хотите сказать.

– Нет, по-видимому, все дело в счастье, снова сказал Джордж.

– Я торчу все время около нее, стараюсь попасться ей на глаза. Думаю, что это немножко поможет.

– Возможно, конечно.

– Но, с другой стороны, когда мы с ней встречаемся, я не нахожу слов.

– Это очень скверно.

– Чертовски странная вещь... По природе я не молчалив, но как только я попадаю в ее общество, я не знаю, с чего начать.

Он залпом выпил стакан и встал.

– Пора удалиться, – сказал он. – Не вставайте. Сыграем еще раз как-нибудь на этих днях.

– Отлично. В любое время!

– До свидания.

– До свидания.

Джордж предался мечтам. Первый раз в жизни он познал смысл своего существования. Он словно вновь родился на свет. Все кругом него приобрело новый смысл. Он впервые заметил тиканье часов. Когда он поднес к губам свой стакан, он почувствовал какую-то новизну. Все его чувства приобрели поразительную легкость.

– Что, если бы я, – спросил Реджи, появившийся на пороге с плутовским лицом, если бы я преподносил ей изредка цветок? Мне это пришло как раз в голову, когда я собирался сесть в мотор. Она любит цветы.

– Прекрасно, – сердечно сказал Джордж.

Он не слышал ни одного слова. Легкость чувств, охватившая его, лишила его способности слышать то, что говорят другие.

– Во всяком случае, надо это попробовать, сказал Реджи.

Он вышел, и вскоре послышался шум отъезжавшего мотора.

Джордж вернулся к своим мыслям. Для человека, находящегося в таких, как он, обстоятельствах, время перестает существовать. Прошла ли минута или несколько часов, он не знал, как вдруг перед ним очутился голубоглазый мальчик с золотистыми волосами, одетый в ливрею. Мальчик оторвал его от грез. Джордж узнал в нем того мальчика, которому передал записку для Мод. Это обстоятельство извинило в глазах Джорджа то, что мальчик вошел не постучавшись.

– Хэлло, – сказал мальчик.

– Хэлло, Альфонзо, – ответил Джордж.

– Меня зовут не Альфонзо... Я принес для вас записку от леди Мод.

– Вы найдете на кухне пирог и имбирное пиво, благосклонно сказал Джордж. Испробуйте их.

Глава XI

Джордж открыл письмо дрожащими пальцами.

«Дорогой мистер Бэван.

Благодарю вас за вашу записку, которую мне передал Альберт. Как мило с вашей стороны...»

– Хэлло, мистер!

Это был снова Альберт.

Джордж посмотрел с неудовольствием.

– В чем дело? Вы не можете найти пирога?

– Нашел, – ответил Альберт, подкрепляя свои слова огромным куском пирога, от которого он откусил уже изрядный ломоть. Но я не могу найти имбирного пива...

Джордж замахал на него руками. Ему было неприятно появление Альберта в такой момент.

– Поищите, поищите, сказал он. – Оно где-то там.

– Ах, – пробормотал Альберт с полным ртом, слизнув крошки со щеки. – Я так люблю пиво.

Отлично, ступай и купайся в нем...

Джордж вернулся к письму:

«Дорогой мистер Бэван.

Благодарю вас за вашу записку, которую мне передал Альберт. Как мило с вашей стороны явиться сюда и предложить»...

– Хэлло, мистер.

– В чем дело? – спросил Джордж, свирепо сверкнув глазами. Вы еще не нашли пива?

– Я нашел пиво, но не могу найти этой штуки.

– Штуки? Какой штуки?

– Штуки, чтобы откупорить пиво.

– Она – в среднем ящике буфета. Смотрите в оба, мой мальчик.

Джордж тяжело вздохнул и снова принялся за письмо.

«Дорогой мистер Бэван.

Благодарю вас за вашу записку, которую мне передал Альберт. Как мило с вашей стороны явиться сюда и предложить свою помощь, как умно вы меня разыскали после моего таинственного пребывания в тот

день в вашем автомобиле. Вы, действительно, можете помочь мне, если захотите. Слишком долго рассказывать об этом в записке. Но я в большом затруднении, и, кроме вас, никто не может помочь мне. Я объясню вам всё при свидании. Трудность в том, что я не могу ускользнуть из дому. Каждую минуту меня подстерегают. Постараюсь, однако, свидеться с вами как можно скорее...

Искренне Ваша, Мод Марш».

Нужно признать, что в эту минуту тон письма привел Джорджа в уныние. Он сам не мог бы сказать, чего ожидал, но после того, что узнал от Реджи, он ждал чего-то более сердечного и более похожего на то, что пишет девушка мужчине, в которого влюблена.

В следующий момент он понял, как безрассудно было ожидать этого. Как мог думать благоразумный мужчина, что девушка так скоро обнаружит свои чувства. Первый шаг надлежало сделать ему. Естественно, что она не могла открыть своих чувств раньше, чем он не открыл своих. Джордж поднес письмо к губам и с жаром его поцеловал.

– Хэлло, мистер.

Джордж виновато вздрогнул. Краска стыда залила его щеки. Казалось, что в комнате еще звучало эхо от его глупого поцелуя.

– Кис, кис, кис, позвал он, щелкая пальцами и воспроизводя предательский звук. – Я как раз звал свою кошку, объяснил он с достоинством. Вы не видели ее здесь?

Голубые глаза Альберта насмешливо встретились с его глазами. Веко его левого глаза подмигнуло. Было слишком ясно, что его не удалось провести.

– Маленький черный котенок с белой грудкой, – с настойчивостью пробормотал Джордж. Он обычно здесь, или там, или вообще где-то... Кис-кис-кис...

Наступила томительная пауза. О чем думал Альберт, трудно сказать. Джордж же думал о том, что напрасно осуждают царя Ирода за истинно государственную меру, предпринятую им для общего блага.

– Что случилось? – спросил он.

– Вы сами знаете.

– Мне хотелось бы...

Альберт милостиво помахал рукою.

– Все в порядке, мистер. Я вам друг.

– Хорошо, сказал Джордж. – Только не болтайте об этом.

– Повторяю, я вам друг и могу «ей» помочь. Я хочу ей помочь.

Взгляд Джорджа на деятельность царя Ирода поколебался. Он подумал, что, в конце концов, детям многое простительно. Мальчику разрешается находить смешным, что мужчина целует письмо. А между тем это совсем не смешно. Впрочем, пусть мальчик смеется, лишь бы он оказал помощь. Ведь он предложил свои услуги, и не нужно ими пренебрегать. Джордж не знал, каковы обязанности Альберта в замке, но, по-видимому, у него было много свободного времени. А это как раз было на руку Джорджу.

– Это очень мило с вашей стороны, сказал Джордж, выжимая на лице улыбку.

– Я могу помочь, снова сказал Альберт. – Нет ли у вас папиросы?

– Разве вы курите, дитя?

– Да, когда мне удастся найти папиросу.

– К сожалению, не могу предложить вам папиросы, так как не курю.

– В таком случае мне придется закурить свою собственную, – недовольным тоном сказал Альберт.

Он запустил руку в тайники своего кармана и извлек оттуда кусок веревки, ножик, куриную косточку, два стеклянных шарика, сломанную папиросу и спичку. Он чиркнул спичкою о самую плотную часть своего тела и закурил.

– Я могу помочь ей, мне все известно. Я подслушивал через замочную скважину, когда происходила ссора.

– Разве там ссорились?

Альберт самодовольно улыбнулся. – ужасная ссора. Крики, вой, проклятия, и все по поводу вас и леди Мод.

– Вы подслушивали?

– Еще бы. Ведь я вытянул ваше имя в игре.

– Что это за игра?

– Это – когда кладут в шляпу записки с именами и тянут. Тот, кто вытянул выигравшее имя, получает деньги.

Джордж был смущен. – Я не понимаю, что это за игра, как это вы вытянули мое имя?

– Кэггс, дворецкий, придумал это. Он рассказывал, что эту игру устраивал всюду, где служил и где были взрослые дочери. Какая-

нибудь из них непременно выйдет замуж за одного из знакомых джентльменов, гостящих в замке, и Кэггс клал имена этих джентльменов в шляпу и брал по пяти шиллингов с каждого участника игры. У кого оказывался билет с именем того, за кого барышня выходила замуж, тот получал деньги. Если же дочь хозяев во время пребывания гостей замуж не выходила, то деньги прибавлялись к ставкам новой игры.

Джордж был поражен развернутой перед ним картиной из жизни нижних этажей роскошных замков Англии. Изумление уступило затем место негодованию.

– Вы хотите сказать, что вы и ваш червь-дворецкий превращаете леди Мод в объект азартной игры!

Альберт сконфузился. – Он не червь. Он всегда удачно вытягивает имя. Хотел бы я знать, как он это делает! – Альберт засмеялся. – На этот раз я насолил ему. Он не хотел допустить меня к игре, говоря, что я слишком молод. «Дайте этому мальчику по шее и гоните его вон», – сказал он. На это я сказал: «А что, если я пойду к его сиятельству и расскажу ему об этом?» Он сказал: «Хорошо, черт с тобою! Пусть будет по-твоему. Давай пять шиллингов!» «Вот они», – сказал я. – «Очень хорошо», – сказал он. Но ты будешь тянуть последним, так как ты самый младший». Тогда они стали тянуть имена и, конечно, Кэггс вытянул мистера Бинга.

– Ах, он вытянул мистера Бинга?

– Да. И каждый знал, что Реджи был фаворитом. Когда очередь дошла до меня, он говорит: «Очень жаль, Альберт. Но больше нет имен». Я говорю: «А почему бы мне не иметь шанса на выигрыш?» Кэггс говорит: «Что ты хочешь этим сказать?» Я говорю: «Напишите на билете „Мистер Х“. Если ее сиятельство выйдет замуж за кого-нибудь из неприглашенных в замок, – я выиграл». – «Ладно», – сказал он, – только помни, что игра действительна в течение двух недель, т. е. пока будут у нас гости». «Хорошо, говорю я, напишите мне билет». Тогда он написал на моем билете «Мистер Х», и я сказал всем: «Будьте свидетелями, что, если ее сиятельство выйдет замуж за кого-нибудь, кто не гостит в замке и чьего имени нет на других билетах, я получаю выигрыш!» Они согласились. И тогда я сказал: «Я случайно узнал, что ее сиятельство влюблена в джентльмена, который не будет в числе приглашенных. Он американец», – сказал я. Сперва они не поверили,

но когда Кэггс обмозговал все, что случилось за последние дни, он побледнел, как полотно, и сказал, что это мошенничество. Он предложил сыграть снова. Но другие не захотели. «Нет, – сказали они, – все правильно». А один из них давал мне десять шиллингов за мой билет, но я отказался. И вот почему, – заключил Альберт, бросая папиросу в камин в тот момент, когда она грозила обжечь ему пальцы, вот почему я хочу помочь вам.

В начале рассказа Джордж был возмущен. Затем, помимо своей воли, эта история стала его развлекать. Теперь же, когда ему стали известны Все факты, он не мог думать ни о чем ином, как о своей удаче, пославшей ему, в качестве союзника, лицо, которое соединило в себе скороспелый ум с неразборчивостью в средствах. Война есть война, и любовь есть любовь, и в области каждой из них практичный человек должен требовать от своих союзников скорее помощи кулака, чем возвышенной души. Юный слуга, преисполненный самыми благородными чувствами, был бы бесполезным в таком деле: Что касается Альберта, о котором, на основании можно было сказать, непродолжительного, но достаточного, знакомства, что он не обладает тонкими чувствами, то он обещал быть неоценимым союзником.

– Возьмите еще пирога, Альберт, сказал Джордж ласковым тоном.

Мальчик покачал головою.

– Пожалуйста, еще маленький кусочек. – настаивал Джордж.

– Здесь, к сожалению, не осталось маленьких кусочков, – ответил Альберт. – Я все съел. Он вздохнул и вернулся к теме. – У меня есть план.

– Отлично. Какой план?

Альберт нахмурил брови.

– Дело просто. Вы хотите видеть ее сиятельство, но не можете проникнуть в замок. А она не может пройти к вам, особенно теперь, когда ее жирный брат следует за ней по пятам. Не так ли?

Джордж кивнул головою. – Совершенно правильно. Но как выйти из положения?

– Я скажу вам, что нужно сделать. Сегодня в замке большой бал в честь наступающего завтра совершеннолетия Перси. Соберется вся округа.

– Вы думаете, что я мог бы проскользнуть туда в качестве гостя?

Альберт презрительно фыркнул.

– Нет, я не такой дурак, чтобы так думать.

Джордж извинился.

– Вот что бы вы могли сделать. Я слышал, как Кэггс говорил экономке, что ему нужно нанять много временных лакеев, чтобы помочь на балу.

Джордж потрепал Альберта по голове.

– Не портите моей прически, – холодно сказал мальчик.

– Альберт, вы один из величайших мыслителей нашего времени. Я мог бы попасть в замок в качестве лакея, а вы могли бы предупредить об этом леди Мод и устроить нашу встречу. Макиавелли, и тот не мог бы придумать ничего более удачного.

– Мак?.. Кто?

– Один из ваших предков. Великий дипломат своего времени. Но каким образом я могу попасть на работу?

– О, это можно устроить. Я скажу экономке, что вы мой двоюродный брат и служили лакеем в лучших ресторанах Америки. А теперь вы приехали сюда на отдых и согласились помочь один вечер, чтобы сделать одолжение. Вам за это заплатят.

– Деньги я отдам вам.

– Это правильно, – одобрительно сказал Альберт. Я только что хотел сам предложить вам это.

– В таком случае предоставляю вам все устроить.

– Да, так будет лучше, если Вы не хотите напутать. Вам останется лишь прийти сегодня в замок в 8 часов, по черному ходу и сказать, что вы мой двоюродный брат.

– То есть, как?..

– Виноват?

– Нет, ничего, – сказал Джордж.

Глава XII

Бал по случаю совершеннолетия лорда Бельфера был в полном разгаре. Репортер «Бельферского вестника», по должности присутствовавший на вечере и наблюдавший украдкой, с разрешения Кэггса, из боковой двери, правильно отметил на следующий день в своем отчете, что вечер носил феерический характер, присовокупив, что общество представляло блестящее собрание прекрасных женщин и элегантных мужчин. В залах было представлено всё, что было лучшего и знатного во всей округе, так что если бы туда был брошен камень, то неизбежно пролилась бы голубая кровь. Единственным титулованным лицом, не принимавшим участия в общем празднестве, был, лорд Маршмортон. Так как его личный кабинет был превращен в гардеробную, он удалился в свою спальню, где лег в постель с трубкой в зубах и с «Алой и Белой Розой» в руках. Книга эта, он слишком поздно заметил, оказалась не трактатом на его любимую тему, а сентиментальным романом Эмилии Макинтош, описывавшим жизнь и приключения чистой английской девушки и некоего артиста Клода. Джордж, скрываясь в полутемной галерее, с волнением смотрел на блестящую толпу. Необычайность положения уже перестала занимать его. Все это было похоже на второй акт старинной музыкальной комедии. Иллюзия эта усугублялась еще тем, что оркестр исполнял затасканные мелодии, сочиненные самим Джорджем и уже давно надоевшие ему самому. Ему удалось беспрепятственно проникнуть в замок после краткого разговора с пожилой дамой – экономкой, миссис Дигби, – к которой даже Альберт относился с уважением, и после еще более краткого разговора с Кэггсом, который, в суете, не обратил на него достаточного внимания. Пройдя через эти испытания, он был принят на один вечер и откомандирован в полутемную галерею вместе с двумя горничными для обслуживания тех из гостей, которые пожелали бы там отдохнуть. Никто из гостей здесь еще не появлялся, так как центром внимания пока служил танцевальный зал, и Джордж в течение часа оставался один с горничными, предоставленный своим мыслям. Одна из горничных спросила Джорджа, не знает ли он ее кузена Франка, прожившего в Америке почти год, и, получив

отрицательный ответ, казалось, разочаровалась в нем и не разговаривала с ним в течение целых двадцати минут. Джордж не раз вглядывался в зал, ища Альберта, подобно тому, как потерпевший кораблекрушение ищет на горизонте, не мелькнет ли парус. Он знал, что такое ожидание неизбежно, так как в такой вечер мод было очень трудно ускользнуть хотя бы на минуту.

– Подайте-ка мне лимонаду, раздался за его спиной голос, когда он смотрел с галереи вниз.

Этот радостный голос показался ему знакомым, и он весь съежился. Правда, Реджи был добрым малым, который не выдал бы его сознательно. Но он был болтуном и не сумел бы удержать язык за зубами. Он решил во что бы то ни стало убедить Реджи в том, что сходство между его сегодняшним собеседником и лакеем ничто иное, как плод его разгоряченного воображения.

Когда Джордж обернулся, румяное лицо Реджи, разогретое превосходными винами погреба лорда Маршмортонна, сразу побледнело. Он широко раскрыл глаза и рот. Он был потрясен. С самого начала вечера он усиленно взбадривал себя крепкими напитками, чтобы набраться храбрости и сделать, наконец, предложение Алисе Фарадей. Теперь, когда ему удалось увлечь ее в это уединенное убежище, ужасная мысль пронзила его мозг, мысль – не выпил ли он лишнего. Он стал жертвой оптического обмана.

– Боже мой! Сэр! – Реджи оправил воротник и взял себя в руки. – Подайте, пожалуйста, стакан лимонада леди в голубом, на диванчике, напротив, около статуи, – сказал он, старательно выговаривая каждое слово. «Недурно, подумал он. – Я говорю вполне связно». Послушайте... – Сэр! Не видали ли вы меня когда-нибудь раньше. Вы понимаете, что я хочу сказать?

– Нет, сэр!

– Нет, ли у вас брата или кого-нибудь в этом роде?

– Нет, сэр. Я часто мечтал иметь брата. Мне следовало бы поговорить об этом с моим отцом. Он никогда ни в чем мне не отказывал.

– Реджи захлопал глазами. Сомнения снова закрались в его душу. Одно из двух! Или его уши обманывают его так же, как и глаза, или лакей порет чушь.

– Что вы сказали?

- Сказал, что у меня нет брата.
- Больше вы ничего не говорили?
- Нет, сэр!

Реджи утвердился в самых худших подозрениях. – Великий боже, – пробормотал он. – Значит, я...

Когда он подошел к мисс Фарадей, она спросила его. – О чем вы говорили с этим человеком, мистер Бинг? Вы как будто оживленно с ним беседовали.

- Я спрашивал, нет ли у него брата.

Мисс Фарадей бросила на него мимолетный взгляд. В продолжение всего вечера ей казалось странным его поведение.

- Брата? Что заставило вас спросить его об этом?

– Я хотел... т. е. я хочу сказать... Он похож на человека, у которого должен быть брат. У таких именно бывают братья.

Мисс Фарадей взглянула на него с материнской нежностью. Она любила Реджи, о чем влюбленный юноша не догадывался. Совершенно случайно он нашел теперь верный путь к ее сердцу. Алиса Фарадэй была из тех девушек, которые мечтают стать ангелом-хранителем избранного мужчины и возвышающе влиять на него. До сих пор он казался ей симпатичным малым, но не выдающимся. Страсть же к алкоголю преобразила его, придав его лицу значительность.

– Я велел ему подать вам лимонаду, – сказал Реджи. Не знаю, почему он медлит.

- Сэр?

Джордж подошел с почтительным видом.

- А где же лимонад?

- Лимонад, сэр?

- Разве я не велел вам принести стакан лимонада этой леди?

- Я этого не слышал, сэр.

- Черт возьми! О чем же мы говорили в таком случае?

– Вы рассказывали забавную историю про ирландца, отправившегося искать счастья в Нью-Йорке, сэр. Вам угодно лимонаду? Сию минуту!

Алиса с нежностью положила руку на плечо Реджи.

– Вам было бы лучше немножко прилечь и отдохнуть, мистер Бинг. Я уверена, что это вам поможет.

Заботливые нотки в ее голосе заставили Реджи вздрогнуть. Никогда еще она не говорила с ним таким тоном. Был момент, когда он собрался открыть перед нею свою душу, но у него не хватило мужества. Он боялся, что излияния эти будут приняты ею за безответственную болтовню после слишком обильного ужина. Это была ирония судьбы. Он уже был готов идти прямо к цели и не мог.

– Здесь слишком жарко, – сказала Алиса. Выйдем на террасу. Не думайте больше о лимонаде. Мне не хочется пить.

Реджи поплелся за ней, покорный, как ягненок.

Проводив глазами удаляющуюся пару, Джордж заметил приближающегося к нему Альберта.

Глава XIII

Альберт торопился. Он скользил по ковру подобно водяному жуку.

– Скорей, – сказал он.

Он бросил взгляд на горничную, читавшую в это время роман, повернувшись к ним спиной.

– Скажите ей, что вы вернетесь к ней через пять минут, – сказал Альберт.

– Это бесполезно. Она не заметит моего отсутствия. С тех пор, как она узнала, что я не встречал в Америке ее брата Франка, я перестал для нее существовать.

– Идем скорей.

– Куда?

– Я вам укажу.

Что путь, избранный Альбертом, не был кратчайшим к цели, Джордж убедился после того, как, следуя за юным гидом, вверх и вниз по лестницам, очутился в той самой комнате, в которой, вместе с Билли Дор, слушал рассказ Кэггса про лорда Леонарда и его прыжок. Альберт исчез. Джордж глубоко вздохнул. Послышались легкие шаги, и перед ним появилась Мод во всей своей красоте. В своем бальном туалете, с покрасневшимися от танцев щеками и с разгоревшимися глазами она показалась ему еще прекраснее, чем он представлял себе. Ее появление настолько ошеломило его, что он не мог произнести ни слова.

– Я не могла прийти раньше, – сказала Мод.

Она остановилась, прислушиваясь. – Кажется, кто-то идет. Я прервала танец с мистером Плюммером и убежала. Я боюсь, что...

На лестнице послышались шаги, на этот раз тяжелые, и за дверью раздался голос.

– А, вы здесь, леди Мод. Я вас ищу. Сейчас наш танец.

Джордж не знал мистера Плюммера. Он и не хотел его знать. Одно ему было ясно, что ему здесь не место. Лакеи, застигнутые в уединенном месте с хозяйскими дочерьми, возбуждают толки. Ему надо было, во что бы то ни стало, исчезнуть. Жестом Мод указала ему на балкон. В мгновение ока он очутился под открытым небом.

Прохладный ветерок освежал его разгоряченную голову. Теперь у него, было достаточно времени для размышлений, и он предался скорбным мыслям о жестокой судьбе, сведшей его на мгновение с Мод для того, чтобы тотчас же разлучить с нею. «Интересно, – подумал он, – как долго при подобных обстоятельствах покойному лорду Леонарду удалось беседовать в той же комнате прежде, чем ему пришлось скрыться чрез этот балкон. Несомненно одно: эта комната не благоприятствовала влюбленным». Сперва ему не приходило в голову, что могут существовать и другие неприятности. Вскоре, однако, он обратил внимание на звуки гортанного голоса, доносившегося из комнаты, и ему, волей-неволею, пришлось подслушивать, как его брат Плюммер (его можно было так назвать с известной натяжкой) делал Мод предложение. Положение становилось невыносимым. Из всех моментов, когда мужчина имеет право оставаться наедине с девушкой, наиболее неоспоримым является тот, когда он делает ей предложение. Джордж отлично понимал это, а мысль о том, что он подслушивает, еще усугубляла его ужасное положение. Следовало удалиться. Но как? Он помнил, каким образом лорд Леонард скрылся с балкона, но инстинкт подсказывал ему, что выброситься с балкона, с единственной надеждою зацепиться, при падении, за ветви большого дерева, когда-то помогшего лорду Леонарду, было еще неприятнее, чем слышать признания заикающегося от волнения Плюммера. Джордж оглянулся. Ему послышался чей-то оклик. Он стал прислушиваться, но, кроме отдаленного лая собаки и доносившихся звуков вальса, ничего не было слышно. – Эй, мистер.

На самом деле это был голос, доносившийся сверху. Был ли это голос ангела? Не совсем. Это был голос Альберта. Мальчишка высунулся из окна, находившегося на высоте шести футов над балконом. Глаза Джорджа, уже привыкшие к темноте, различили Альберта, сильно жестикулировавшего и словно старавшегося сообщить ему важную новость. Затем, взглянув в сторону, он увидел качавшуюся у стены веревку. Он схватил ее. Это, однако, была не веревка, а завязанная узлами простыня. Сверху донесся хриплый шёпот Альберта. – Смотрите в оба!

Джордж прочел сотню романов, в которых герои и героини пользуются завязанной узлами простыней. Но одно дело – читать о людях, совершающих подобные безрассудства, другое – совершать их

самому. Альберт был взволнован. Он чувствовал себя в положении великого полководца, придумавшего замечательный план, но не могущего заставить свою армию выполнить его. Большинство мальчиков на его месте, подслушивая в замочную скважину признания Плюммера и зная, что Джордж находится на балконе, растерялись бы и не знали, как поступить. Но Альберт был не таков. Он бросился наверх в комнату Реджи Бинга, быстро сорвал простыню с его постели, связал ее узлами, привязал к ножке стола и выбросил конец через открытое окно. Это продолжалось у него не более трех минут. Свою роль в этом деле он сыграл без запинки, между тем, как Джордж, которому оставалось лишь подняться по простыне наверх, медлил, грозя сорвать весь план. Джордж только решился взлезть наверх, как Альберт, с раздражением, дернул простыню и вырвал ее из его рук. Мысль об опасности, которой он только что избегнул, заставила его покрыться холодным потом, и он присел на перила балкона.

– Пст, – сказал Альберт.

– Чего вы кричите «пст», – ответил недовольным шепотом Джордж. Я бы тоже мог сказать «пст». Любой дурак мог бы это сказать!

Он, вероятно, остался бы на балконе в созерцании простыни, если бы Плюммер не заставил его действовать. За это время он успел высказать все, что мужчина может сказать в подобном случае, даже дважды. Приговор был вынесен. Он прозвучал, как погребальный колокол.

– Я выйду подышать воздухом, – мрачно сказал он.

Его слова заставили Джорджа вздрогнуть. Он соскочил с перил. Если Плюммер собирался подышать воздухом, это значило, что он собирался выйти на балкон. Джордж схватился за простыню и взвился с балкона.

Мод с ужасом взглянула на балкон. Там не было никого, кроме Плюммера и пустоты.

– Вот, – сказал Плюммер, то место, откуда тот, – как его звали... спрыгнул в царство теней. Не так ли?

Мод поняла все, и ее охватила дрожь восхищения пред героизмом Джорджа, который предпочел совершить «прыжок Леонарда», чем скомпрометировать ее. Как это было великолепно! Если бы Джордж, сидевший в это время на постели Реджи Бинга и рассматривавший

царапины на руках и коленях, мог прочитать ее мысли, он почувствовал бы себя хорошо вознагражденным за свои ссадины.

Альберт втянул простыню и сунул ее под подушку.

– Теперь, – сказал он, – было бы хорошо спокойно выкурить папироску.

Глава XIV

Джорджу хотелось пойти скорее домой. Этой ночью ему не удастся вторично встретиться с Мод. Они встретились и разошлись. Нельзя бороться с судьбою. Лучше уступить и надеяться, что в другой раз она окажется милостивее. Джордж хотел лишь одного: бежать от веселья, от блестящих прекрасных женщин и благородных мужчин и очутиться в безопасности в своем собственном кресле, где ничто не может с ним случиться. Голос долга тщетно взывал в нем. Если британские аристократы хотят освежиться, пусть достают напитки сами. С него достаточно! Но если Джордж разделался с британскими аристократами, то эти последние не разделались с ним. Не успел он дойти до лакейской, как встретил одного из них, и именно того, кого хотел избежать. Лорд Бельфер был в дурном настроении духа. В поздние часы у него всегда болела голова, и он не танцевал, так что веселье и блестящее общество утомили его и надоели не менее, чем Джорджу. Однако, в качестве виновника торжества, он был вынужден присутствовать на нем до конца. Он находился в положении капитана, обязанного оставаться последним на гибнущем корабле. В течение нескольких часов он должен был пожимать руки совершенно чуждых ему людей и принимать с холодной улыбкой поздравления по поводу своего совершеннолетия. Необходимость быть вежливым совсеми этими людьми сказалась на Перси. Он был утомлен, и ему хотелось пить. Появление Джорджа показалось ему необычайно удачным.

– Принесите бутылку шампанского ко мне в библиотеку, – приказал он.

– Слушаю, сэр.

Эти два слова были сами по себе вполне невинны, но для Джорджа, стремившегося стусеваться, они оказались самыми неудачными из всех, какие только можно было выбрать. Если бы он ограничился поклоном и удалился, возможно, что лорд Бельфер не взглянул бы на него во второй раз, так как не имел привычки разглядывать прислуги. Но, привыкнув в течение всей своей жизни к обращению «ваше сиятельство», он был поражен тем, что лакей назвал его «сэром». Он

посмотрел на Джорджа недовольным взглядом, быстро сменившимся изумлением.

– Стой, – крикнул он, когда Джордж повернулся.

При этом он почувствовал себя взволнованным по двум причинам. С одной стороны, он готов был поклясться, что стоящий перед ним лакей был тем самым человеком, который сбил с него шляпу на Пиккадилли. С другой, он хорошо знал, что ничто не может так ввести в заблуждение, как сходство. Он до сих не мог забыть ужаса и унижения, испытанных в четырнадцатилетнем возрасте, когда какая-то пожилая дама назвала его «дорогим» и обняла при всех на вокзале, приняв его, по ошибке, за своего племянника. Нет, он должен быть осторожен. Скандал с лакеем, после проклятого случая с полисменом, мог произвести на окружающих такое впечатление, словно нападение на людей, ниже его стоящих, стало его любимым занятием.

– Сэр? – сказал Джордж, вежливо оборачиваясь.

Его спокойный вид поколебал лорда Бельфера.

– Не видал ли я вас когда-либо ранее, – спросил он?

– Нет, сэр, – ответил Джордж мягко. – Я прикомандирован к штату замка лишь временно.

– Вы откуда?

– Из Америки, сэр.

Лорд Бельфер был поражен.

– Из Америки?

– Да, сэр, я приехал в Англию на время отпуска. Мой двоюродный брат Альберт служит мальчиком в замке, и он сказал мне, что на сегодняшний день нужно несколько человек для обслуживания гостей. Поэтому я явился сюда.

Лорд Бельфер был в нерешительности. Все это звучало вполне правдоподобно. К тому же его успокаивала мысль, что для проверки можно было обратиться к дворецкому Кэггсу. И хотя сомнения его не вполне рассеялись, он понимал, что из дальнейшего разговора он ничего бы добился.

– Хорошо, – сказал он, наконец. – Принесите шампанского в библиотеку, как можно скорее.

– Слушаю, сэр.

Лорд Бельфер оставался в раздумье. Рассудок говорил ему, что он может считать себя удовлетворенным, но он все же удовлетворения не

чувствовал. Другое дело, если бы он не знал, что человек, нравящийся его сестре, живет по соседству. И если этот человек имеет наглость снять коттедж у самых ворот замка, почему бы ему не иметь смелости проникнуть в самый замок. Появление одного из лакеев с подносом дало ему возможность продолжать расследование.

– Пошлите ко мне Кэггса.

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

Вскоре появился дворецкий. В противоположность лорду Бельферу, поздний час не утомил Кэггса. Он, по преимуществу, был ночным растением. На лбу у него не было складок, как и на манишке. Он держал себя с достоинством, как человек, сознающий, что хотя он и не является владельцем замка, но, тем не менее, считает себя самым выдающимся его украшением.

– Вы звали меня, ваше сиятельство?

– Да, Кэггс. Я хотел спросить вас.

– Сегодня в замке, кажется, прислуживает несколько человек из посторонних?

– Так точно, ваше сиятельство. Небывалый список развлечений потребовал помощи нескольких человек сверх нормы, – ответил Кэггс. – Это было неизбежно.

– Вы сами нанимали этих людей?

– Переговоры вела миссис Дигби, экономка, но никто не был принят до тех пор, пока я лично не одобрил приема.

– Знаете ли вы что-нибудь об одном американце, называющем себя двоюродным братом Альберта?

– Альберт, действительно, привел одного человека, которого рекомендовал, как своего двоюродного брата, приехавшего из Нью-Йорка и желавшего получить место. Надеюсь, у вас нет оснований для недовольства? Он показался мне вполне приличным молодым человеком.

– Нет, нисколько. Я хотел лишь узнать, известен ли он вам. Нужно быть крайне осторожным. Это все.

– Благодарю вас, ваше сиятельство.

Лорд Бельфер почувствовал облегчение. Он был рад, что, благодаря осторожности и хладнокровию, ему не пришлось очутиться в смешном положении. Когда Джордж возвратился с живительной влагою, он поблагодарил его и направил свои мысли в другую сторону. Но если

лорд был удовлетворен, то этого нельзя было сказать о Кэггсе. Кэггс был сообразительным человеком и знал о странном американце, поселившемся в коттедже Платта. Его вид, манеры и цель приезда служили темой для споров в людской в течение всего обеда. Иностранец, который, очевидно, не был художником, – так как не имел ни кисти, ни палитры, – вызвал всеобщий интерес. И хотя предположение романтически настроенной горничной – большой любительницы романов, – что молодой человек приехал с целью излечиться на лоне природы от несчастной любви, и было осмеяно всей компанией, тем не менее Кэггс не был уверен в том, что в этом предположении нет доли правды. Дальнейшие события углубили его подозрения, а теперь, после беседы с лордом Бельфером, подозрения эти превратились в уверенность. Внезапное появление у Альберта двоюродного брата было до очевидности странным, и лишь обремененность работою помешала Кэггсу подумать об этом в то время, когда он принял молодого человека. Хорошо зная хитрого на выдумки Альберта, он полагал, что последний, будь у него в действительности брат в Америке, давно надоел бы всей людской рассказами о его богатстве и положении. Ибо, если Альберт не врал о чем-нибудь, то это значило, что этого не существует вообще.

Кэггс подошел к проходившему мимо лакею Фредди.

– Не видел ли ты где-нибудь этого негодяя Альберта? – Такая манера выражаться была свойственна дворецкому в тех случаях, когда он говорил о лицах, стоящих на низших ступенях.

– Я видел его в буфетной с полминуты тому назад.

Поражения великих людей очень часто объясняются слабостью их тела, неспособного оказать в нужную минуту должной поддержки их великому уму. Так, например, утверждают, что Наполеон выиграл бы сражение при Ватерлоо, если бы у него не было расстройства желудка. То же самое было теперь и с Альбертом. Кэггс нашел его в чрезвычайно тяжелом состоянии. Расставшись с Джорджем, он стащил сигару из гостеприимно открытой на столе в зале коробки и выкурил ее. Теперь его тошнило. Если бы не это обстоятельство, кто знает, какой хитрой контратакой он отразил бы нападение дворецкого. Но при данных обстоятельствах его позиция была гораздо хуже.

– Я следил за тобою, негодный, – сказал Кэггс холодно, – за тобою и твоим американским двоюродным братом.

Альберт повернул к врагу зеленое, вызывающее лицо.

– При чем тут мой двоюродный брат из Америки?

– Да, при чем он тут! Об этом мы с лордом Бельфером задавали себе этот вопрос.

– Я не понимаю, о чем вы говорите?

– Это ты скоро поймешь. Кто помог этому американцу пробраться в дом, чтобы встретиться с леди Мод?

– Я – никогда!

– Ты думаешь, что я не вижу насквозь твоей игры? Я раскусил ее с самого начала!

– Да, вы знали! Почему же вы дали ему в таком случае это место?

– Кэггс торжествующе засмеялся. Вот оно! Ты признаешься!

Альберт спохватился слишком поздно, что сделал ход, которого не сделал бы в нормальном состоянии здоровья.

– Я не знаю, о чем вы говорите, – сказал он робко.

– Ладно, – сказал Кэггс. – Мне некогда стоять здесь и болтать с тобою. Я пойду к его сиятельству и расскажу, какую ужасную шутку ты сыграл с ним.

Новый припадок потряс Альберта. Телесное недомогание сломило его дух.

– Вы не сделаете этого, мистер Кэггс! – В каждом его слове чувствовался белый флаг.

– Я подумаю, – сказал Кэггс. Я не хочу быть жестоким в отношении тебя! – Он внутренне боролся с собою, не желая испортить будущее Альберта.

Его осенила мысль.

– Хорошо, Альберт, – сказал он весело. – Один раз я поступлю против своей совести. А теперь передай-ка мне свой билет. Ты знаешь, на что я намекаю? Тот билет, на котором пометка «Мистер Х».

На мгновение непоколебимый дух Альберта восторжествовал над разбитым телом.

– Дело в том, что его у меня нет.

Кэггс вздохнул, как честный человек, совершивший все, чтобы помочь товарищу, и изумленный его испорченностью.

– Как хочешь, – грустно сказал он. – Но я думал, что мне не придется пойти к его сиятельству и рассказать, как ты его обманул.

Альберт сдался.

– Вот он!

Лист бумаги перешел из рук в руки.

– Вы готовы были бы пройти целую версту по снегу, чтобы отнять у нищего пол-пенни!

– Кто кого обокрал? Не говори глупостей! Я поступаю правильно. Я могу дать тебе мой билет с надписью «Реджи Бинг». Это прекрасный обмен.

– Не особенно.

– Но, во всяком случае, так должно быть! Бери его!

Кэггс собрался уйти.

– Ты, Альберт, слишком молод для того, чтобы иметь так много денег. Ты бы не знал, что с ними делать. Они бы не принесли тебе счастья. В мире есть другие вещи помимо выигрышей. Собственно говоря, ты так молод, что тебе не следовало бы позволять играть вообще.

Альберт зарычал.

– Когда вы кончите говорить, будьте добры оставить меня одного. Мне нехорошо.

– Так, – сказал Кэггс сердечно. – Для тебя это счастье, мой мальчик. Прими мои сердечные поздравления.

Для великих людей поражения служат испытанием. Истинный стратег не тот, кто достигает триумфа ценой легко одержанной победы, а тот, кто, будучи сброшен на землю, способен начертать новый план. Таков был юный Альберт. Посмотрите на него час спустя, когда он сидит в своей комнате в мезонине. Тело перестало его беспокоить, и он снова пришел в себя. За исключением редких спазм, физические боли прошли, и его мысль работала усиленно. На комодке лежит роскошный конверт, адресованный неумелой рукой: «Р. Бингу». На листе бумаги, который должен быть вложен в конверт, той же рукою написано: «Не отчаивайтесь. Помните, робкое сердце неспособно завоевать прекрасную леди. Я буду следить за вашим успехом с большим интересом.

Ваш доброжелатель».

Последняя фраза придумана не Альбертом. Эти слова сказал ему учитель, с которым он занимался в воскресные дни, и они запали ему в память. Это было удачно, ибо они выражали именно то, что Альберт хотел сказать. Отныне успех Реджи Бинга у леди Мод Марш будет

близок сердцу Альберта. А что в то время делал Джордж? Не подозревая о том, что судьба внезапно превратила союзника в неприятеля, он стоял около кустарника у ворот замка. Ночь прекрасна! Царапины на руках и коленях беспокоят его теперь меньше, и он полон глубоких и приятных мыслей. Он открыл необычайное сходство между собою и героем поэмы Теннисона «Мод». Эта поэма всегда нравилась ему и особенно с того дня, когда он узнал имя несравненной девушки. Когда он не играл в гольф, поэма Теннисона была его постоянной спутницей. Музыка из зала доносилась до него сквозь неподвижный воздух. Повсюду кругом аромат земли и растений! Молодой человек глубоко вздохнул. Ночь прекрасна! Скоро рассветет! Птицы в кустах зашевелились и защебетали.

– Мод!

Она, наверно, услышит его.

– Мод!

Серебряные звезды равнодушно смотрели вниз. Такого рода вещи для них не новость.

Глава XV

Чирикание воробьев возвестило 21-й день рождения лорда Бельфера. Перси, однако, не слышал этого чириканья, ибо крепко спал. Первым звуком, дошедшим до него и возвратившим его к реальной жизни, был пронзительный крик Реджи Бинга, направлявшегося по коридору в ванную комнату. У Реджи была привычка подбадривать себя криками, когда он отправлялся брать холодные ванны. Шум, за которым следовали плеск воды и громкие взвизгивания Реджи в те моменты, когда мыло текло по его спине, – все это не давало спать никому в доме. Перси приподнялся в постели и молча проклинал Реджи. У него страшно болела голова. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату вошел своей собственной персоной певец, одетый в розовый купальный халат, освеженный и розовый после ванны.

– С днем рождения!

Реджи стал петь. Он любил петь, но слушать его было не очень приятно.

Двадцать первый день рожденья

Наконец-то наступил.

В первый раз сегодня утром

Я свободу получил.

И поэтому с утра

Прокричу сто раз, «ураа»!

В этот радостный денек

Я веселый паренек.

Лорд Бельфер нахмурился.

– Нельзя ли прекратить этот адский шум?

– Какой адский шум?

– Пение.

– Боже мой, этот человек оскорбил меня, воскликнул Реджи.

– У меня болит голова.

– Я так и думал, что у вас будет головная боль, когда увидел прошлой ночью, как вы уходили с бутылкой. Вам необходимо

побольше физических упражнений. Если не считать борьбы с тем полисменом, вы не занимались атлетикой уже несколько дней.

– Я бы просил вас не касаться этого дела.

Реджи присел на постель.

– Между нами, старина, – сказал он конфиденциальным тоном. – Я, Реджинальд Бинг, тоже был немного навеселе вчера вечером. Даю вам свое честное слово, что сейчас же после обеда я увидел вашего дядю епископа, в трех изображениях стоявшего на дорожке. Затем эти три епископа как бы слились в одну фигуру, и я почувствовал облегчение. Но что убедило меня в том, что я слишком много выпил, это были те странные происшествия, которые случились позже... Я могу поклясться, что среди лакеев был тот парень, который сбил с вас шляпу на Пикадилли.

Лорд Бельфер, откинувшийся на подушки и слушавший Реджи с рассеянным вниманием, вскричал:

– Что?

– Факт! Впрочем, парень мог быть его двойником.

Но ведь вы никогда не видели того человека?

– Нет, я видел. Я забыл рассказать вам. Я видел его вчера в клубе и решил сыграть с ним. Он играл поразительно. После игры он пригласил меня в свой коттедж, и мы с ним выпили. Он живет в коттедже Платта. Так что вы видите, это был тот же самый парень. Мы стали закадычными друзьями, и, можете себе представить, как я был шокирован, когда вечером увидел, что он прислуживал в качестве лакея.

Лорд Бельфер не ответил. Голова его кружилась. Значит, он не ошибся.

– Вы знаете, – продолжал Реджи серьезно, – я думаю, вам бы следовало предать забвению эту историю со шляпой. Послушайте меня. Никто не может сравниться с ним в игре в гольф. Если бы вы послушались моего совета, вы бы примирились с ним. Первоклассный игрок в гольф – вот кого вам не хватает в семье. Он ловкий парень во всех отношениях. Мне он очень понравился. И он вполне приличный человек. Ловите его прежде, чем исчезнет. Это будет мой подарок вам. Вы никогда не пожалеете об этом. От начала до конца этот парень не промазал ни одного удара, и надо видеть его игру, чтобы в этом

убедиться. Ну, ладно, я думаю пойти одеваться. Нельзя тратить весну жизни, сидя здесь и болтая с вами. До скорого свидания.

Лорд Бельфер спрыгнул с постели. Он чувствовал себя хуже, чем когда-либо, и взгляд, брошенный в зеркало, сказал ему, что выглядит он, пожалуй, еще хуже, чем чувствует себя. Недостаточный сон и небритое лицо делали его похожим на нечто, что следовало бы вымести и выбросить в мусорный ящик. При головной боли, разговор с Реджи Бингом не мог улучшить его состояния. Резкие манеры Реджи и выбранная им тема для разговора были чрезвычайно неприятны. Лорд Бельфер уверял себя, что не может понять Реджи. Он никогда не мог уяснить себе точных отношений между ними и своей сестрой Мод, но у него всегда было ощущение, что как если они и не были еще обручены, то они были близки к этому. И было умопомрачительно слушать, как Реджи защищал притязания соперника, будто он в этом вопросе был совершенно незаинтересованным лицом. Почему Реджи, который больше, чем кто-либо, должен был бы быть в бешенстве от нахальства этого американца, явившегося в Бельфер и поселившегося у ворот замка, принял по отношению к нему такую дружескую позицию? По-видимому, он проводил с ним все свое свободное время, забавляясь игрою в гольф и распивая с ним в его коттедже. Лорд Бельфер был совершенно расстроен.

Теперь это было невозможно доказать или предпринять что-нибудь по этому поводу, но он был убежден, что этот человек проник в замок под видом лакея. Возможно, он встретился с Мод и предполагает встретиться с нею в дальнейшем. Это становилось невыносимым. В одном он был уверен. Честь семьи находится в его руках. Он должен сделать все, чтобы уберечь Мод. Реджи был безнадежен. Он был способен, по мнению Перси, подвезти Мод в своём автомобиле к дверям этого человека и оставить ее на пороге с благословением. Придя к решению самому активно взяться за дело, он подошел к окну и, взглянув вниз, увидел Мод, быстро и, как ему показалось, с таинственным видом, шагающую по восточной аллее. А как раз в этом направлении находилась ферма Платта и соседний с ней коттедж. В момент, когда он сделал это открытие, он был в костюме, мало пригодном для прогулок, так как собирался делать гимнастику. На нем был старый свитер, серые фланелевые брюки и лакированные туфли. Но у него не было времени даже надеть ботинки. Еще минута, и Мод

исчезнет из виду. Лорд Бельфер никогда не принадлежал к числу тех людей, которые видят в беге удовольствие или развлечение. Если ему приходилось бежать, то он делал это неохотно и то в тех случаях, когда имел в виду какую-нибудь цель, например, не опоздать на поезд. Теперь, быстрый бег, вызванный необходимостью не упустить из виду сестру, заставлял его изнемогать и задыхаться. Зато он был вознагражден, когда, достигнув ворот, увидел Мод, замедленным шагом направлявшуюся по дороге к ферме Платта. Это подтвердило его подозрения и заставило забыть про нарыв, выскочивший на левой пятке. Он последовал за Мод легкой походкой. Дорога была извилистая, и предмет его преследования часто исчезал из виду. В такие моменты беспокойство заставляло его пускаться вскачь. Еще сотня ярдов, и нарыв больше не позволит не обращать на себя внимания. Во время третьего поворота Перси показалось, что этот нарыв стал единственным фактом в нереальном кошмаре вселенной. Он стал прихрамывать. И когда он внезапно остановился и отскочил под прикрытые изгороди, его нога была, как в огне.

Его остановка и отступление были вызваны тем, что Мод стояла посреди дороги и смотрела через плечо. Видела ли она его? Это может показать дальнейшее. Нет! Она двинулась вперед. Она не видела его. Лорд Бельфер, благодаря замечательной победе духа над телом, забыл о своем нарыве и поспешил за Мод. Она достигла теперь той точки дороги, где путешественнику представляются три возможности: если он пойдет прямо, он может попасть в Моресби, очаровательное местечко с норманнской церковью; повернув влево, он может посетить столь же привлекательную деревушку Виттинг; направившись же вправо, по главной дороге, он может очутиться у входа в ферму Платта. Когда Мод, достигнув перекрестка, повернула налево, лорд Бельфер на мгновение был совершенно сбит с толку. Но в следующую минуту рассудок подсказал ему, что это была только хитрость. Видела ли она его или нет, не было сомнений в том, что она хотела избавиться от возможного преследования путем уклонения от прямого пути. Ей незачем было идти в Виттинг. Он никогда не бывал там, и не было оснований думать, что и Мод, бывала там. Надпись на столбе указала ему, что до Виттинга было полторы мили, но теперь это расстояние казалось ему равным 50 милям. Он тащился с трудом. Теперь было легче следить за нею, так как дорога была прямая. Но для того, чтобы

не быть замеченным, ему пришлось сойти с дороги и пробираться по глубокой канаве, тянувшейся вдоль дороги.

Канавы были настолько глубоки, что только голова и шея лорда Бельфера виднелись на уровне дороги, и так грязны, что двадцати ярдов пути было достаточно, чтобы покрыть его грязью. Дождевая вода, однажды попавшая в канавы Англии, покидает их весьма неохотно, оставаясь в них на недели и образуя густую кашу. Перси месил ее. Он бороздил ее, пробираясь по ней. Однако, будучи решительным человеком, он не сдавался. Раз даже он потерял туфлю, но небольшие поиски вернули ее ему. Затем ему встретилась собака, которая, усмотрев нечто необычное в его хождении по канаве, сопровождала его около четверти мили, совершая неприятные набегания на его лицо. Ловко направленные камни положили конец этому недоразумению, и Перси продолжал свой путь один. Вдруг, к его удивлению, Мод, которую он все время не упускал из виду, оставила дорогу и повернула к воротам дома, стоявшего недалеко от церкви. Лорд Бельфер вышел на дорогу и остановился в замешательстве. Ужасная мысль осенила его: быть может, все его страдания не имели смысла. Этот дом походил на жилище викария. Никакие преступные намерения не могли привести Мод сюда. Неужели он проделал весь этот путь лишь для того, чтобы видеть сестру, навещающую священника. Ему стало слишком поздно ясно, что она легко могла быть знакома со священником из Виттинга. Он забыл, что уезжал в Оксфорд на много недель и что за этот период времени Мод, находя тяжелой жизнь в деревне, легко могла заинтересоваться местной благотворительностью. Он нерешительно остановился. Он был сражен. Тем временем Мод позвонила. С того момента, как, обернувшись, она заметила крадущегося в отдалении брата, ее активный молодой ум не переставал придумывать планы, как бы сбить его со следа. Она должна видеть Джорджа в это утро. Она не может ждать еще дня, не установив связи с Джоффреем. Но она успела достигнуть Виттинга прежде, чем ей пришел в голову какой-либо план, обещающий успех. Нарядная горничная открыла дверь.

– Его преподобие дома?

– Нет, мисс. Он ушел с полчаса назад.

На минуту Мод была сбита с толку, как и ее брат, стоявший у стены в состоянии сильного изнеможения.

– О, боже мой! – сказала она.

Служанка оказалась любезной.

– Мистер Фергюсон, его заместитель, дома, если это вас устраивает.

– О, да, вполне! Не спросите ли вы, могу ли я его видеть? С удовольствием, мисс. Ваше имя, пожалуйста?

– Он меня не знает. Скажите, пожалуйста, что его хотят видеть.

– Сейчас, мисс. Не зайдете ли вы в дом?

Входная дверь захлопнулась за Мод. Она последовала за служанкой в гостиную. Тотчас показался молодой, маленького роста викарий, с добродушным лицом. Он глядел сметливо и услужливо.

– Вы хотели видеть меня?

– Простите, что беспокою вас, – сказала Мод, окидывая молодого человека улыбкой, полной ослепительного блеска.

– Никакого беспокойства, уверяю вас, сказал викарий, почувствовавший легкое головокружение.

– Но меня преследует какой-то человек. Викарий негодуяще прищелкнул языком.

– Какой-то бродяга следует за мной всю дорогу, и я напугана.

– Животное!

– Я думаю, он сейчас возле дома. Я не понимаю, чего он хочет. Не будете ли вы столь добры прогнать его прочь.

Глаза, навеки решившие судьбу Джорджа, вспыхнув, остановились на викарии. Он вытянулся во весь рост. Он был готов умереть за нее.

– Если вы подождете здесь, – сказал он, – я пойду и прогоню его. – Ужасно, что публика на дороге чувствует себя неспокойно из-за таких людей.

– Я буду вам очень признательна, – сказала Мод. – Бедняга, может быть, немного ненормален. Это кажется таким странным – следовать за мной всю дорогу и идти по канаве.

– По канаве!

– Да, большую часть пути он шел по канаве сбоку дороги. Казалось, он предпочитал это. Не могу понять, почему.

Лорд Бельфер, прислонившись к стене, внезапно убедился, что перед ним стоит викарий, рассматривающий его с укоризною и враждебно чрез пенсне в золотой оправе. Лорд Бельфер выдержал его взгляд. Никто из них не произвел друг на друга приятного

впечатления. Перси подумал, что видал много более приятных священников, а викарий – что встречал более располагающих в свою пользу бродяг.

– Послушайте, милый человек, – сказал викарий. – Таких вещей делать не надо. Несколькоми часами ранее лорд Бельфер пришел в негодование, когда Джордж сказал ему «сэр». Теперь от обращения «милый человек» у него совершенно захватило дыхание. Как заметил поэт, видеть самих себя такими, какими нас видят другие, – дар, присущий лишь немногим. Лорд Бельфер, не принадлежа к числу этих счастливых, не имел ни малейшего представления, какой возмутительный вид являл он собою в этот момент.

– Как вы осмелились преследовать молодую даму?

Перси был оскорблен.

– Я ее брат!

Он был готов в доказательство назвать свое имя, но сдержался. Однажды он совершил подобную неосторожность; когда полисмен арестовал его, первым его действием было оглушить его своим титулом. Но полисмен, вместо того, чтобы распространяться о своем недоверии, позволил себе скептическое замечание, заявив, что он сам – брикстонский король.

– Я ее брат, – снова повторил он.

– Стыдитесь, – сказал сурово викарий. – Вы, такой несчастный обломок человеческого кораблекрушения, а говорите такие вещи. Неужели у вас нет чувства собственного достоинства? Не исследовали ли вы когда-нибудь своего сердца и не содрогались ли вы от того ужасного падения, которое произошло от слабости вашей воли? Он возвысил голос. Вопросы воздержания были близки его сердцу, и еще вчера он слышал похвалу своей проповеди о вреде пьянства. – Совсем не трудно остановиться, если только принять твердое решение. Вы говорите себе: «Только одна не может повредить мне!» Может быть, нет. Но можете ли вы удовлетвориться одной? А! Нет, милый человек! Для таких, как вы, здесь нет середины! Все или ничего! Остановитесь сейчас, сейчас, когда вы еще сохраняете подобие человека. Скоро будет слишком поздно! Убейте в себе эту страсть! Задушите ее! Подавите ее! Решите же сейчас, сейчас, что ни одна капля проклятой жидкости не пройдет чрез ваше горло!.. Викарий остановился. Он заметил, что красноречие отвлекло его далеко от сути дела. –

Небольшая настойчивость, – заключил он, – и вы скоро будете находить, что какао доставляет вам то же удовольствие. А теперь я прошу вас удалиться. Вы испугали молодую леди, и она не может продолжать своей прогулки, пока я не успокою ее, что вы ушли.

Усталость, боль и неприятные поучения довели Перси до состояния, близкого к истерике.

– Довольно болтать! – проревел он. – Довольно идиотской болтовни! Я буду стоять здесь, пока девушка не выйдет, хотя бы мне пришлось ждать здесь целую вечность!

Викарий внимательно оглядел Перси. Перси не был геркулесом, но еще меньше был им викарий. Но, не будучи геркулесом, Перси казался безобразным животным, готовым на все. Для викария поэтому стратегия имела преимущество над силой. Мгновение он размышлял, как бы взвешивая все «за» и «против». А затем он весело заговорил, с видом человека, который решил добиться своего.

– Дорогой мой, – сказал он. – Этому не бывать. Вы говорите, что вы брат этой молодой леди? – Да.

– Тогда, быть может, вам лучше будет зайти в дом, и мы поговорим с вами.

– Хорошо.

– Следуйте за мной.

Перси последовал за ним. Мод смотрела через занавески, считая себя жертвой чудовищного предательства или столь же чудовищной ошибки. Но она не знала достопочтенного Серилля Фергюсона. Он владел положением лучше, чем командующий армией, хитрым стратегическим отступлением завлекающий врага. Пропустив своего спутника в открытую дверь, он ввел его в темную комнату с другой дверью, предусмотрительно запертой.

– Подождите здесь, – сказал он.

Лорд Бельфер, ничего не подозревая, сделал несколько шагов. Позади него захлопнулась дверь, и щелкнул ключ. Он был в ловушке. Шаря в египетской тьме, его руки нащупали пальто, затем шляпу и зонтик. Затем он споткнулся о палку и упал у стены. Вещи, лежавшие на полу, – тряпки, лоскутья и разный хлам, подсказали ему, что он находится в чулане. Он нащупал дорогу к двери и толкнул ее ногой. Но боль в ногах не позволила ему повторить этой попытки. Перси с проклятьем опустился на ящик с крокетом и стал размышлять.

– Теперь вы будете вне всякой опасности, – сказал в соседней комнате викарий тоном, выказывавшим самодовольство, словно он выиграл сражение. – Я запер его в чулане, где он будет вполне доволен. Вы можете продолжать свою прогулку в полной безопасности.

– Очень вам благодарна, – сказала Мод. – Надеюсь, что он не будет буйствовать, когда вы его выпустите.

– Я его не выпущу, – сказал викарий, обладавший храбростью, лишенной безрассудства. – Я передам это дело парню, заслуживающему доверия. Это – наш местный кузнец.

И, таким образом, когда через некоторое время, показавшееся Перси вечностью, он услышал поворот ключа в замке и бросился вперед, ища, кого бы он мог истребить, его нервное возбуждение разом улеглось. Перед ним стоял огромный человек со стальными мускулами, как у всех прославленных деревенских кузнецов. Он окинул Перси холодным взглядом.

– Ну, в чем дело?

Перси вздохнул. Вид гиганта успокаивал его.

– Ничего, – пробормотал он.

– Лучше, чтобы этого не было, – сказал кузнец мрачно. – М-р Фергюсон дал мне это для вас. Возьмите.

Перси взял. Это был шиллинг.

– И это.

Вторым подарком была брошюра под заглавием: «Теперь время». Бросив взгляд на брошюру, Перси увидел фразу: «...Джо Робертс всегда был горьким пьяницей, но однажды, выходя из бара». Он готов был швырнуть брошюру, но остановился, встретив взгляд кузнеца. Лорд Бельфер редко встречал столь выразительные глаза.

– Ну теперь ступайте, – сказал тот. – Я буду следить за вами и, если вы не исправитесь... то берегитесь...

Его жест был красноречивее его разговора и почти столь же выразителен, как его глаза. Лорд Бельфер вышел и поплелся по дороге в своем свитере, с шиллингом в кармане. Он прошел около мили, не оглядываясь назад.

Мод весело шла через поля по направлению к коттеджу Платта. Не успела она поднять руки, чтобы постучать у дверей, как изнутри послышался хорошо знакомый голос. Она была у цели, но отец предупредил ее. Лорд Маршмортона выбрал то же время для посещения

Джорджа Бэвана. Мод тихо отошла и поспешила домой. Никогда до того она не представляла себе столь ясно, каким препятствием для молодой девушки может служить крепко спаянная семья.

Глава XVI

В момент посещения его лордом Маршмортоном Джордж читал полученное в тот же день письмо от Билли Дор. Оно, главным образом, было посвящено превратностям, испытанными мисс Синклер, ее другом, в ее отношениях со Спенсером Греем. Спенсер Грей, казалось, вел себя странно. Проявив в начале знакомства с мисс Синклер необычайную пылкость, он неожиданно охладел к ней. На последнем обеде он держался в отдалении от нее, а затем исчез вовсе, оставив лаконическую записку о том, что вынужден уехать за границу и, что им, вероятно, к величайшему сожалению, никогда больше не придется встретиться. «Неужели он думает, – говорилось в письме, – что после всего того, что он говорил бедной девушке, он может спокойно удалиться, ограничившись несколькими банальными фразами... Все это кажется еще более странным потому, что он не уезжал. Еще сегодня я видела его на Пикадилли, и он также видел меня. И что – вы думаете – он сделал? Он поспешно свернул в боковую улицу и трусливо бежал. И когда я дошла до того места, его уже не было видно. Повторяю вам Джордж, во всем этом есть что-то странное». Посвященный уже несколько раз в бурные романы друзей Билли, всегда запутанные и обрывавшиеся посередине, Джордж не слишком принимал к сердцу содержание письма. Оно лишь приятно убеждало его, что он не единственный человек в мире, имеющий сердечные огорчения. Он бегло пробежал письмо, когда раздался отрывистый стук в дверь.

– Войдите, – сказал Джордж.

В комнату вошел средних лет бодрый, небольшого роста человек. Джорджу показалось, что он где-то видел его. Он узнал в нем садовника, которому в замке передал записку для Мод в тот знаменательный день. Его одежда поразила Джорджа. Тогда, в саду, он видел его в рабочем костюме. Теперь же было странно видеть его в праздничном платье.

Сердце Джорджа затрепетало. Как все влюбленные, он не сомневался, что садовник принес ему письмо от Мод. Он поздравил себя с тем, что имел такого великолепного посредника в сердечных

делах. По-видимому, это старый слуга, вроде тех, о которых говорится в романах, – человек, пользующийся полным доверием, преданный, готовый на все для мисс, которую знал с раннего детства, и в детских играх которой принимал деятельное участие. Джордж поклонился честному слуге и пошарил в кармане, чтобы убедиться, что там есть достаточно мелочи, чтобы дать ему на чай.

– Доброе утро, – сказал он.

– Доброе утро, – ответил человек.

Строгий наблюдатель мог бы заметить, что он сказал это сухо, без всякой живости. Но в этом и кроется привлекательность старых преданных слуг. Они нарочно напускают на себя суровость, чтобы не обнаружить перед посторонними своего доброго сердца. Он сказал «Доброе утро», а не «Доброе утро, сэръ». Эта грубоватая независимость, по мнению Джорджа, подошла свободолюбивому человеку.

Джордж плотно закрыл дверь и бросил взгляд в соседнюю комнату. Миссис Платт там не было. Все было в порядке.

– Вы принесли мне записку от леди Мод?

Суровое лицо пришедшего покрылось мрачной тенью.

– Если вы имеете в виду леди Мод Мар, мою дочь, то нет, – ответил он ледяным тоном.

За последние несколько дней Джордж привык не удивляться неожиданностям и смотреть на них почти, как на обыденные явления повседневной жизни. Но этот удар оглушил его. – Простите, – сказал он, – я вас не понял.

– Но вы должны меня понять, – ответил граф.

Джордж, у которого пересохло в горле, проглотил слюну.

– Вы лорд Маршмортон?

– Да.

– Боже мой!

– Вас это удивляет?

– Ничего, пробормотал Джордж. В конце концов, я хотел сказать... у вас странное сходство с садовником в вашем замке. Я полагаю, вы заметили это сами.

– Садоводство мой конек.

Джорджа осенило.

– В таком случае, это были вы?..

– Да, я.

Джордж присел.

– Это наводит меня на новые мысли...

Лорд Маршмортон остался стоять. Он строго покачал головою.

– Это не годится, мистер... Я не знаю вашего имени...

– Бэван, – ответил Джордж, с облегчением вспоминая свое имя после охватившего его столбняка.

– Этому не бывать. Этому должен быть положен конец. Я имею в виду нелепые отношения между моей дочерью и вами. Я должен сразу положить конец этой путанице. Джорджу показалось, что путаница только теперь начинается, но, естественно, он этого не высказал. Лорд Маршмортон исчерпал свои реплики. Посланный сестрою, леди Каролиною, в роли непреклонного отца, он проявил в разговоре те качества сдержанного и взвешивающего свои выражения оратора, каким он был в своих редких выступлениях в палате лордов.

– У меня нет желания быть жестоким к увлечениям молодости. Молодость – период романтизма, когда сердце повелевает рассудком. Я сам некогда был молод.

– Но вы и теперь молоды, – сказал Джордж.

– Да что вы! – воскликнул лорд Маршмортон, польщенный комплиментом и забыв свою роль.

– Вам нельзя дать больше сорока.

– Ну, ну, мой мальчик... Я хочу сказать, мистер Бэван.

– По совести, вы выглядите много моложе.

– Между тем, мне сорок восемь лет.

– Самый расцвет жизни!

– Вы полагаете, что я выгляжу моложе своих лет?

– Разумеется.

– Ну, прекрасно. Нет ли у вас табаку, мой мальчик? Я пришел без кисета.

– Он возле вас, у вашего локтя. Прекрасный табак. Я купил его в городе.

– Я как раз курю этот сорт. Какое совпадение!

– Совершенно верно.

– Спичку?

– Спасибо. У меня есть.

Джордж набил свою трубку. Дело приняло благоприятный оборот.

– Да, о чем я говорил, – сказал лорд Маршмортон, выпуская густое облако дыма. – Ах, да. – Он вынул трубку изо рта, почувствовав себя смущенным. Да, да, конечно... Наступило неловкое молчанье.

– Вы сами видите, – сказал граф, – что это невозможно.

Джордж покачал головою.

– Я, может быть, не достаточно сообразителен, но должен сказать, что не вижу этого.

Лорд Маршмортон вспомнил несколько инструкций, полученных от сестры.

– Во-первых, что мы знаем о вас? Вы для нас совершенно незнакомый человек.

– В таком случае мы можем очень скоро познакомиться. Не правда ли? Я встретил вашего сына на Пикадилли и имел с ним долгий разговор. А теперь вы делаете мне соседский визит.

– Я этого не имел в виду, ответил граф.

– Тем не менее это вышло так.

– Затем, имеется один вопрос, о котором я хотел бы осведомиться. Мы – старая семья, и я хотел бы напомнить вам, что Маршмортоны были в Бельфере еще до войны Алой и Белой Розы.

– А Бэваны были в Бруклине еще до Бруклинской подземной дороги.

– Простите, я не понял.

– Я хочу лишь указать вам, что могу проследить свой род в течение весьма долгого времени.

– Я никогда не слыхал о Бруклине.

– Вы не слыхали о Нью-Йорке?

– Конечно, слыхал.

– Ну, так это один из его пригородов.

Лорд Маршмортон зажег потухшую трубку. У него было ощущение, что они снова отклонились от темы.

– Это совершенно невозможно.

– Не вижу, почему.

– Мод слишком молода.

– Ваша дочь не может быть иной.

– Но она слишком молода для того, чтобы разобраться в своих чувствах.

Было ясно, что этот чрезвычайно приятный молодой человек ставил его в затруднительное положение. Графа обезоружило открытие, что этот молодой человек оказался весьма симпатичным, лучшим из всех, кого графу приходилось встречать в последний период своей жизни.

– В настоящее время, во всяком случае, она воображает, что влюблена в вас... Это абсурд...

– Вам не следовало бы говорить мне этого, сказал Джордж.

То обстоятельство, что третьи лица явились к нему сообщить об этом, давало ему надежду, что его дело не безнадежно. Это невероятно, это – чудо.

– Вы – романтический молодой человек и, несомненно, в настоящий момент воображаете, что любите ее.

– Нет, – Джордж не мог оставить без возражения такого рода заявления. – В этом вы ошибаетесь, сказал он. – я, действительно, люблю вашу дочь, люблю с первого момента, как увидел ее. Я всегда буду любить ее. Она – единственная девушка во всем свете.

– Вздор и чепуха!

– Ничего подобного. Это безусловно так!

– Но вы знаете ее слишком мало.

– Достаточно долго!

Лорд Маршмортон вздохнул. Вы причиняете нам много неприятностей и огорчений. Я хотел бы убедить вас быть благоразумным.

– Я думаю, что я благоразумен.

– Я хочу, чтобы вы поняли мою точку зрения.

– Я понимаю вашу точку зрения, но не совсем ясно. Видите ли, моя точка зрения заслоняет для меня вашу.

Наступило молчанье.

– В таком случае, я боюсь, – сказал лорд Маршмортон, – что нам придется оставить дело в том положении, как оно есть до тех пор, пока оно не изменится к лучшему.

– Не будем больше говорить об этом. Но я должен просить вас ясно понять, что я должен буду сделать все, что в моих силах, чтобы прекратить то, что я называю неприятным вторжением.

– Я понимаю вас.

Лорд Маршмортон кашлянул. Джордж смотрел на него с некоторым удивлением. Он думал, что разговор окончен. Но лорд не собирался уходить. Казалось, у него было что-то на уме.

– Тут есть, э... совсем нечто иное, – сказал он, и снова кашлянул в замешательстве. – Только, только совсем другая вещь, повторил он.

Цель его визита к Джорджу носила двоякий характер. Во-первых, леди Каролина направила его сюда. Одного этого было бы вполне достаточно. Кроме того, визит являлся для него необходимым по причине несчастного случая, ставшего ему известным лишь в это утро. Следует вспомнить, что Билли Дор сообщила Джорджу, что садовник, с которым она так подружилась, взял у нее ее адрес, чтобы послать ей несколько роз. Ключок бумаги с адресом был утерян, и лорд Маршмортон разыскивал его безрезультатно с самого завтрака. Билли Дор произвела неизгладимое впечатление на лорда Маршмортона. Она принадлежала к тому типу людей, которых ему не приходилось до того времени встречать. Он находил ее более, чем приятной. Ее знакомство с розами и ее любовь к садоводству укрепили расположение графа к ней. Он не мог припомнить, что когда-либо встречал такую умную и очаровательную девушку, и очень стремился снова встретиться с нею. И вдруг какая-то слишком ревностная горничная, во время уборки, уничтожила единственную возможность найти ее. Не сразу после этого для лорда Маршмортона засияла надежда. Только после того, как он оставил безрезультатные поиски потерянной бумажки, он припомнил, что впервые встретил Билли в обществе Джорджа. Между ним и нею Джордж был единственным звеном. Получить от Джорджа адрес Билли было первоначальной причиной его посещения. И теперь, когда наступило время затронуть этот вопрос, лорд почувствовал некоторое замешательство.

– Когда вы посетили замок, – сказал он, когда вы посетили замок...

– В прошлый четверг, подсказал Джордж.

– Совершенно верно... Когда вы посетили замок в прошлый четверг, с вами была молодая дама...

Не замечая того, что предмет разговора изменился, Джордж находился под впечатлением, что его собеседник переменил фронт и собирается атаковать его с другого фланга. Он постарался отразить то, что показалось ему грубым намеком.

– Мы случайно встретились с нею у замка. Она пришла туда совершенно независимо от меня.

Лорд Маршмортон испуганно взглянул на него.

– Вы не знаете ее? – спросил он озабочено.

– Конечно, я знаю ее. Она – моя давнишняя приятельница. Но если вы намекаете...

– Отнюдь нет, – ответил лорд с глубоким облегчением. – Отнюдь нет. Я спрашиваю просто потому, что эта молодая дама, с которой я имел беседу, была настолько добра, что дала мне свою визитную карточку и адрес. Она тоже ошиблась, приняв меня за садовника.

– Эти бархатные брюки... – пробормотал Джордж.

– Я нечаянно потерял их.

– Вы всегда можете купить новые.

– Что?

– Я говорю, что вы всегда можете купить новые бархатные брюки.

– Я не терял брюк. Я потерял имя и адрес молодой дамы.

– О!

– Я обещал послать ей розы. Она будет ждать их.

– Это нехорошо. Я как раз читал письмо от нее перед тем, как вы вошли. Это, должно быть, относится к вам, то, что она пишет: «Если вы увидите дяденьку, старого душку, напомните ему про розы»... Я прочитал это место три раза, но не мог разгадать их смысла. Это вы – дяденька? Граф нежно улыбнулся.

– Во время нашей беседы она называла меня дяденькой.

– В таком случае поручение относится к вам.

– Очень милая, очаровательная девушка. Как ее имя и где я могу найти ее?

– Ее имя Билли Дор.

– Билли?

– Билли.

– Билли, – сказал лорд Маршмортон мягко. – Я лучше запишу. А ее адрес?

– Я не знаю ее домашнего адреса. Но вы всегда можете найти ее в Королевском театре.

– А! Она играет на сцене?

– Да. Она играет в моей пьесе «Следуй за девушкой».

– В самом деле? Вы драматург, мистер Бэван?

– Сохрани бог, – возмущенно сказал Джордж. – я композитор.

– Очень интересно. И вы познакомились с мисс Дор, когда она играла в вашей пьесе?

– О, нет. Я знал ее до того, как она поступила на сцену. Когда мы впервые встретились, она была стенографисткой в музыкальном издательстве.

– О, боже! Она, действительно, была стенографисткой?

– Да. Но в чем дело?

– О... А... Ничего. Ничего. Что-то случайно пришло мне в голову.

То, что случайно пришло в голову лорду Маршмортона, было мимолетное видение Билли, занявшей место мисс Алисы Фарадей, его секретарши. С такой помощницей было бы наслаждением работать над этой проклятой фамильной историей, которая была теперь таким горьким трудом. Но приятные мечты прошли. Он прекрасно знал, что не имел бы смелости отказать мисс Алисе. В руках этой девушки с холодными глазами он был, как воск. Она подавляла его чем-то вроде гипноза, подобно укротителю львов, удерживающему в повиновении своих зверей.

– Мы были друзьями в течение долгих лет, – сказал Джордж. – Билли – лучший товарищ на свете.

– Очаровательная девушка!

– Она отдаст последнюю рубашку всякому, кто ее об этом попросит.

– Бесподобна!

– И столь же правдива. Никто не скажет о ней ничего дурного.

– Нет!

– Если она и принимает приглашения на ужин и т. п., это ровно ничего не значит.

– Ничего! – с жаром согласился граф. – Девушки должны кушать ужины! Маленькое безобидное развлечение после трудового дня.

– Совершенно верно: ничего больше.

Лорд Маршмортон чувствовал себя расположенным к этому молодому человеку, разумному во всех отношениях, кроме одного пункта. Как жаль, что они не могли смотреть одинаковыми глазами на то, что было подходящим и неподходящим в вопросе любви для аристократки.

– Значит, вы композитор, мистер Бэван, – сказал он приветливо.

– Да.

Лорд Маршмортон слегка вздохнул. – Я уже очень давно не был в опере. Больше, чем двадцать лет. Во время пребывания в Оксфорде и несколько лет спустя я был театралом. Я не пропускал ни одной опереточной премьеры. Это было время Нелли Фаррен и Кетти Вуган, Флоренс и Сен-Джон также. Как она была восхитительна в «Фаусте наизнанку»! Композитором в то время был Майер – Люти. С тех пор утекло много воды. Не думаю, чтобы вы когда-нибудь слышали о Майер – Люти. Нет, не слышал. Джонни Туль играла в «Партнерах». Неважная пьеса... Однако, я не должен отнимать у вас времени. Я рад, что имел приятный случай побеседовать с вами. Кажется, вы сказали, что ваша пьеса идет в Королевском театре. Я, вероятно, скоро буду в Лондоне. Надеюсь увидеть ее. Лорд Маршмортон поднялся. – По-видимому, нет надежды убедить вас смотреть на вещи в правильном освещении.

– Мы, по-видимому, расходимся в том, что является правильным освещением.

– В таком случае, не о чем больше говорить. Я хочу быть вполне откровенным с вами, мистер Бэван. Вы мне нравитесь...

– Чувство вполне взаимное.

– Но я не хочу иметь вас своим зятем. И, черт возьми, – разразился лорд Маршмортон, я не буду иметь вас своим зятем. Боже правый! Неужели вы думаете, что можете оскорблять моего сына Перси в центре Пикадилли и, вообще, причинять столько неприятностей и, наконец, селиться здесь без приглашения у моих ворот в ожидании радушного приема в лоно моей семьи. Будь я молодым человеком...

– Мне кажется, мы договорились, что вы молодой человек.

– Не прерывайте меня!

– Я говорю лишь...

– Я уже слышал, что вы сказали. Лесть!

– Ничего подобного! Это правда!

Лорд Маршмортон растаял. Он улыбнулся. «Молодой идиот!»

– Мы отлично сошлись.

Лорд Маршмортон колебался. Затем внезапно решился открыться и выявить свою позицию более ясно.

– Я знаю, что вы скажете самому себе в тот момент, когда я уйду. Вы назовете меня тяжелым отцом, старым снобом и другими

подобными словами. Не прерывайте меня, черт возьми! Вы, наверное, так назовете. И вы ошибетесь. Я не думаю, что Маршмортоны отличаются от прочих людей божественным происхождением. Моя сестра думает это, Перси также. Но Перси осел. Если вы когда-нибудь подумаете о чем-либо иначе, чем мой сын Перси, поздравьте себя. Вы будете правы!

– Но...

– Я знаю, что вы хотите сказать. Дайте мне кончить. Будь я единственным заинтересованным лицом, я не стал бы поперек дороги моей дочери Мод, за кого бы она не захотела выйти замуж при условии, конечно, что он хороший малый и способен сделать ее счастливой. Но я не один. Есть еще моя сестра Каролина. Есть еще целая толпа кудахтающих дураков – мои сестры, мои зятья и целая свора... Если бы я не воспрепятствовал Мод в ослеплении, если бы я не вмешался и дал бы ей выйти за вас, что бы, вы думаете, было со мною? Я не имел бы никогда спокойной минуты. Вся эта свора напала бы на меня с проклятиями. Появились бы аргументы, семейные советы, дискуссии. Я ненавижу аргументы! Я презираю дискуссии! От семейных советов меня тошнит. Я – мирный человек и люблю спокойную жизнь. И, черт побери, я буду иметь ее... Вот, словом, каково положение. Я не делаю препятствий лично вам, но я не хочу иметь из-за вас столько неприятностей. Я откровенно говорю, что с тех пор, как познакомился с вами, я изменил неблагоприятное мнение, которое составил себе о вас на основании... На основании слухов... Я говорю это вам частным образом, как вещь, не имеющую отношения к основному вопросу. Потому что, поскольку дело касается вашего желания внушить мне сочувствие к вашей женитьбе на моей дочери, я остаюсь неизменно враждебным этому.

– Не говорите этого...

– Нет, я именно так и думаю. Об этом не может быть и речи. Вы понимаете... Если... да, – очень хорошо. До свидания!

Дверь закрылась. Лорд Маршмортон ушел, испытывая ощущение, что был непоколебимо тверд. Джордж набил свою трубку и стал задумчиво курить. Он думал о том, что в это время делала Мод. Мод в это время приветствовала широкой улыбкой своего брата, который спускался, прихрамывая, по лестнице после запоздалого бритья и переодевания.

– О, дорогой Перси, – сказала она. – Какое приключение было со мною сегодня утром. Какой-то отвратительный бродяга преследовал меня. Ужасное животное. Я была так испугана, что принуждена была обратиться к помощи викария соседней деревни. Я жалею, что вас не было со мною, чтобы защитить меня. Почему вы не сопровождаете меня хоть иногда в моих дальних прогулках? В самом деле, не безопасно ходить одной!

Глава XVII

В дни, следовавшие за посещением Джорджа лордом Маршмортоном, большинство гостей и родственников, собравшихся в замок ко дню совершеннолетия лорда Бельфера, не догадывалось о том, какая тревога скрывалась под спокойной внешностью, по крайней мере, полудюжины тех, с кем они непрерывно встречались в течение дня. Перси, например, хотя и прихрамывал от боли, ничем не проявлял внутренней ярости, снедавшей его. Его дядя Френсис, епископ, когда беседовал с ним в саду о страсти к спиртным напиткам, – ибо дядя Френсис, подобно тысячам других людей, читавших заметку о встрече Перси с полисменом и о его последующем аресте, думал, что это дело было результатом опьянения, – не имел никакого представления о вулканических чувствах, бушевавших в груди племянника. Он удалялся после беседы, чувствуя, что молодой человек слушал его со вниманием и растущим раскаянием и что не все еще потеряно, если молодой человек будет бороться со своими склонностями. Ему совершенно не приходило в голову, что Перси охотно задушил бы его собственными руками и прыгал бы от радости над его трупом. Мод также испытывала душевное беспокойство. Все было против нее. Едва ли одна миля отделяла ее от Джорджа, этого существенного звена в цепи ее сношений с Джоффреем Раймондом, но эта миля была усеяна столькими препятствиями и опасностями, что казалась бесконечной.

Дважды, с тех пор, как случай открыл ей присутствие лорда Маршмортона в коттедже и помешал объяснить все Джорджу, она делала попытку предпринять эту прогулку. И каждый раз какое-нибудь пустяшное обстоятельство мешало ей: однажды, когда она собиралась выйти, тетя Августа настояла на том, что она тоже хочет совершить с ней то, что она называла приятной дальней прогулкой, в другой раз, когда она была буквально в нескольких сотнях шагов от своей цели, одна из кузин, выскочившая неизвестно откуда, навязала ей свое неприятное общество. Потерпев неудачу, она в отчаянии решила переменить тактику. Она написала Джорджу записку, в которой объясняла создавшееся положение и просила его, как человека испытанного рыцарства, помочь ей. Это письмо заняло все

послеполуденное время, потому что не легко было написать его. Но оно не имело никакого результата. Она дала его Альберту для передачи, и тот вернулся без ответа.

– Джентльмен сказал, что ответа не будет.

– Ответа не будет. Но ответ должен быть!

– Никакого ответа, миледи. Таковы были его подлинные слова, – настаивал дрянной мальчишка, порвавший письмо через минуту, как получил его. Он даже не полюбопытствовал прочитать его.

Опасный, малодушный молокосос, хотевший только выиграть и выиграть! Билет с надписью: «Р. Бинг» лежал в его кармане, а в его безжалостном сердце было твердое решение, что только Р. Бинг, а не кто иной, должен воспользоваться его помощью.

Мод не могла этого понять. Черным по белому она просила Джорджа отправиться в Лондон, повидать Джоффрея и каким-нибудь образом установить передачу писем между ними. Она чувствовала с самого начала, что такого рода просьба должна была быть сделана ею словесно, а не посредством письма; но действительно, было невероятно, чтобы человек, подобный Джорджу, сделавший для нее так много и единственный смысл пребывания, которого вблизи нее – был помочь ей, мог так холодно отказать ей, не сказав ни слова. Теперь, более чем когда-либо, она чувствовала себя одинокой во враждебном мире. И все же со своими гостями она была весела и оживлена. Никто из гостей не имел ни малейшего подозрения, что ее жизнь не была залита солнечным светом. Автор рад отметить, что Альберт был совершенно несчастен. Маленькое животное испытывало одинаковые мучения. Он анонимно осыпал Реджи Бинга указаниями, составленными из фраз, вырезанных из еженедельных журналов, которые грудой лежали на столе в комнате у экономки, но ничего из этого не выходило. Каждый день, иногда даже два и три раза, он оставлял на туалетном столике Реджи многочисленные вырезки, по смыслу с той, которую он оставил там в ночь бала. Самые избранные вырезки из лучших авторов, по-видимому, не производили никакого впечатления на Реджи. Поскольку Альберт мог ориентироваться, Реджи положительно избегал общества Мод, и это после того, как ему были поднесены такие вырезки, как «Ищите ее общества всеми способами», или «Многие воздыхатели добились своего упорной настойчивостью и делали себя необходимыми, оказывая постоянные

маленькие услуги». Далекий от того, чтобы сделать себя необходимым для Мод постоянными маленькими услугами, Реджи, к отчаянию своего приверженца, казалось, проводил больше времени с Алисой Фарадэй. Большое облегчение от описания мучений этих душ перейти к более приятной картине, представляемой лордом Маршмортоном. Здесь, несомненно, мы имели дело с человеком без тайных мучений, человеком, живущим в мире с этим лучшим из всех возможных миров. Со времени его визита к Джорджу для лорда Маршмортона, казалось, наступила вторая молодость. Он работает в своем саду, посвистывая и даже напевая веселые мелодии, модные в восьмидесятих годах. Его веселость удивительна. Она обращает на себя внимание. Многие заметили ее, и среди них камердинер лорда.

– Я даю вам слово, м-р Кэггс, – говорил камердинер с ужасом, – в это утро я слышал, как старый дьявол поет!

– О боже, отвечал Кэггс, на которого это произвело громадное впечатление. – А прошлой ночью, он дал мне полкоробки сигар и сказал, что я хороший, преданный слуга.

– Я говорю вам – что-то неладное случилось со старым хрычом, поверьте моему слову!

Глава XVIII

Над этим сложным положением ум Кэггса работал, как электрический прожектор. Кэггс был мудрым и проницательным человеком. Он обладал логикою и чутьем. Инстинкт говорил ему, что Мод, совершенно не подозревая о той перемене, которая произошла в отношении Альберта к ее роману, будет продолжать пользоваться услугами этого мальчика, как звеном между нею и Джорджем. Разум Кэггса, соединенный с прекрасным знанием натуры Альберта, позволял ему видеть, что последний неизбежно должен был обмануть доверие Мод. Он готов был биться об заклад на сотню фунтов, что она дала Альберту письмо для передачи и что тот уничтожил его. Кэггсу это было ясно. Ему приходилось лишь остановиться на каком-нибудь плане, который мог бы восстановить разорванную связь. Кэггс не скрывал мягкого сердца под грубой внешностью. Он не оплакивал двух любящих существ, разъединенных недоразумением. Но он хотел выиграть игру. Его положение было крайне деликатным. Он не мог обратиться к Мод и просить ее довериться ему. Мод могла ведь совершенно превратно истолковать его мотивы. Нет! С мужчинами было легче иметь дело, чем с женщинами. Как только его обязанности позволили ему, — а в настоящем положении, когда в доме было много гостей, он был очень занят, — он отправился в коттедж к Джорджу.

— Я надеюсь, что не помешал вам, сэр, — сказал он, кланяясь в дверях.

— Нисколько вы не помешали мне, — сказал Джордж в замешательстве. — Случилось что-нибудь?

— Да, сэр.

— Входите и садитесь.

— Я бы не хотел позволить себе этой вольности, если вам это безразлично. С вашего разрешения, я постою.

Наступило молчание. Джордж чувствовал себя неловко, так как он задавал себе вопрос, — помнит ли дворецкий, что всего несколько дней назад пригласил его в качестве лакея в замок. Кэггс, со своей стороны, чувствовал себя прекрасно. Его вообще трудно было смутить.

– Прекрасный день, несмотря на дождь – сказал Джордж.

– Чрезвычайно, сэр.

– Разве идет дождь?

– Да, и очень сильный, сэр.

– Это хорошо для урожая.

Снова наступила тишина. Слышно было, как стучал дождь.

– Могу ли я говорить откровенно, сэр? – сказал Кэггс.

– Безусловно.

Дворецкий откашлялся.

– Разрешите мне начать с замечания, что ваше маленькое дело, если можно так выразиться, не является секретом для слуг.

– Вам незачем говорить мне это. Я знаю все относительно вашей игры.

Мимолетное замешательство прошло по широкому, гладкому лицу дворецкого. Прошло и исчезло.

– Я не знал, что вы осведомлены по поводу этого маленького обстоятельства, сэр. Но вы несомненно поймете нашу точку зрения. Маленькое развлечение, ничего более, предназначенное облегчить монотонную жизнь в деревне.

– О, не извиняйтесь, – сказал Джордж и вспомнил об одном обстоятельстве, занимавшем его по временам с тех пор, как он провел ночь на балконе. – Между прочим, если это не секрет, кто вытащил Плюммера?

– Сэр?

– Я спрашиваю, кто из вас вытащил имя Плюммера?

– Кэггс задумчиво наморщил лоб. – Я думаю, это был один из камердинеров. Я не особенно обратил на это внимание. Я не высоко ставил шансы Плюммера. Мне казалось, что мистер Плюммер был величиною, которую не стоило принимать всерьез.

– Вы правильно оценили положение. С Плюммером покончено. Любезный молодой человек, но ему не хватает многих существенных качеств.

– Может быть, он задел вас, сэр?

– Я никогда не встречался с ним. Впрочем, не совсем!

– Мне пришло в голову, что вы встретили мистера Плюммера в ночь бала, сэр.

– А! А я сомневался, помните ли вы меня.

– Я прекрасно помню вас, сэр. И тот факт, что мы с вами уже встречались на одной социальной ступени, придало мне смелость прийти сегодня сюда и предложить вам свои услуги в качестве посредника, если бы вы были склонны воспользоваться ими.

Джордж был поражен.

– Вашими услугами?

– Именно, сэр. Я полагаю, что в состоянии протянуть вам то, что называется рукою помощи.

– Но это удивительно альтруистично с вашей стороны.

– Сэр?

– Я хочу сказать, что это очень великодушно с вашей стороны. Разве вы не помните, что вы вытащили мистера Бинга?

Дворецкий снисходительно улыбнулся. – Вы не совсем в курсе событий. Со времени оригинального разыгрывания имен произошло некоторое изменение. Мальчик Альберт теперь имеет мистера Бинга, а я имею вас, сэр. Это – дружеский обмен, произведенный в ночь бала.

– Дружеский?

– С моей стороны целиком, сэр.

Джордж стал понимать некоторые вещи, которые были ему неясны.

– Значит, всё это время?..

– Точно так, сэр. Все это время ее сиятельство, думая, что Альберт предан ее делу, несомненно оказывала ему не оправдываемое доверие. Маленький пакостник, продолжал Кэггс, оставляя на минуту почтительный способ выражения и предаваясь запальчивости, прошу прощения, сэр, за это выражение. Оно сорвалось у меня с языка!

– Вы думаете, что леди Мод дала Альберту письмо ко мне и что он его уничтожил?

– Я думаю, что это было несомненно так. У мальчика нет никакой добропорядочности.

– О, боже!

– Я замечаю ваше замешательство, сэр.

– Да, это безусловно так и было.

– Насколько я понимаю, в этом не может быть ни малейшего сомнения. По этой причине я осмелился прийти сюда, в надежде, что смогу быть полезным в устройстве встречи. Сильное отвращение, которое Джордж питал к сообщничеству с этим откормленным слугою, стало исчезать. «Это, может быть, лишено достоинства, сказал он сам

себе, но это безусловно практично. После того, как человек вступил в заговор с мальчиком, он мало потеряет в своем достоинстве, если вступит в заговор с дворецким». Он повеселел. Если это давало возможность увидеть Мод, он был готов откинуть щепетильность.

– На что вы намекаете? – спросил он.

– Теперь дождливый вечер, и все находятся в замке и заняты разными играми. (Кэггс снисходительно относился к развлечениям аристократии). Вы можете попытать удачу в это время, если пойдете кружной дорогой к замку. Вы найдете в поле; вблизи дороги, маленький заброшенный сарай, недалеко от ворот, где будете защищены от дождя. В то же время я извещу ее сиятельство об этом и, несомненно, она найдет возможность выскользнуть из дома.

– Недурно.

– Это превосходно, сэръ, так как шансы, что вам помешают, минимальны. Скажем, через час?

– Очень хорошо.

– В таком случае, пожелаю вам доброго вечера, сэръ. Благодарю вас, сэръ. Очень рад, быть вам полезным.

Он удалился так же, как пришел. Комната показалась пустою без него. Джордж дрожащими пальцами стал надевать ботинки. Через несколько минут после того, как он вышел из коттеджа, он был склонен бранить погоду за то, что она оказалась вероломною по отношению к нему. В этот вечер он чувствовал, что стихия насмехалась над ним. Воздух должен был быть мягким, чистым, благоуханным. Пылающий закат должен был освещать ему путь. Вместо этого, воздух был полон безнадежной грусти, какая бывает в конце английского дождливого дня. Небо было свинцовым, дождь хлестал со всех сторон, превращая дорожку, по которой пробирался Джордж, в безотрадное болото. Странное предчувствие охватило его. Словно чей-то голос шептал ему на ухо, намекая на предстоящие горести. Он чувствовал странную нервность, входя в сарай. Там было темно и зловеще. Перемежающееся капание в одном из углов выдавало наличность дыры в ветхой крыше. На полу возилась крыса. Капание прекратилось и возобновилось снова. Джордж чиркнул спичкой и взглянул на часы. Он пришел слишком рано. Еще десять минут должно пройти прежде, чем он сможет надеяться на ее приход. Он присел на сломанную телегу, лежавшую у одной из стен. Уныние вернулось.

Было невозможно противиться ему в этом проклятом сарае. Место было похоже на склеп. Никто, кроме глупого дворецкого, не мог бы предложить это место для свидания. Он с раздражением удивлялся, как допустили этот сарай до такого состояния. Мерзость запустения, вот что. Сидеть здесь было напрасной потерей времени. Она не придет. Было множество причин, почему она не придет. Какая же польза от того, что он схватит ревматизм, сидя в этой дыре? Никакой! Но Джордж продолжал ждать. «И что за неподходящее место для встречи, если она даже каким-нибудь чудом придет? Она задохнется от запаха заплесневелого сена, будет промочена дождевыми каплями и будет загрызена крысами», – рассуждал Джордж уныло, слыша возню по невидимому полу. Что-то темное заслонило серый прямоугольник у входа в сарай.

– М-р Бэван?

Джордж вскочил. При звуке ее голоса, каждый его нерв затанцевал в сумасшедшей веселости. Он ощутил, что неправильно судил обо всем. Вечер, например, был великолепен, не один из тех отвратительных сухих, душных вечеров, которые заставляют вас чувствовать, что нечем дышать, но приятный и влажный и полный восхитительного, музыкального капания дождя. А сарай! Все было неверно относительно сарая! Это было великолепное маленькое место, уютное и веселое. Что может быть более бодрящим, чем этот запах сена? Даже крысы, верно, были хорошенькие и скромные, если ближе их узнать.

– Я здесь!

Мод подвигалась быстро. Его глаза, привыкшие к темноте, могли, хотя и неясно, видеть ее. Запах ее влажного пальто показался ему запахом озона. Она была так близко от него, что он мог даже видеть ее глаза, сияющие в темноте.

– Я надеюсь, вы ждали недолго?

Сердце Джорджа затрепетало. Он с трудом мог говорить. Он едва был в состоянии произнести:

– Нет.

– Сначала я не думала, что смогу уйти. Я имела слишком... Она остановилась с криком; она заметила, как крыса пробежала по полу. Рука нервно нашла и схватила руку Джорджа. И при этом прикосновении последний остаток самообладания покинул Джорджа.

Мир сделался смутным и нереальным. От него остался один конкретный факт, что Мод была в его объятиях и что он говорил массу вещей очень быстро и голосом, который принадлежал совершенно незнакомому ему человеку.

Глава XIX

Неприятный толчок, такой отрывистый и ошеломляющий, что он казался похожим на физическую рану, дал почувствовать Джорджу, что что-то не в порядке. Когда он схватил ее, Мод застыла с громким криком, а теперь она боролась, стараясь освободиться от него. Она отскочила в сторону. Он мог слышать ее затрудненное дыхание.

– Вы, вы... Она задыхалась.

– Мод!

– Как вы смеете!

Наступило молчание, показавшееся Джорджу бесконечным. Дождь барабанил по крыше. Где-то вдали завывала собака.

– До свидания, м-р Бэван! – сказала Мод ледяным голосом. – Я не думала, что вы такого рода человек!

Она подвигалась к дверям, и в тот момент, когда достигла их, Джордж очнулся от оцепенения. Он внезапно вернулся к жизни, дрожа от головы до ног. Все его чувства превратились в холодную ярость.

– Стойте!

Мод остановилась. Голова ее была опущена.

– В чем дело?

Ее тон усилил ярость Джорджа. Не заслуженность этого тона сводила его с ума. В этот момент он ненавидел ее. Это он был оскорбленной стороной. Он, а не она, был обманут и одурачен!

– Я хочу кое-что сказать вам прежде, чем вы уйдете.

– Я думаю, нам лучше больше не разговаривать.

Колоссальным напряжением воли он удержал готовые было сорваться с его губ слова.

– Я думаю, мы должны поговорить, – сказал он сквозь стиснутые зубы.

К гневу Мод примешалось удивление. Теперь, когда первое ошеломляющее впечатление этого эпизода прошло, более холодная часть ее натуры старалась смягчить другую, возмущенную объяснением, что поведение Джорджа было случайной ошибкой и что мужчина может потерять голову на один момент, и все же по существу остаться джентльменом и другом. Она вспомнила, что этот человек

однажды помог ей в ее затруднении, и только день или два назад рисковал своей жизнью, чтобы спасти ее от неприятности. Когда она услышала, что он призывает ее остановиться, она предположила, что лучшие его чувства восторжествовали, и приготовилась с достоинством принять его извинения. Но голос, которым он только что говорил, не был голосом раскаяния. Это был голос человека сердитого, а не раскаивающегося, человека, который не просил, а приказывал остановиться и выслушать его.

– Ну? – сказала она на этот раз еще более холодным тоном. Она совершенно не была способна понять его поведения. Это она была стороной, с которой поступили несправедливо. Это она, а не он, поверила и была обманута.

– Я хотел бы объяснить...

– Пожалуйста, не извиняйтесь!

– Я не имею ни малейшего намерения извиняться. Я сказал, что желаю объясниться. Когда я кончу свои объяснения, вы можете уйти.

– Я уйду, когда захочу, – вспыхнула Мод. – Этот человек невыносим!

– Тут нечего бояться. Этот случай больше не повторится!

Мод была оскорблена таким чудовищным истолкованием ее слов.

– Я не боюсь!

– Тогда вы, может быть, будете любезны выслушать меня. Я ненадолго задержу вас. Мое объяснение очень просто. Меня одурачили. Я чувствую себя в положении носильщика из сказки, которого уговорили, что он король. Во-первых, один из ваших друзей – мистер Бин – пришел ко мне и сказал, что вы признались ему, что любите меня.

Мод задыхалась. Или Реджи, или этот человек сошли с ума. Она выбрала более приятное решение.

– Реджи Бинг, должно быть, сошел с ума!

– Я тоже так полагал. По крайней мере, я думал, что впал в ошибку. Но влюбленный человек – это оптимистически настроенный дурак. А я полюбил вас с того момента, как вы попали в мой автомобиль в то утро.

– Что?

– Таким образом, после некоторого времени, продолжал Джордж, не обращая внимания на ее восклицание, – я почти уговорил себя, что

чудеса случаются и что то, что Бинг, сказал, было правдой. И когда ваш отец, придя ко мне, повторил то же самое, я убедился в этом. Это казалось невероятным, но я должен был поверить этому. Теперь, по-видимому, выясняется, что по каким-то непонятным соображениям и Бинг и ваш отец дурачили меня. Это – все. Спокойной ночи!

Ответ Мод был таким, какого Джордж или другой мужчина могли менее всего ожидать. После секундного молчания, она разразилась припадком смеха. Это был смех слишком сильного напряжения нервов, но в ушах Джорджа этот смех звучал, как подлинная веселость.

– Я рад, что вы находите мою историю занимательной, – сказал он сухо. Он был уверен теперь, что ненавидит эту девушку и что единственное его желание, это – чтобы она навсегда ушла из его жизни. – Позже, несомненно, я почувствую смешную сторону этого, но в настоящее время чувство юмора спит во мне.

Мод слегка вскрикнула.

– Я огорчена. Я так огорчена, мистер Бэван! Это не то, не то, совсем не то. Я так огорчена! Я не знаю, почему смеялась. Во всяком случае, не потому, что нашла это забавным. Это трагично. Тут произошло ужасное недоразумение.

– Я замечаю это, – сказал Джордж с горечью.

Темнота начала действовать на его нервы. – Как бы я хотел, чтобы стало немножко светлее...

Свет карманного фонаря осветил его.

– Я принесла его с собой, чтобы осветить себе обратный путь. В поле так темно. Я до сих пор не зажигала его, потому что боялась, что кто-нибудь увидит меня. – Она подошла к нему, держа фонарь над головой. Луч осветил ее лицо, взволнованное и симпатичное, и при виде его негодование покинуло Джорджа. Во всем этом было много непонятного, но в одном он был уверен: эту девушку нельзя было осуждать. Она была чиста, как кристалл.

– Я пришла сюда, чтобы сказать вам все, – сказала она. – Я теперь сделаю это. Только, только теперь это не так легко, мистер Бэван. Есть человек, которого отец и Реджи Бинг, по ошибке, приняли за... Они думали... Видите ли, они знали, что это я была с вами в автомобиле в тот день, и, естественно, они думали, когда вы поселились здесь, что вы были тем человеком, на свидание с которым я пошла в тот день, – человеком, которого я... я...

– Человек, которого вы любите?

– Да, сказала Мод тихим голосом, и снова наступило молчание.

Джордж мог чувствовать только симпатию. Она господствовала над всеми его чувствами, даже над разочарованием. Он мог чувствовать все, что чувствовала она.

– Скажите мне все, – сказал он.

– Я встретила его в Уэллсе, в прошлом году. Голос Мод превратился в шёпот. – Семья узнала об этом, и я была поспешно привезена сюда и с тех пор непрерывно находилась здесь. В тот день, когда я встретила вас, я пыталась ускользнуть из дому. Я узнала, что он в Лондоне и хотела повидать его. Увидев Перси, я вскочила в ваш автомобиль. Все это было ужасным недоразумением. Простите меня.

– Я понимаю, – сказал Джордж задумчиво, я понимаю.

Его сердце болело, как открытая рана. Она сказала так мало. Он мог угадать так много. Этот неизвестный человек, который восторжествовал, казалось, смеялся над ним из темноты.

– Я так огорчена, – сказала Мод.

– Не надо, – сказал он. – Как я могу помочь вам. В этом главный вопрос. Что бы вы хотели, чтобы я сделал?

– Но я не могу просить вас теперь.

– Конечно, можете. Почему нет?

– Почему? О, я не могу!

Джордж сделал попытку рассмеяться. Это был смех, который не казался убедительным даже ему самому.

– Вы нуждаетесь в помощи, – сказал он, – и я могу оказать ее вам. Человек не должен быть лишен навсегда возможности оказать вам услугу только потому, что ему случилось полюбить вас. Представьте себе, что вы бы тонули, а м-р Плюммер был бы единственным человеком, которого вы могли бы позвать на помощь. Разве вы не дали бы ему возможность спасти вас?

– М-р Плюммер? Что вы хотите этим сказать?

– Вы, вероятно, не забыли, что я невольно подслушал его недавнее предложение руки и сердца.

Мод издала восклицание.

– Я ни разу не спросила! Как это нехорошо с моей стороны. Вы были сильно ранены?

– Ранен? – Джордж не понимал ее.

– В ту ночь, когда вы были на балконе и...

– О! Джордж понял. – О, вовсе не сильно. Несколько царапин.

– Это было удивительно сделано, сказала Мод, чувствуя восхищение к человеку, который мог так легко говорить о таком прыжке. У нее всегда была мысль, что лорд Леонард, после того, как совершил свой прыжок, хвастался этим всю остальную жизнь.

– Нет, нет, ничего, – сказал Джордж.

– Это было великолепно!

Джордж покраснел.

– Мы уклонились от главной темы. Мне много стоило прийти сюда, чтоб помочь вам. Как могу я это сделать?

Мод колебалась.

– Я боюсь, что вы можете обидеться, если я попрошу вас об этом.

– Вы не должны так думать.

– Видите ли в чем дело. Все затруднение в том, что я не могу вступить в сношения с Джоффреем. Он в Лондоне, а я здесь. Всякая возможность, которую я имела, чтобы попасть в Лондон, исчезла в тот день, когда я встретила вас и когда Перси увидел меня на Пикадилли.

– Каким образом ваши узнали, что это были вы?

– Очень просто. Они спросили меня.

– И вы признались?

– Я не могла иначе. Я не могла солгать.

Джордж вздрогнул. И в этой девушке он сомневался!

– С тех пор стало еще хуже, – сказала Мод. – Я не могла писать Джоффрею, так как рисковала, что письмо будет перехвачено. Я хотела, у меня была мысль, как только я узнала, что вы приехали сюда... Вы хотели, чтобы я взял письмо и передал его ему? А затем он мог бы ответить на мой адрес, и ответ я мог бы передать тайком вам?

– Это как раз то, чего я хотела. Но я не решилась просить.

– Почему же? Я буду счастлив сделать это.

– Я вам так благодарна!

– О, не за что. Я думал, что вы попросите меня заглянуть к вашему брату и проломить ему вторую шляпу.

– Мод радостно рассмеялась. Вся напряженность положения была облегчена. Джордж все больше и больше нравился ей. Однако, в глубине души, с угрызением совести, она чувствовала, что для него положение не облегчилось. Она была огорчена за него.

По отношению ко всем Плюммерам на свете она без капли сожаления готова была сделать то, что, по их словам, будет для них вечной мукой. Но по отношению к Джорджу дело обстояло иначе.

– Бедный Перси, – сказала она. – Я не думаю, чтобы он когда-нибудь оправился от этого. Он будет иметь другие шляпы, но все же это будет не то. Она вернулась к предмету, более близкому ее сердцу.

– М-р Бэван, не сделаете ли вы еще кое-что для меня?

– Если это не преступление! Даже, если это так!

– Не можете ли вы повидать Джоффрея и рассказать ему все обо мне и, вернувшись обратно, сказать мне, как он выглядит, что он говорил, и так далее...

– Конечно. Как его зовут, и где мне найти его?

– Я ни разу не говорила вам. Как это глупо с моей стороны. Его имя Джоффрей, и он живет со своим дядей, м-ром Вильбуром Раймондом, в д. № 11 в Белграв-Скваре.

– Я пойду к нему завтра.

– Очень и очень благодарна вам.

Джордж встал. Это движение, казалось, поставило его в связь с внешним миром. Он заметил, что дождь прекратился и что звезды сияли в вырезе двери. У него было ощущение, будто он пробыл в сарае очень долго. Он старался не слишком анализировать свои чувства, опасаясь, что скоро будет слишком страдать.

– Я думаю, вам лучше было бы вернуться, сказал он. – Уже очень поздно. Они могут хватиться вас.

Мод весело рассмеялась.

– Я теперь не беспокоюсь о том, что они делают, но я думаю, что, во всяком случае, надо переодеться к обеду.

Они двинулись к дверям.

– Какая хорошая ночь, несмотря ни на что. Я никогда не думала, что дождь вообще прекратится. Это похоже на то, когда вы несчастливы и думаете, что это навсегда.

– Да, – сказал Джордж.

Мод протянула руку.

– Спокойной ночи, м-р Бэван.

– Спокойной ночи.

Он ждал, не будет ли какого-нибудь намека на первые события их свидания. Но Мод принадлежала к тем людям, воспитанность которых

сводится, главным образом, в привычке деликатно игнорировать щекотливые обстоятельства.

– Итак, значит, вы повидаете Джоффрея?

– Завтра.

– Бесконечно благодарна вам.

– Не за что.

Джордж восхищался ею. Небольшой налет церемонности, который она сумела привнести в разговор, придал ему как раз подходящий тон и создал атмосферу, позволившую расстаться без горечи.

– Вы действительно друг, м-р Бэван.

– Дайте мне доказать это.

– Ну, я должна бежать. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи!

Она поспешно пошла через поле. Темнота скрыла ее. Вдали вновь начала выть собака. По-видимому, у нее были свои заботы.

Глава XX

Джордж проснулся на следующее утро с тяжелым сердцем. Солнце светило, птицы весело распевали, но это не развлекало его. Природа всегда бесчувственна по отношению к человеческим желаниям; она смеется, когда мы плачем. Вскоре явился Реджи Бинг. Судьба не могла более тонко насмеяться над Джорджем. Терновый венец страданий заставляет особенно вспоминать счастливые времена, и вид Реджи Бинга в этой комнате напомнил ему, что в последний раз, когда они беседовали за этим столом, он, Джордж, был счастлив, как дурак, в то время, как Реджи был подавлен заботой. В это утро Реджи был яснее солнечного света и веселее поющей птицы.

– Хэлло. Прекрасное утро, не правда ли, – заметил Реджи. – Солнечный свет, птицы! Так сказать, все в лучшем виде, и так далее, если вы понимаете, что я хочу сказать. Я чувствую себя двухлетним ребенком.

Джордж, чувствовавший себя старше лет на девяносто содрогнулся в душе. Это было больше, чем человек мог вынести.

– Я хочу сказать, – продолжал Реджи, рассеянно беря ломтик хлеба и намазывая его вареньем, – это дело с женитьбой, и тому подобная ерунда... Скажите, как обстоит дело? Недурная идея заняться этим вплотную. Или вы другого мнения?

Джордж скорчился, как будто у него в ране повернули нож. С него уже достаточно было видеть счастливого человека, уплетающего хлеб с вареньем, но слушать, как он говорит о женитьбе...

– Ну ладно, будь что будет, – сказал Реджи, весело жуя и разговаривая грубым, веселым голосом. – Я сегодня женюсь, и очень счастлив.

– Что?

Джордж стряхнул с себя уныние.

– Именно так, дружище.

Джордж вспомнил о долге вежливости. – Поздравляю вас!

– Благодарю вас, старина. Не без основания. Я – счастливейший из смертных. Я даже не понимаю, как я мог жить до сих пор.

– Не слишком ли это внезапно?

Реджи оглянулся немного испуганно – и с таинственным видом.

– Я готов сказать, что это, действительно, внезапно. Это случилось так неожиданно. Одним взмахом и чертовски секретно. Если бы это дело было разглашено, нет никакого сомнения, что оно могло бы повернуться иначе. Видите ли, в чем дело, приятель. Я женюсь на мисс Фарадэй. Жизнь – странная штука, не правда ли? То есть, я хочу сказать, что все очень странно, и тому подобное.

– Очень, – согласился Джордж.

– Могло ли прийти кому-нибудь в голову неделю назад, что я буду сидеть в этом кресле и просить вас быть моим свидетелем при бракосочетании. Подумайте только: неделю назад я даже не знал вас. А если бы кто-нибудь сказал мне, что Алиса Фарадэй выйдет за меня замуж, я смеялся бы, как сумасшедший.

– Разве вы хотите, чтобы я был свидетелем?

– Безусловно, если вы ничего не имеете против. Видите ли, – продолжал он конфиденциальным тоном, – дело обстоит так. У меня, конечно, уйма товарищей в Лондоне и его окрестностях, которые были бы счастливы принять участие в моей свадьбе. Но, вы знаете, дело-то в том, что их матери – приятельницы моей матери, а я не хочу, чтобы они имели неприятности из-за того, что помогут мне в моем маленьком торжестве. Вы понимаете, что я хочу этим сказать? Вы совершенно другое дело. Вы не знакомы с моей матерью, так что для вас не имеет никакого значения, если она будет осыпать вас проклятиями. Реджи задумался. Конечно, это самый счастливый день в моей жизни, продолжал он. – Я не говорю, что это так, но, знаете, как обстоит дело? Нет никакого сомнения, что парень не показывает себя с лучшей стороны, когда женится. Я хочу сказать, что он, более или менее, напоминает боязливого осла, и я совершенно убежден, что не удержался бы от удара, если бы заметил, что кто-нибудь, вроде Джека Ферриса или Рони Фитцджеральда, старался бы подавить смехом за моей спиной. Итак, если вы склонны рискнуть и помочь мне, пока дело не закончится, я буду вам вечно благодарен.

– Где вы собираетесь венчаться?

– В Лондоне. Алиса улизнула туда прошлой ночью. Это было легко, потому что, по счастью, старый Маршмортон уехал в город вчера утром, – никто не знает зачем. Он ездит в Лондон не чаще, как два раза в год. Она должна встретить меня в «Савоие» и дальнейший план

таков, что мы отправимся в ближайшую регистратуру и оформим наш брак. Я надеюсь, что мне удастся убедить вас поехать со мною. Ну, соглашайтесь, приятель.

Джордж размышлял. Реджи ему нравился, и не было никаких причин отказать ему. Правда, в настоящем его настроении было бы мучением присутствовать при брачной церемонии, но это не должно было мешать помочь приятелю.

Я согласен, – сказал он.

– Милый друг. Я не знаю, как благодарить вас.

– Я думаю, это не затруднит вас и не помешает вашим планам или чему-нибудь в этом роде?

– Никоим образом. Я как раз собирался сегодня в Лондон.

– Вы не можете попасть туда скорее, чем на моем автомобиле. Но, между прочим, я забыл вас спросить, как подвигается ваше дельце. Надеюсь, все идет хорошо?

– До некоторой степени, – сказал Джордж. Он не был склонен посвящать Реджи в свои заботы.

– Конечно, ваша забота не такова, как была моя. Именно, я хочу сказать, что Мод любит вас, и все, что вам нужно сделать, это придумать, как бы нанести надлежащий удар всей семейке. Как жаль, что вам не нужно, как пришлось мне, добиваться любви девушки, потому что, клянусь богом, – сказал он воодушевляясь, я мог бы помочь вам в этом. Я хорошо изучил это дело.

Джордж мрачно улыбнулся:

– Вы могли бы помочь мне? Скажите, в чем дело?

– Но ведь вы не нуждаетесь в этом.

– Нет, конечно, нет...

Реджи взглянул на часы.

– Мы должны выехать не позже, чем через четверть часа. Я не хочу опаздывать. По-видимому, с женитьбой много возни. Насколько я мог выяснить, если вы являетесь после определенного часа, заведующий регистрацией объявляет вам, что вы промахнулись и должны прийти завтра. Однако, мы безусловно будем вовремя, если не случится какого-нибудь крушения, на что, однако, мало шансов. Я с семи утра в своем автомобиле, и он в полном порядке. Масло, бензин, вода, воздух, болты, гайки, карбюратор – все в наличии и в порядке. Я смотрю за ним, как за маленькой сестрёнкой. Словом, как я вам уже сказал, я

получил нужные указания. Неделю назад я и понятия не имел об этом деле, а теперь... Посмотрите на меня. Вы видите перед собою опытного человека. Все началось в ночь бала. Там был большой бал, вы знаете? По поводу совершеннолетия Перси! Тут случилась совершенно странная и необычная история. Я был поставлен в самое неприятное положение. Я не хочу сказать, что это был единственный случай, и тому подобное, потому что, когда я был еще школьником, у меня была привычка совать повсюду свой нос, при каждом празднестве и увеселении. Но странность на этот раз была в том, что я показал это... До тех пор мне говорили, что я такой парень, в котором абсолютно было невозможно открыть признаков опьянения. Однако, в ночь бала я слишком наполнил свой радиатор. Видите ли, дело в том, что я нарочно выпил лишнее, чтобы иметь достаточно бодрости просить руки Алисы. Я не знаю, каков ваш опыт, но мой таков, что делать предложение может лишь человек, который слегка пьян. Я часто думал, каким образом могут происходить браки в «сухих» штатах Америки. Словом, как я вам сказал, в ночь бала случилась очень странная вещь. Я думал, что одним из лакеев были вы. – Он умышленно остановился, чтобы его слова произвели больше впечатления.

– И оказалось... – сказал Джордж.

– Абсолютно нет! В этом заключается вся странность. Он выглядел, как ваш близнец.

– У меня нет брата-близнеца.

– Нет, я знаю, что вы думаете. Но то, что я хочу сказать, это – что он выглядел, как ваш брат-близнец, выглядел бы, если бы вы имели брата-близнеца. Словом, я перекинулся парой слов с этим парнем и, после короткого разговора стало ясно, что я был совершенно пьян. Алиса была в то время со мною, и она также заметила это. Вы могли бы подумать, что это могло отвратить девушку от такого человека, и т. п. Но нет, никто не мог быть более сочувствующим. И она потом призналась мне, что именно то, что она видела меня в затруднительном положении, изменило все дело. Я хочу сказать, что она решила спасти меня от самого себя. Вы знаете, каковы иногда девушки? Сущие ангелы! Всегда стараются вытащить головешки из пожара. Могу вам сказать, что доброе семя было брошено как раз в эту ночь.

– Таков ваш рецепт? Вы хотели бы посоветовать будущему шаферу купить ящик шампанского и свадебный подарок и приступить к делу. После этого оставалось бы только разослать приглашения?

Реджи покачал головой.

– Ничего подобного. Вам нужно было бы много больше. Это только начало. Вам надо было бы только следовать правильным указаниям. Дело в том, что большинство людей сделало бы промах, и я сам тоже, наверное, сделал бы промах, если бы не другой, чрезвычайно странный случай. Имели ли вы когда-нибудь, как вы называете это?.. Я забыл это слово.

– Головную боль? – подсказал Джордж.

– Нет! Анонимные письма – вот что я хотел сказать! Это очень странная вещь, и я не могу понять до сих пор откуда, черт возьми, они получались. И как раз в это время я стал получать целые кипы писем от какого-то неизвестного парня, который даже не подписывал своего имени.

– Вы хотите сказать, что письма были анонимные? – сказал Джордж.

– Да. Я получал их иногда по два-три в день.

– Когда бы я ни входил в свою комнату, я находил анонимное письмо на туалете.

– Оскорбительные?

– А?

– Были ли эти письма оскорбительными. Анонимные письма обыкновенно бывают такими. – Как раз наоборот, они заключали ряд превосходных указаний, как поступать человеку, который хочет добиться девушки.

– Это звучит так, как будто кто-нибудь хотел научить вас приемам джиу-джитсу по почте. – Были прямо поразительные. Вроде «сделайте себя необходимым для нее в мелочах», «изучите ее вкусы» и т. д. и т. д. Говорю вам, приятель, я скоро перестал думать о том, кто посылает их мне, и старался поступать согласно даваемым указаниям. Они действовали чудесно. Последнее пришло вчера утром и было венцом всего. Оно касалось того, как следует поступать робкому влюбленному. Технические указания – как держать ее руку и как говорить с ней наедине и как быть искренним и настойчивым и дать сердцу доказать остальное. Случалось ли вам прикупать одну карту, когда нужно

получить флэш-рояль и действительно получать нужную карту? Со мною был такой случай, когда я был в Оксфорде и, клянусь, это письмо дало мне то же ощущение. Я не колебался. Я следовал указаниям. Что-то говорило мне, что я выиграю... – Реджи задумался. – Я бы хотел знать, кто посылал мне эти письма. Я бы хотел послать ему свадебный подарок или кусок кренделя или что-нибудь подобное. Хотя я полагаю, что там не будет никакого кренделя, так как свадьба произойдет в регистратуре.

– Вы можете купить лепешки, – посоветовал Джордж.

– Я думаю, что никогда и не узнаю. Ну, как насчет того, чтобы двинуться? Вы ничего не будете иметь против того, если я от времени до времени буду напевать в дороге? Я так безумно счастлив.

– Ничего, если это не нарушит правил движения.

Реджи бесцельно, в экстазе, ходил по комнате. – Это странная вещь, – сказал он задумчиво. – Я как раз вспомнил, что когда был в школе, я часто напевал свадебную песню. Не помню, как она называется. Прекрасная песенка. Я думаю, вы знаете ее. Она начинается «Динг-донг, динг-донг...» И к этому припев: «Торопитесь, потому что это день моей свадьбы». Однако, уже довольно поздно. Поехали?

– Я готов. Хотите, чтобы я взял с собой немного риса?

– Благодарю вас, дружище. Нет. Чертовски опасная штука этот рис. Хуже шрапнели. Взяли вашу шляпу? Все готово? Я жду вас! Ну, пускай теперь начнется торжество: «Динг-донг», – торопитесь, потому что сегодня день моей свадьбы и невеста... черт возьми, я не могу себе представить, что невеста делает.

– Вероятно, пишет вам записку, что раздумала.

– О, боже, – воскликнул Реджи, – едемте скорее!

Глава XXI

Мистер и миссис Бинг сидели за столиком в углу ресторана и нежно глядели друг на друга. Джордж сидел за тем же столиком, но мысленно был за несколько миль отсюда. Глядя грустно на них, он старался побороть уныние, временно рассеянное быстрою ездой в гоночном автомобиле. Воодушевление Реджи и чрезвычайно сдержанное, но все же очевидное, счастье его жены наводило тоску на Джорджа. Он не хотел ждать свадебного завтрака, но счастливая пара возмущалась при мысли, что он может позавтракать в другом месте, а не с ними.

– Оставайтесь с нами, – сказал Реджи умоляющим голосом, потому что нужно о многом поговорить и нам нужен совет светского человека. Мы оформили брак по всем правилам закона, но, как говорится в романах, это только начало. Нам теперь надо обдумать, как наиболее тактично довести об этом до сведения матери.

– И лорда Маршмортон, не забудьте, – сказала Алиса. – Не забудьте, что он потерял свою секретаршу.

– И множество других людей, которые будут страшно раздражены, что я женился, не посоветовавшись с ними, добавил Реджи. – Оставайтесь с нами, дружище. Присоединитесь к нашей скромной трапезе. Нам нужно обсудить многие вопросы.

Появление лакея с блюдами прервало молчаливое единение мужа с женою и спустило Реджи на землю. Он наполнил стаканы из бутылки, стоявшей в ледяном ведре.

– Только один, дорогой, прошептала Алиса предупреждающим тоном.

– Конечно, дорогая, – ответил покорный муж и поднес свой стакан к губам. – Ура, за наше здоровье! А теперь, продолжал он, – становясь серьезным, по поводу, так сказать, нашего маленького дела. Что нам делать? Вы – башковитый парень, Бэван, и мы обращаемся к вам за советом. Каким образом вы сообщили бы эту новость матери?

– Напишите ей письмо, – сказал Джордж.

Этот совет произвел сильное впечатление на Реджи.

– Разве я не говорил тебе, что у него будет чрезвычайно хитрый план, – восторженно сказал он Алисе. – Написать ей письмо. Что может быть лучше? Поэтично, клянусь богом! – Его лицо затуманилось. – Но что написать в этом письме? Вот в чем вся загвоздка.

– Напишите ей откровенно и прямо, что вы очень огорчены, что пошли против ее желания...

– Желания... – пробормотал Реджи, прилежно записывая карандашом на оборотной стороне брачного свидетельства.

– Но что вы знаете, что самое важное для нее – ваше счастье.

Реджи посмотрел на него с сомнением.

– Я не уверен в этом обстоятельстве, дружище. Вы не знаете моей матери.

– Тем не менее, Реджи, – вставила Алиса, – это надо написать. Мистер Бэван совершенно прав.

– Прав? Да, дорогая. Ну ладно, «счастье», а затем?

– Скажите в нескольких словах, как очаровательна миссис Бинг...

– Миссис Бинг! – Реджи широко улыбнулся. Я не думаю, чтобы что-нибудь звучало более приятно. Это будет легко написать. Кроме того, мать знает Алису.

– Леди Каролина видела меня в замке, – сказала Алиса. Но я не думаю, чтобы она знала меня. Она не сказала мне и десяти слов.

– В таком случае, – сказал Реджи серьезно, – вам повезло: мать любит ораторствовать, особенно в моменты возбуждения. Между нами говоря, друзья, когда мать возбуждена, она говорит много лишнего.

– Она откровенна.

– Я бы не пожелал встретиться с тем человеком, который мог бы добиться ее откровенности.

Джордж захотел получить сведения по щекотливому вопросу.

– А экономически? Имеет ли она некоторую власть над вами в этом отношении?

– Вы хотите спросить, имеет ли мать первый голос в денежных вопросах? – сказал Реджи. – Абсолютно нет! Видите ли, когда я называю ее матерью, я употребляю это слово несколько неточно, так сказать. Она, собственно, моя мачеха. У нее свое небольшое состояние, у меня свое. Тут все очень просто.

– Тогда и все просто. Тогда я не понимаю, о чем вы беспокоитесь.

– Именно, это я и думала сказать ему, мистер Бэван, – сказала Алиса.

– Вы совершенно независимы. Она не имеет никакой власти над вами...

Реджи Бинг ошеломленно посмотрел на него.

– Да, конечно, когда вы так разъяснили мне положение! – воскликнул он. – Теперь я вижу, как я счастлив. Это не веселая штука. Вы понимаете, привычка и тому подобное. Я так привык в течение многих лет прыгать по ее указке, что стоило ей лишь погрозить пальцем, как я исполнял все ее желания. Так что мне ни разу не приходило в голову, что я могу поступать самостоятельно. Даю вам честное слово, что мне это до сих пор и в голову не приходило.

– А теперь уж слишком поздно.

– А?

Джордж показал на Алису. Новоиспеченная миссис Бинг улыбнулась.

– Мистер Бэван хочет сказать, что теперь тебе придется прыгать по моей указке, когда я погрожу пальцем.

Реджи поднес ее руку к губам и поцеловал ее.

– Милый пальчик. Пускай он грозит и заставляет Реджи прыгать... – Он внезапно остановился и обратился с извинением к Джорджу.

– Простите меня, дружище. Я немножко забылся. Это больше не повторится. Не съедите ли вы цыпленка, или супа, или чего-либо иного?

За сигарой Реджи стал экспансивен.

– Теперь, когда вы сняли страшную тяжесть с моей души, дорогой друг, – сказал он, попыхивая сигарой, – я смотрю вперед гораздо спокойнее. Мне кажется, что самое лучшее, что мы можем сделать по отношению к матери, это продолжить свадебное путешествие пока время – лучший целитель – залечит рану. Алиса хочет провести около недели в Париже...

– Париж! – прошептала новобрачная восхищенно.

– Потом я хотел бы двинуться южнее, на Ривьеру...

– Если вы думаете о Монте-Карло, дорогой, сказала жена с милой строгостью, то нет!

– Нет, нет, не Монте-Карло, – сказал Реджи поспешно, – хотя это прекрасное место, воздух, виды и тому подобное... Но Ницца, Бордигера, Ментона и другие прелестные уголки... Вам они безусловно понравятся. А затем... У меня явилась мысль откупить обратно мою яхту, прелестную старую «Сирену», и поплавать по Средиземному морю несколько месяцев. Я продал ее одному спортсмену, когда был два года назад в Америке, но я прочитал вчера в газете, что бедняга внезапно скончался, так что, я думаю, ее можно будет получить обратно. – Реджи прервал свои слова внезапным восклицанием. – О, боже!

– В чем дело?

Реджи и Алиса смотрели куда-то позади Джорджа широко раскрытыми глазами. Джордж сидел спиной к дверям и не мог видеть того, что вызвало их ужас, но он понял, что кто-то, известный им обоим, по-видимому, вошел в ресторан и его первой мыслью было, что это «мать» Реджи. Реджи закрыл лицо карточкой кушаний, которую он держал перед собой, как щит, а его жена отвернула лицо в сторону. Джордж оглянулся, но новоприбывший – он или она очевидно, уже сидел среди публики, и он не мог отличить его среди завтракавших.

– Кто это?

Реджи положил меню с видом человека, приходящего в себя после минутной паники.

– Я не понимаю, почему я так взволновался, сказал он, я все забываю, что никто из них не имеет значения. Я хочу подойти и поздороваться.

– Нет, не делай этого, – взмолилась жена. – Я чувствую себя такой виноватой.

– Кто это, – спросил Джордж, ваша мачеха?

– Нет, – сказал Реджи, – это не так страшно. Это старый Маршмортон.

– Лорд Маршмортон?

– Да, и у него положительно праздничный вид!

– Я чувствую себя так плохо, мистер Бэван, сказала Алиса. – Вы знаете, я оставила замок, не сказав никому ни слова, и лорд даже не знает до сих пор, что у него не будет секретаря, когда он вернется обратно.

Реджи вновь бросил взгляд через плечо Джорджа и рассмеялся.

– Не беспокойся, дорогая, мы можем исчезнуть через другую дверь. Он не собирается остановить нас. Он приехал с какой-то барышней. Старикашка, по-видимому, начинает пользоваться жизнью и сидит там с очаровательной блондинкой. Если вы повернетесь на сорок пять градусов, вы можете увидеть ее, Бэван. Взгляните, он вас не увидит, он сидит спиной к нам.

– Вы считаете ее красивой? – спросила Алиса презрительно.

– Нет, теперь, когда я хорошо разглядел ее, совсем не в моем вкусе, ответил Реджи с готовностью, нет, абсолютно нет.

Его жена крошила хлеб.

– Я думаю, что она знает вас, Реджи, дорогой, – сказала она мягко, – она вам кивает.

– Она кивает мне, – сказал Джордж, возвращая солнечный свет в жизнь Реджи. Я знаю ее прекрасно. Ее имя Дор, Билли Дор.

– Дружище, – сказал Реджи, – будь другом, пересядь к тому столу и прикрой наше отступление. Я знаю, что нам нечего бояться, но я просто не хочу встречаться с этим старикашкой.

– Сообщите ему, что я ушла, мистер Бэван, – сказала Алиса.

– Хорошо, тогда я прощусь с вами.

– До свидания, мистер Бэван, благодарю вас за все!

Реджи с жаром пожал руку Джорджа.

– До свидания, старина Бэван. Вы отличный парень. Я постараюсь отплатить вам. Задержите только старика на несколько минут, пока мы уйдем. Если он спросит, скажите ему, что наш адрес для писем – Париж.

Джордж протискался через зал. Билли Дор приветствовала его дружеской улыбкой. Граф, казалось, был менее рад видеть его. Его обветренное лицо имело испуганное выражение. Он напоминал Джорджу школьника, пойманного на месте преступления.

– Я рада видеть вас здесь, – сказала Билли. – Как вы решились расстаться с вашими свиньями и цыплятами? Я думала, вы никогда не покинете их.

– Мне надо было быть в Лондоне по делу, – сказал Джордж. – Как выживаете, лорд Маршмортон?

Граф отрывисто кивнул головой.

– Вы знакомы? – спросила Билли. Каким образом?

– Лорд Маршмортон был так любезен, что однажды утром зашел ко мне и открыл свое инкогнито.

– Не хитрец ли дяденька, сказала Билли восхищенно. – Вспомните, как он стоял в тот день в саду, дурача нас таким образом. Я вам скажу, что, когда мне вчера вечером принесли его визитную карточку после первого акта и я пошла взглянуть на лорда Маршмортона и нашла дяденьку у дверей моей уборной, это меня прямо ошарашило.

– Я уже двадцать пять лет не был за кулисами, сказал лорд Маршмортон сердито.

– Нечего вам притворяться Мафусаилом, – сказала Билли, – сразу видно, что вы еще совсем юнец, не правда ли, Джордж?

– Я говорил как раз это самое.

– Лорд Маршмортон хихикнул. – Я чувствую себя молодым, – сказал он.

– Я бы хотела, чтобы многие из молодежи, с которой я играю на сцене, были так молоды, как вы. В настоящее время надо быть благодарным, когда у молодого человека есть зубы. Она оглядела залу. – Ваши друзья уходят, Джордж. Те, с которыми вы завтракали.

– Да, я с ними уже простился. – Он посмотрел на лорда Маршмортона. Ему показалось, что это подходящий случай, чтобы сообщить новость. – Я завтракал с мистером и миссис Бинг, – сказал он.

На загорелом лице лорда Маршмортона не отразилось ничего.

– С Реджи Бингом и его женой, лорд Маршмортон, – добавил Джордж.

На этот раз он возбудил интерес графа. Лорд Маршмортон взглянул на него удивленно.

– Что?

– Они как – раз уезжают в Париж, – сказал Джордж.

– Реджи Бинг не женат!

– Женился сегодня утром. Я был свидетелем. Вы знаете его жену. Это – мисс Фарадэй. Мне кажется, она была вашей секретаршей.

Невозможно было отрицать, что лорд Маршмортон проявил большое возбуждение. Рот его открылся, и он мял скатерть. Но какого рода было это возбуждение? Джордж не мог понять, пока со вздохом, исходившим из глубины души, лорд Маршмортон не воскликнул: «Слава богу!»

Джордж был поражен.

– Вы довольны?

– Конечно, я доволен.

– Как жаль, что они не знали, как вы к этому отнесетесь. Это избавило бы их от многих страхов. Мне кажется, что они предполагали, что этот удар омрачит всю вашу жизнь.

– Эта девушка, – сказал лорд Маршмортон с горячностью, сводила меня с ума. Вечно надоедала мне с работой над этой проклятой семейной хроникой. Никогда не давала мне ни минуты покоя...

– Мне она нравилась, – сказал Джордж.

– Довольно милая девушка, согласился лорд неохотно, но она вносила проклятое беспокойство в дом. Вечно приставала ко мне, чтобы заниматься семейной хроникой. Как-будто нет более интересного времяпрепровождения, чем писать о моих покойных дурацких предках.

– Дяденька сегодня очень капризен, – сказала Билли с упреком, ударяя графа по руке. – Зачем вы задеваете ваших предков? Вы должны быть счастливы, что имеете предков. Я бы очень хотела иметь их. Я бы хотела чувствовать, что мой пра-пра-пра-дедушка помогал королеве Елизавете. Я большая поклонница старых аристократических родов Англии.

– Высокомерные, старые дураки, – выпалил граф.

– Вы заметили, Джордж, как сверкнули его глаза? Вот, что называется аристократическим гневом. Это закипел старый благородный дух Маршмортонов.

– Я заметил это, – сказал Джордж. – Совсем, как молния.

– Нет никакой надобности делать из нас дураков, дяденька, – сказала Билли. – Вы так же, как и я прекрасно знаете, что вам доставляет удовольствие, думать, каждый раз, когда вы порежетесь безопасной бритвой, из вас течет голубая кровь.

– Куча глупых предрассудков, – проворчал граф.

– Что именно?

– Эта чепуха, титулы и аристократия. Глупый фетишизм. Все люди равны.

– Вы – настоящий революционер, – сказала Билли, – пожмите руку президенту большевиков. Лорд Маршмортон игнорировал это замечание. В его глазах было странное выражение. Джорджу,

наблюдавшему за ним с напряженным интересом, было заметно, что в душе его происходит переворот, что мысли, которые он подавлял в течение многих лет, теперь вырывались наружу.

– Проклятые глупости! Когда я был мальчиком, я хотел быть машинистом. Когда я был молодым человеком, я был социалистом и хотел работать, чтобы зарабатывать на жизнь и составить себе имя. Я отправился в колонии, в Канаду. Я купил фруктовую ферму. Купил и заплатил за нее. Он минуту размышлял о давно потерянной ферме. Мой отец был младшим сыном и надо же было, чтобы мой дядя сломал себе шею на охоте, а ребенок, бедняжка, схватил круп, или что-то в этом роде. А затем мы получили титул, и все мои планы пошли прахом. Чепуха. Чепуха! – Он кусал кончик сигары. – И вы не можете противостоять этому, сказал он печально, – это засасывает вас. Это какая-то проклятая отравка. Я боролся против этого, как только мог. Но это оказалось бесполезным. Я теперь такой же сноб, как и все они. Я не могу делать того, чего хочу. Я должен всегда думать о фамильном достоинстве. Я двадцать пять лет не делал ни одного свободного шага. Джордж и Билли переглянулись. У них было неприятное ощущение, что они подслушивают вещи, которых не должны были слышать. Джордж встал.

– Я должен уйти, сказал он. – У меня есть несколько дел. Рад, что повидал вас снова, Билли! Как идет пьеса?

– Прекрасно. Загребают для вас деньги.

– До свидания, лорд Маршмортон.

Граф молча поклонился. Не часто случалось, что он восставал, даже в мыслях, против того жребия, который ему послала судьба. И никогда в жизни не восставал он на словах. Он все еще был во власти странного недовольства, которое внезапно нашло на него.

– Я рада, что мы встретили Джорджа, – сказала Билли, – он хороший парень. – Она говорила серьезным тоном. Она чувствовала странное расположение к этому здоровому загоревшему маленькому человеку, сидевшему против нее. То, что ей случайно пришлось заглянуть в его душу, сделало его как-то более близким.

– Он хочет жениться на моей дочери, – сказал лорд Маршмортон.

За несколько минут до того Билли несомненно ответила бы на такое замечание какой-нибудь шуткой, показывающей ее недоверие к тому, что граф мог иметь такую взрослую дочь, которая может выйти

замуж. Но теперь она чувствовала себя совершенно серьезной и не такой легкомысленной, как всегда.

– О! – это было все, что она нашлась сказать.

– Она тоже хочет выйти замуж за него.

В течение многих лет Билли Дор не приходилось испытывать замешательства. Теперь она была смущена. Она чувствовала, что неудобно выслушивать такое интимное сообщение.

– О, – сказала она снова, – он хороший парень. Он мне нравится. Он мне понравился с того момента, как я его увидела. Он это знает, и я знаю, что я ему нравлюсь.

Группа мужчин и барышень от соседнего стола прошла мимо них к дверям. Одна из барышень кивнула Билли. Она рассеянно ответила. Компания двинулась дальше. Билли задумчиво склонилась над столом и вилкой выводила рисунок на скатерти. Почему вы не разрешаете вашей дочери выйти замуж за Джорджа, лорд Маршмортон?

Граф молча курил свою сигару.

– Я знаю, что это не мое дело, – сказала Билли, извиняясь, поняв молчание, как отпор.

– Потому, что я – граф Маршмортон!

– Понимаю.

– Нет, вы не понимаете, резко сказал граф. – Вы думаете, что я хочу этим сказать, что я считаю вашего друга недостойным жениться на моей дочери. Вы думаете, что я неизлечимый сноб. И я не сомневаюсь, что он думает то же самое, хотя я и постарался объяснить ему мое положение, когда мы встретились с ним в последний раз. Вы ошибаетесь. Дело совсем не в этом. Когда я говорю, что я – лорд Маршмортон, я хочу этим сказать, что я – бедный дурак, который боится поступить неправильно, чтобы не попасться на зубок своей семье.

– Я не понимаю, какое дело вашей семье до этого.

– Они изведут меня до смерти! Если бы вы знали мою сестру Каролину, вы поняли бы это. Такие барышни, как моя дочь, должны выходить замуж либо за богатого, либо за человека с положением.

– Ну, что касается положения, то я не знаю; но что касается денег, то Джордж великолепно умеет их зарабатывать. Он и Рокфеллер поделили между собою все деньги, какие есть на свете, за

исключением небольшой суммы, которую они оставили Карнеги на карманные расходы.

– Что вы хотите сказать? Он мне говорил, что работает для того, чтобы зарабатывать на жизнь.

– Билли стала опять сама собой. Ее замешательство прошло.

– Если вы называете это работой. Он – композитор.

– Я знаю. Сочиняет песенки.

Билли посмотрела на него с состраданием.

– Я думаю, что вы, живя в лесу, даже понятия не имеете, сколько платят за это.

– Платят ему? Но сколько? В мое время композиторы были не очень богатыми людьми.

– Я прошу вас не говорить о вашем времени, – точно вы Ной, рассказывающий своим сыновьям о хороших временах до потопа. Вы принадлежите к молодежи и не заставляйте меня лишний раз повторять вам это. Итак, слушайте. Помните пьесу, что вы видели вчера вечером, ту самую, в которой я участвую? Ну, так вот, Джордж написал всю музыку для нее.

– Я знаю, он сказал мне это.

– Ну, а сказал ли он вам, что он получает три процента с валового сбора? Вы видели, сколько вчера было публики? Это был обычный сбор. Средняя выручка составляет четырнадцать тысяч долларов в неделю. Значит, доход Джорджа составляет... я не могу точно сосчитать в голове, но приблизительно около четырехсот долларов в неделю. Это восемьдесят фунтов на ваши деньги. А сказал ли он вам, что эта самая пьеса шла более года в Нью-Йорке при полных сборах и что она ставится еще в трех местах в настоящее время? А сказал ли он вам, что сейчас пишет девятую пьесу и что первые семь имели такой же большой успех, как восьмая? И сказал ли он вам хотя бы то, что он получает авторские с каждого проданного экземпляра нот и что, по крайней мере, десять из его вещей были проданы в количестве более полумиллиона экземпляров? Наверное, не сказал, потому что он не из тех людей, которые хвастают своими доходами. Но теперь вы это знаете!

– Значит, он богатый человек?

– Я не знаю, что вы называете богатым, но, осторожно считая, я могу сказать, что Джордж зарабатывает в течение сезона около пяти

тысяч долларов в неделю.

Лорд Маршмортон, был искренне изумлен. – Тысяча фунтов в неделю. Мне даже в голову не приходило!

– Я думаю, что не приходило. А раз я уже говорю о Джордже, я хочу сказать вам еще одну вещь. Он – один из самых порядочных людей на свете. Я его знаю. Вы можете мне поверить, что, если есть что-нибудь скверное в человеке, то в театральной обстановке это проявится, а в Джордже это до сих пор не проявилось. Поэтому я уверена, что в нем нет ничего плохого. Джордж – безукоризненно порядочный человек.

– Во всяком случае, он имеет прекрасного адвоката.

– О, я очень стою за Джорджа. Если бы было побольше таких, как он... Ну-с, если вы находите, что я достаточно впуталась в ваши частные дела, то, я думаю, мне пора двигаться. У нас сегодня днем репетиция.

– Бог с ней, – сказал лорд Маршмортон задорно.

– Как вы думаете, что будет с моим ангажементом, если я так поступлю? Я добросовестно работающая девушка и не хочу терять заработка.

– Я мог бы предложить вам другую работу, если бы вы захотели принять ее.

Билли посмотрела на него подозрительно. Многие мужчины в подобных обстоятельствах делали ей такие же предложения. Она чувствовала себя немного разочарованной в своем новом друге.

– Ну, сказала она сухо, – валяйте!

– Вы поняли, вероятно, из слов мистера Бэвана, что моя секретарша покинула меня, убежала и вышла замуж. Не хотите ли занять ее место?

Трудно было привести в замешательство Билли Дор, но теперь она была захвачена врасплох. Она ожидала совершенно иного.

– Вы шутите!

– Я говорю совершенно серьезно.

– И можете представить себе меня в замке?

– Прекрасно могу.

Несколько сухие манеры лорда Маршмортона оставили его. – Пожалуйста, согласитесь, мое дорожное дитя. Я должен закончить когда-нибудь эту проклятую семейную хронику. Семья ожидает от меня

этого. Только вчера моя сестра Каролина загнала меня в угол и целые полчаса надоедала мне по этому поводу. А я просто не могу примириться с перспективой получить другую мисс Фарадэй из какого-нибудь агентства. Очаровательная девушка, несомненно, но, но... Но будь я проклят, если я сделаю это, и этим все сказано.

Билли разразилась хохотом.

– Я никогда не встречала никого похожего на вас! Вы даже не знаете, умею ли я писать на машинке.

– Я знаю, мистер Бэван сказал мне, что вы великолепная стенографистка.

– В таком случае, Джордж слишком польстил мне. Она задумалась. – Должна признаться, что хотела бы принять ваше предложение. Старый замок понравился мне в тот день, когда я его увидела.

– Будем считать тогда дело законченным, – сказал лорд Маршмортон повелительно. – Отправляйтесь в театр и скажите им, скажите им то, что обычно говорят в таких случаях, а затем отправляйтесь домой, уложите вещи и ждите меня на Ватерлооском вокзале в 6 часов. Поезд уходит в четверть седьмого.

– Возвращение странника в сопровождении очаровательной блондинки! Взвесили ли вы все? Думаете ли вы, что ваша семья ничего не будет иметь против меня?

Глава XXII

Альберт, дрянной мальчишка, – говорил Кэггс, удобнее рассаживаясь в кресле. Пускай это тебе будет уроком!

Дело происходило через неделю после поездки лорда Маршмортона в Лондон, в 6 часов вечера. Комната экономки, в которой старшие слуги обедали, опустела. Из всей веселой компании, которая только что окончила обед, остался только один Кэггс, предаваясь спокойному пищеварению. Альберт, обязанностью которого было прислуживать старшим слугам, двигался по комнате, угрюмо собирая посуду. Мальчик был в скверном настроении духа. В течение всего обеда разговор за столом почти исключительно вертелся вокруг бегства Раджи Бинга, и Алисы Фарадэй, а едва ли какая-нибудь другая тема могла быть более мучительной для Альберта.

– И вот результат и что я могу назвать следствием, – сказал Кэггс, продолжая свое поучение, – всех твоих стараний и вмешательств в дела старших. Следствие и результат то, что ты потерял пять шиллингов и ничего за них не получил. Пять шиллингов, которые ты мог бы израсходовать на хорошую книгу для самоусовершенствования. Потому что ты безусловно нуждаешься в исправлении, так как из всех негодных и ленивых мальчишек, с которыми мне, на мое несчастье, приходилось иметь дело, ты самый худший. Будь осторожен с тарелками и не дыши так тяжело. У тебя ведь не астма. Кэггс укоризненно покачал головой: Итак, твой Реджи Бинг удрал. Это должно научить тебя быть в другой раз более осторожным и не вмешиваться в игру. Вообрази себе только ребенка твоего возраста, который имеет нахальство так вылезать вперед.

– Не называйте его моим Реджи Бингом. Не я его вытащил.

– Нет никакой надобности опять возвращаться ко всему этому. Ты его добровольно принял, поэтому, по всем практическим последствиям, он твой Реджи Бинг. Я надеюсь, ты пошлешь ему свадебный подарок?

– Но вы не в лучшем положении, чем я, несмотря на ваш грабеж.

– Мой... что?

– Вы слышали, что я сказал.

– Чтобы я больше этого не слышал. Что за мысль! Если у тебя были какие-нибудь препятствия для того, чтобы расстаться с этим билетом, ты должен был изложить их ясно и в свое время. А что ты хочешь сказать тем, что я не в лучшем положении, чем ты?

– У меня есть свои соображения.

– Ты только воображаешь, что помешал известному делу, неизменно уничтожая доверенные тебе письма.

– Я – никогда! – воскликнул Альберт, с конвульсивным движением, из-за которого чуть не пострадали одиннадцать тарелок.

– Я много раз говорил, чтобы ты более внимательно смотрел за посудой, – сказал Кэггс строго. – Уж не воображаешь ли ты себя жонглером, что так с ними обращаешься? Да-с, я знаю все по поводу этого письма. Ты думаешь, ты был очень ловок? Так разреши мне сказать тебе, негодный Альберт, что только вчера вечером ее сиятельство и м-р Бэван имели долгое свидание, несмотря на все твои старания. Я видел насквозь всю твою игру, и я вмешался, пошел и устроил это свидание.

Альберт почувствовал благоговейный ужас. Он был подавлен ощущением, что он борется с высшим интеллектом.

– Да, вы сделали это! Он старался сказать это тоном недоверия, но в душе он не был спокоен.

Альберт начал неясно ощущать, что должны пройти многие годы, прежде чем он окажется достойным противником в умственной борьбе с этим мастером стратегии.

– Да, я сделал это, – сказал Кэггс. – Я не знаю, что происходило во время свидания, так как я не присутствовал лично, но я не имею никаких сомнений, что все прошло удовлетворительно.

– Ну, а что это может дать вам хорошего, раз ему не разрешено входить в дом?

Кроткая улыбка осветила лунообразное лицо дворецкого.

– Если твое «ему» относится к м-ру Бэвану, негодный мальчишка, то разреши мне сказать тебе, что пройдет немного времени, и он будет официально приглашен гостем в замок.

– Посмотрим!

– Может быть, ты хочешь рискнуть вторыми пятью шиллингами?

Альберт отступил. У него было достаточно опыта в делах, в которых был замешан дворецкий. Там, где вмешивался этот интриган,

деньги быстро таяли.

– Что вы хотите сделать?

– Тебе нет никакого дела до того, что я хочу сделать. У меня есть свои методы. Все, что я могу сказать тебе, это то, что завтра или послезавтра м-р Бэван будет сидеть в нашей столовой, с ногами под нашим столом, давая ответы по своему вкусу на мои вопросы, чего он хочет, рейнвейну или хереса. Собери тщательнее крошки со стола. Не шаркай ногами, дыши тихонько носом и закрой дверь за собой, когда ты кончишь.

Кэггс, покончив с процессом пищеварения, пошел в биллиардную к лорду Бельферу. Перси был один. Общество, которое было так многочисленно в ночь его рождения, теперь уменьшилось очень значительно. Двоюродные и троюродные кузены уехали, одаренные и обласканные, чтобы погрузиться в тот мрак, из которого появились, и в замке остались только наиболее важные члены семьи, от которых всегда труднее избавиться, чем от мелюзги. Оставались еще епископ и полковник. Сверх того, там было еще около полдюжины ближайших родственников.

– Могу ли я сказать кое-что вашему сиятельству?

– В чем дело, Кэггс?

Кэггс был самоуверенным человеком, но он чувствовал, что ему немного тяжело начать разговор; но затем он вспомнил, что однажды, в далеком прошлом, он видел, как лорда Бельфера отшлепали за кражу варенья, при чем он сам участвовал в этом деле, как обвинитель. И это воспоминание ободрило его.

– Я поучительнейшее надеюсь, что ваше сиятельство не подумает, что я взял на себя слишком много смелости. Я был в течение многих лет в услужении у отца вашего сиятельства и честь семьи – разрешите мне так высказаться – чрезвычайно близка моему сердцу. Я знал ваше сиятельство с раннего детства, и...

Лорд Бельфер слушал это предисловие с растущим нетерпением. Эти дни он был в плохом настроении, и витиеватые фразы сердили его.

– Да, да, конечно, – сказал он, – в чем дело?

Кэггс теперь овладел собой. В своих вступительных замечаниях он был слишком витиеват. Теперь он был готов начать.

– Ваше сиятельство припомнит, что вы спрашивали меня в ночь бала об одном из временных лакеев, о том, который утверждал, что

был кузеном мальчика Альберта. Я навел справки, ваше сиятельство, и, к сожалению, должен сказать, что я узнал, что этот человек был самозванцем. Он сказал мне, что был кузеном Альберта, но Альберт теперь сказал мне, что у него нет кузена в Америке. Я очень огорчен, что это случилось, ваше сиятельство, и надеюсь, что вы отнесете это за счет хлопот и суматохи, неразрывно связанных с моими обязанностями в подобном случае.

– Я знаю, что это был самозванец. Он, вероятно, хотел что-нибудь украсть.

Кэггс кашлянул.

– Если ваше сиятельство разрешит мне, я позволю себе сказать, что я узнал, кто этот человек и каковы мотивы его посещения замка.

Он боязливо выжидал. Это был решительный момент разговора. Если лорд Бельфер не заморозит его взглядом и не прикажет ему выйти из комнаты, опасность минует, и он сможет говорить свободно. Его светлые голубые глаза ничего не выражали, когда он встретился взглядом с Перси, но внутренне он испытывал то же чувство, которое переживал, когда ему, в отсутствие хозяев, удавалось улизнуть в Кемптон-Парк, или на другие скачки и поставить своих сбережений на какую-нибудь лошадь. То, что он чувствовал, когда скаковые лошади мчались к старту, он чувствовал и теперь. Удивление выразилось на круглом лице лорда Бельфера, но прежде чем он успел выразить негодование, дворецкий продолжал. – Я знаю, ваше сиятельство, что это не мое дело делать указания по поводу личных и интимных дел семьи, которой я имею честь служить. Но если ваше сиятельство простит мне мою смелость, я думаю, что смогу оказать помощь и содействие в деле, которое причиняет всем неприятность и недовольство. Он подбодрил себя воспоминаниями. Правда, молодой человек перед ним был лорд Бельфер, сын его хозяина и наследник всего огромного состояния, но однажды он видел, как его отшлепали. Может быть, и Перси вспомнил об этом. Может быть, он просто чувствовал, что Кэггс был преданным старым слугой, и, как таковой, имел право вмешаться в семейные дела.

– Хорошо, – сказал он, бросив взгляд на дверь, чтобы убедиться, что нет свидетелей поступка, которого его внутренний аристократизм не одобрял. – Говорите.

Кэггс вздохнул. Опасный момент миновал.

– Имея естественный интерес, ваше сиятельство, мы, слуги, обычно стараемся почтительно замечать все, что происходит в доме. Разрешите мне сказать, что я с некоторого времени знаю о тех неприятностях, которые ваше сиятельство, к несчастью, имело с некоторым лицом.

Лорд Бельфер почувствовал, что скомпрометировал себя этой беседой. Его возмущала мысль, что интимнейшие семейные секреты служили темой разговора среди лакеев. Но теперь уже слишком поздно что-либо сделать. И его ожесточение против Джорджа Бэвана было столь велико, что в настоящий момент его главным чувством была надежда, что Кэггс имел сообщить что-либо важное.

– Я думаю, прося прощения у вашего сиятельства за это замечание, что вы поступаете неблагоприятно. Я нахожусь в услужении много лет, начав с мальчика и достигнув теперешнего положения, и смею сказать, что имел опыт в течение стольких лет в различных случаях, где дочь или сын хозяев намеревались совершить мезальянс. И все эти случаи, за исключением одного, кончались несчастливо, ваше сиятельство, из-за стремления семьи противодействовать. Опыт научил меня, что противодействие в сердечных делах бесполезно, питая, так сказать, пламя. Молодые люди, ваше сиятельство, если вы разрешите мне употребить это выражение, естественно романтичны. И если вы захотите отвлечь их, они начинают жалеть себя, и желание их все больше разгорается и, в конце концов, будьте уверены, они достигнут своего. Нет способа остановить их. Я не был в достаточно хороших отношениях с покойным лордом Ворлингамом, чтобы дать ему воспользоваться моей опытностью, когда почтенный Обрей Першор влюбился в артистку из оперетты. Иначе я мог бы сказать ему, что он поступал неблагоприятно. Его сиятельство слишком противодействовало на каждом шагу, и молодая пара убежала и повенчалась в какой-то регистратуре. То же самое было, когда молодой человек, учитель брата ее сиятельства, увлек леди Эвелину Уэлс, единственную дочь графа Аккртона. Действительно, ваше сиятельство, единственный случай этого рода, который привел к благоприятному концу, был с леди Катериной Дюзеби, дочерью лорда Брайтфильдса, которая неблагоприятно увлеклась инструктором скэтинг-ринга.

Лорд Бельфер перестал чувствовать превосходство над своим собеседником. Сильная личность дворецкого загипнотизировала его.

Задолго до того, как тот кончил говорить, он чувствовал себя маленьким ребенком. Он слушал с жадностью. Кэггс прервал свои замечания на самом интересном месте.

– Ну, и что же произошло? – спросил Перси.

– Молодой человек, продолжал Кэггс, был молодым человеком большой привлекательности. У него были карие глаза и атлетическая гибкая фигура, развившаяся на скэтинг-ринге. Не было ничего удивительного, по мнению всех слуг, что ее сиятельство влюбилась в него. В особенности после того, как она заявила за парадным обедом, что катанье на роликовых коньках – единственная вещь, из-за которой стоило жить на свете. Но когда она объявила, что помолвилась с этим молодым человеком, произошло замешательство. Я, конечно, не имел чести принимать участия в многочисленных совещаниях, последовавших вслед за этим, но заметил, что таковые происходили чрезвычайно часто. В конце концов, его сиятельство сделал хитрый шаг, выразив свое согласие и пригласив молодого человека погостить у нас в Шотландии, и не прошло и десяти дней после его приезда, как его дело было проиграно. Он вернулся на свой скэтинг, а ее сиятельство занялась благотворительностью и, в конце концов, сделала вполне приличную партию, выйдя замуж за лорда Рональдо Споффарта, второго сына его светлости герцога Горбальского и Стратбумского.

– Как это произошло?

– Видя молодого человека в обстановке ее собственного дома, ее сиятельство скоро стала замечать, что она слишком романтически смотрела на него раньше. Он принадлежал к тому классу, который называется мелкой буржуазией, и его манеры не соответствовали манерам того класса, к которому принадлежала ее сиятельство. У него не было ничего общего с остальными гостями, и он ошибался в выборе ножей: в первый вечер, за обедом, он взял стальной нож к закуске, и я заметил, что ее сиятельство взглянула на него очень пристально. Можно сказать, что с ее глаз упала завеса. Не потребовалось много времени, чтобы ей убедиться, что ее сердце обмануло ее.

– Так, что вы думаете?..

– Не мое дело предлагать что-либо, но осмеливаюсь почтительнейше указать, что подобное поведение было бы наилучшим в настоящем случае.

Лорд Бельфер размышлял. Недавние события показали ему всю трудность задачи, которую он принял на себя, когда решился следить за поведением сестры. Происшествие со священником и кузнецом повлияло на него и физически и духовно. Его ноги до сих пор еще болели, и его самоуверенность значительно поколебалась. Мысль бесконечно продолжать свой шпионаж была не особенно приятна. Насколько проще и более действительно было принять предложенный ему совет.

– Мне кажется, что вы правы, Кэггс.

– Благодарю вас, ваше сиятельство, я убежден в этом.

– Я сегодня же поговорю с отцом.

– Очень хорошо, ваше сиятельство.

– Я очень рад, что мог услужить вам.

– Негодный Альберт, – твердо сказал Кэггс на следующее утро вскоре после завтрака. – Отнеси эту записку м-ру Бэвану в коттедж возле фермы Платт и передай ее без твоих обезьяньих штук. Подожди ответа и принеси его мне, а также лорду Маршмортона. Я могу тебе сказать, для того чтобы сэкономить тебе труд вскрытия письма, что я уже сам сделал это. Это – приглашение пообедать с нами сегодня вечером.

Альберт сдался. В первый раз в своей жизни он почувствовал себя покоренным. Он понял, как он заблуждался, когда предполагал, что сможет противопоставить свой пигмейский ум этому безбородому творцу чудес.

Глава XXIII

Жизнь подобна расхлябанной машине, которая идет то слишком медленно, то слишком быстро. С колыбели и до могилы мы попеременно попадаем то в Саргассово море, то в быстрины порогов, то в штиль, то в шторм. Мод казалось, когда она смотрела через обеденный стол, чтобы в двадцатый раз убедиться, что против нее, действительно, сидел Джордж Бэван, что после многих месяцев, в течение которых ничего не случилось, наступил такой период, когда все случилось сразу. За чинной рутинной, которая тянулась с того времени, когда ее вернули домой из Уэллса, последовал сумасшедший вихрь событий, завершившийся сегодняшним чудом. Она начала несколько поздно одеваться к обеду и вследствие этого вошла в гостиную как раз тогда, когда Кэггс объявил, что обед подан. Первое потрясение она получила, когда влюбленный Плюммер, отделившись от толпы родных и друзей, сказал ей, что он должен вести ее к столу. Она не ожидала, что Плюммер будет здесь, хотя он и жил по соседству. В их последнее свидание Плюммер выразил намерение отправиться за границу, чтобы залечить свое разбитое сердце; чуткая девушка была немножко смущена, видя свою жертву, так неожиданно появившуюся. Она не знала, что, по мнению Плюммера, положение теперь изменилось. Анализируя мотивы ее отказа, Плюммер решил, что существовал другой, и что этим другим был Реджи Бинг. С самого начала он смотрел на Реджи Бинга, как на главного соперника, а теперь Реджи убежал с мисс Фарадэй, вследствие чего Мод, по его мнению, должна была утешиться с более достойным человеком. Он пришел сегодня в замок мрачным, но не без надежды. Второй сюрприз заставил Мод совершенно забыть первый. Ей не было ничего сообщено ни ее отцом, ни Перси о приглашении Джорджа и, видя его стоящим в комнате и беседующим с теткой Каролиной, она едва не потеряла сознания. Жизнь, которая в течение нескольких дней была похожа то на сон, то на кошмар, стала теперь еще более нереальной. Она не могла придумать никакого объяснения присутствию Джорджа здесь. Он не мог быть здесь, это все, что она знала. И все же, несомненно, он был здесь. Ее обращение, когда она шла с Плюммером

вниз по лестнице, было так ослепительно ласково, что ее кавалер подумал, что, явившись сюда, сделал самую умную вещь в своей жизни, не особенно богатой умными поступками. Плюммеру казалось, что Мод стала много мягче по отношению к нему. Безусловно, кое-что в ней изменилось. Он не мог знать, что она просто задавалась вопросом, не спит ли она. Джордж, между тем, сидя по другую сторону стола, также не в состоянии был охватить умом быстрый ход событий. Он бросил попытки догадаться, зачем он был приглашен на этот обед, и теперь старался найти какое-нибудь объяснение, которое вязалось бы с тем фактом, что Билли Дор в замке. В этот самый час, по всем правилам, Билли должна была заканчивать свое переодевание в театре. Между тем, она сидела здесь, прекрасно себя чувствуя в этом аристократическом обществе и так скромно одетая в черное платье, что он сначала ее не узнал. Она беседовала с епископом. Голос Кэггса пробудил его.

– Хереса или рейнвейна прикажете?

Джордж не мог объяснить себе, почему присутствие дворецкого успокоило его. Но это было так. В Кэггсе было что-то солидное и успокаивающее. Он и раньше заметил это. Первое ощущение, словно его оглушили каким-то тупым орудием, начало проходить. Казалось, что Кэггс одной только интонацией своего голоса, сказал ему: «Все это кажется вам очень странным и необычным, но не беспокойтесь, я здесь». Джордж начал наблюдать. Казалось, его мозги начали проясняться. Он стал различать среди общей массы обедающих отдельные личности, в то время, как раньше они сливались в общую массу. Пророк Даниил, после того, как прошло его первоначальное замешательство, когда он очутился среди львов, вероятно, чувствовал нечто подобное. Он стал мысленно разбирать гостей. Он был представлен им в гостиную, но у него осталось от этого дикое впечатление, словно кто-нибудь читал ему страницу из Готского альманаха. С того дня, когда он погрузился в этот очаровательный том в Общественной библиотеке в Лондоне, чтобы узнать, кто такая Мод, он не подвергался такому граду титулов. Здесь, во главе стола, был лорд Маршмортон, мрачно слушающий разговор полной дамы с жемчужным ожерельем. Но кто была эта дама? А главное, кто был этот господин с птичьим лицом, с усами, беседующий с Мод? Он обратился к помощи своей соседки. Она казалась, насколько он мог заключить из

их короткого знакомства, чрезвычайно любезным маленьким существом. Она была мала, юна и полна.

– Не можете ли вы назвать мне некоторых из этих лиц? – сказал он, когда она повернулась к нему, окончив разговор со своим соседом. – Кто этот господин напротив?

– Который?

– Тот, который говорит с леди Мод. У него такое неприятное лицо.

– Это мой брат.

Это было во время супа. Только заканчивая рыбу, он нашелся: – Я очень сожалею о том, что сказал по поводу вашего брата.

– Очень мило с вашей стороны.

– Освещение обмануло меня. Теперь, когда я смотрю на него вновь, я вижу, что его лицо полно очарования.

– Девушка хихикнула. Джордж стал чувствовать себя лучше.

– Разрешите узнать ваше имя. Я не расслышал его. Они так быстро произнесли его, что я не мог разобрать.

– Моя фамилия Плюммер.

Джордж воодушевился. Он посмотрел через стол с более живым интересом. Влюбленный Плюммер был до сих пор для него простым звуком. Было любопытно видеть его во плоти. – А кто остальные?

– Это все члены семьи. Я думала, вы их знаете.

– Я знаю лорда Маршмортона, Мод и, конечно, лорда Бельфера. – Он перехватил взгляд Перси, который холодно наблюдал за ним с другого конца, и весело кивнул ему.

– Лорд Бельфер мой большой друг.

Пухлая мисс Плюммер скорчила разочарованную гримасу на своем красивом личике.

– Мне не нравится Перси.

– В самом деле?

– Мне кажется, что он очень самодоволен.

– Едва ли. С чего бы ему быть самодовольным?

– Он очень чопорный.

– Да, конечно, таким он кажется сначала. В первый раз, когда я встретился с ним, он казался ужасно чопорным. Он один из тех людей, которых надо хорошо узнать, чтобы полюбить. Он вырастает на ваших глазах.

– Да, но подумайте о деле с полисменом в Лондоне. Здесь все говорят об этом.

– Молодая кровь! – вздохнул Джордж. – Конечно, Перси дик.

– Он, вероятно, был пьян.

– О, несомненно! – сказал Джордж.

Мисс Плюммер взглянула через стол.

– Посмотрите на Эдвина.

– Кто такой Эдвин?

– Это мой брат. Смотрите, как он пристально глядит на Мод. Эдвин страшно влюблен в Мод. – она говорила с подкупающей откровенностью. – По крайней мере, он думает, что влюблен. С тех пор, как я его помню, он каждый сезон влюблялся в другую девушку, а теперь, когда Реджи Бинг исчез и женился на Алисе Фарадэй, он думает, что у него есть шансы. Я полагаю, вы слышали об этом.

– Да, я кое-что слышал об этом.

– Конечно, Эдвин напрасно теряет время. Я случайно знаю об этом. – Мисс Плюммер понизила голос до шепота. – Я знаю, что Мод ужасно влюблена в какого-то господина, которого она встретила в прошлом году в Уэллсе. Но семья и слышать об этом не хочет.

– Все семьи таковы, – сказал Джордж.

– Никто не знает, кто он, но все знают об этом. Эти вещи, знаете, быстро распространяются.

Конечно, об этом не может быть и речи. Мод должна выйти замуж за кого-нибудь весьма богатого или с титулом. Ее семья – одна из самых старых в Англии.

– Да, я понимаю.

– Это не то, как если бы она была дочерью лорда Пибля или кого-нибудь в этом роде.

– Почему лорда Пибля?

– Видите ли, я хочу сказать, – сказала мисс Плюммер, – он составил состояние на виски.

– Это лучше, чем потерять его таким образом, – сказал Джордж.

Мисс Плюммер посмотрела на него несколько недоумевающе.

– Я понимаю, что вы хотите сказать, – сказала она немного неопределенно. – Лорд Маршмортона совсем другое дело.

– Настоящий аристократ, не правда ли?

– Да.

– Так что вы думаете, что этот загадочный человек из Уэллса не имеет шансов?

– Если только он и Мод не убегут, как Реджи с Алисой. Не восхитительно ли это? Кто бы мог подумать, что Реджи будет иметь смелость сделать это. Новая секретарша лорда Маршмортона красива. Вы не находите?

– Где она?

– Девушка в черном, с золотистыми волосами.

– Она секретарша лорда Маршмортона?

– Да, она американка. Я думаю, она много приятнее, чем Алиса Фарадэй. Я говорила с нею перед обедом. Ее фамилия Дор. Ее отец был капитаном американской армии и умер, не оставив ей ни копейки. Он был младшим сыном очень почтенной семьи. Но семья отказалась от него, потому что он женился против ее желания.

– Что-нибудь должно быть предпринято, чтобы остановить вмешательство семей. Они постоянно вмешиваются во все.

– Таким образом, мисс Дор должна сама зарабатывать себе на жизнь. Вероятно, было ужасно для нее отказаться от общества.

– Разве она отказалась от общества?

– О, да. Она бывала повсюду в Нью-Йорке, при жизни отца. Я нахожу, что американские девушки удивительны. В них столько предприимчивости. Я бы хотела зарабатывать на жизнь, продолжала мисс Плюммер, – но семья даже и слышать не хочет об этом.

– Опять семья, сказал Джордж сочувственно. Это настоящее проклятье.

– Я бы хотела пойти на сцену. Вы любите театр?

– Очень.

– Я люблю его. Видели ли вы Губерта Бродлея в «Это было однажды весною?»

– Кажется, не видел.

– Он поразителен! Видели ли вы Синтию Дан в «Женском нет»?

– Мне, кажется, не удалось и этого видеть.

– Может быть, вы предпочитаете музыкальные произведения? Я видела очень хорошую музыкальную комедию, когда была в городе. Она называлась «Следуй за девушкой». Это было в Королевском театре. Вы видели ее?

– Я написал ее.

– Вы?.. Что?

– Я хочу сказать, что я написал музыку.

– Но музыка прекрасна, – воскликнула мисс Плюммер. – Я с тех пор все время напеваю ее.

– Ничего не могу поделать. Я все-таки настаиваю, что написал ее.

– Значит вы – Джордж Бэван?

– Да.

– Но... – мисс Плюммер чуть не лишилась голоса... Но, я в течение многих лет танцую под вашу музыку. Я имею чуть ли не пятьдесят пластинок вашей музыки.

Джордж покраснел. Как бы человеку ни везло, он никогда не может привыкнуть к славе.

– Но какие ловкие штуки во втором акте. Знаете ли, – это самая очаровательная вещь, которую я когда-либо слышала. Я без ума от нее.

– Вы думаете «Люмти-люмти-тум. Думти-лумти-дум»...

– Нет, то, которое начинается: Та-рум-ти-тум, тум, тарумтитум, там, где говорится о том, как Грани танцует шимми.

– Видите ли, я не ответствен за слова, – сказал Джордж поспешно. – Они сочиняются либреттистами.

– Я нахожу слова очаровательными. Мне они очень нравятся. Мисс Плюммер в восхищении наклонилась вперед. Она была импульсивной девушкой. – Леди Каролина! – Разговор остановился. Леди Каролина обернулась.

– В чем дело, Милли?

– Знаете ли вы, что м-р Бэван – тот самый мистер Бэван?

Все умолкли. Джордж сидел красный на своем стуле. Он не предвидел такой возможности. Сидрах, Мисах и Авденаго вместе никогда не испытывали и десятой доли того жара, который охватил его. Он, по существу, был чрезвычайно скромным молодым человеком.

– Тот самый мистер Бэван? – повторила холодно леди Каролина. Ей было неприятно признавать существование Джорджа на одной планете с нею. Восхищаться им, как этого ожидала мисс Плюммер, леди Каролина не могла. Она бросила ледяной взгляд на Джорджа и подняла свои аристократические брови.

Но мисс Плюммер не смутилась. Она была в том возрасте, когда обожают героев, и в ее сердце Джордж занял место рядом с Дугласом Фербенксом и одним-двумя теннисными чемпионами.

– Вы знаете, Джордж Бэван тот самый, который написал музыку «Следуй за девушкой»! Леди Каролина ни капельки не смягчилась. Она не слыхала о «Следуй за девушкой». Весь ее вид показывал, что, хотя она и допускала возможность, что Джордж опозорил себя подобным образом, для нее, однако, это не имело никакого значения.

– И разные другие вещи, – продолжала мисс Плюммер неумолимо. – Вы, наверное, слышали его музыку в граммофоне.

– О, конечно!

Это произнесла не леди Каролина, а мужчина, сидевший дальше за столом. Он говорил с энтузиазмом.

– О, боже мой! Конечно! – сказал он. – Шимми и другие!

Все казались довольными и заинтересованными. Все, за исключением леди Каролины и лорда Бельфера. Перси чувствовал, что был обманут. Он проклинал глупость Кэггса, внушившего ему мысль пригласить этого человека к обеду. Все пошло вверх дном. Джордж имел несомненный успех. С тех пор, как попытка показать Джорджа недостойным в глазах Мод потерпела неудачу, обед оказался сплошной ошибкой. Было бы гораздо лучше оставить Джорджа в его проклятом коттедже. Лорд Бельфер задумчиво осушил свой стакан. Он был серьезно расстроен. Но его недовольство в этот момент было незначительным по сравнению с мукой, которая терзала его душу минуту спустя. Лорд Маршмортон, который с возрастающим возбуждением прислушивался к хору похвал, поднялся со своего места. Он кашлянул. Было очевидно, что он имел что-то на уме.

– Эр... – сказал он.

Шум разговора снова прервался, как это бывает на званых обедах, когда один из присутствующих собирается сказать речь.

Лорд Маршмортон кашлянул снова. Его загорелое лицо приняло еще более темный оттенок. В его глазах появилось вызывающее выражение. Он решил воспользоваться моментом популярности Джорджа. Настроение его ума было нервное, но решительное. Он в третий раз откашлялся, бросил быстрый взгляд на свою сестру Каролину и затем стеклянным взором посмотрел в пространство над ее головой.

– Пользуюсь этим благоприятным случаем, сказал он, быстро комкая для облегчения скатерть, – пользуюсь этим случаем, чтобы объявить помолвку моей дочери Мод с мистером Бэваном. И... –

заклучил он, стремительно опускаясь в свое кресло, я хотел бы, чтобы все выпили за их здоровье.

Наступило угнетающее молчание. Оно было прервано двумя звуками, одновременно раздавшимися в разных концах комнаты. Один из них был вздохом леди Каролины, другой – звук разбитого стекла. В первый раз за долгую незапятнанную службу Кэггс, дворецкий, уронил поднос.

Глава XXIV

На валу ночь была совершенно тихой. Звезды смотрели так же спокойно, как в ту ночь бала, когда Джордж ждал у куста, прислушиваясь к звукам музыки, в глубоком раздумье. С темных лугов, расположенных у ручья, доносился крик дергача, смягченный расстоянием.

– Что нам делать? – сказала Мод.

Она сидела на камне, в том месте, где Реджи Бинг размышлял о своей любви к Алисе Фарадэй. Джорджу, который стоял возле Мод, не было видно ее лица.

– Я не знаю, – сказал он.

Он, действительно, не знал. Подобно леди Каролине, лорду Бельфер и дворецкому Кэггсу, он был совершенно ошеломлен драматическим заявлением лорда Маршмортонна. События обрушились без всякого предупреждения, и он не знал, как справиться с ними. Рыдающий звук внезапно раздался с той стороны, где находилась Мод. В тишине он прозвучал очень громко. Он резнул расстроенные нервы Джорджа.

– Не надо!

– Я ничего не могу поделать.

– Не о чем плакать, право. Если мы хорошо подумаем, мы найдем какой-нибудь выход. Пожалуйста, не плачьте.

– Я не плачу. – Рыдающий звук превратился в несомненный звук смеха. Это так абсурдно. Бедный папа, который делает такое выступление против всех. Вы заметили лицо тети Каролины?

– Оно до сих пор меня преследует, – сказал Джордж. – Я никогда его не забуду. Ваш брат тоже не казался слишком довольным.

Мод перестала смеяться. – Это ужасное положение, – серьезно сказала она.

Оповещение будет напечатано в «Морнинг-пост» послезавтра. Тогда начнут сыпаться поздравления. А после того – подарки. Я не вижу, каким способом убедить их, что это была просто ошибка.

Тут ее поразила другая точка зрения на это дело.

– Это так тяжело вам, – сказала она.

– Не думайте обо мне, сказал Джордж. Бог свидетель, что я бы отдал весь мир за то, чтобы это оказалось правдою. Но зачем обсуждать невозможное? Он понизил голос.

– Нечего говорить о том, что я буду переживать неприятное время. Но что пользы говорить об этом? Это была моя собственная ошибка. Я ворвался в вашу жизнь по своему собственному желанию и что бы ни случилось, оно окупается тем, что я узнал вас и старался быть вам полезным.

– Вы лучший друг, которого я когда-либо имела.

– Я рад, что вы так думаете.

– Самый лучший и самый милый друг, которого какая-либо девушка когда-либо имела. Я бы хотела... Она остановилась. О если бы!..

Наступило молчание. В замке кто-то начал играть на рояле. Затем мужской голос начал петь.

– Это Эдвин Плюммер, – сказала Мод. – Как плохо он поет.

Джордж рассмеялся. Как бы то ни было, вторжение Плюммера ослабило напряжение. Плюммер пел «Прощай» Тости. Он придавал и без того не очень веселой музыке оттенок собственной меланхолии. Собака на конюшне начала выть, и этот звук странным образом успокоил нервы Джорджа. Может быть, он после будет чувствовать, что у него разбито сердце, но в этот момент, при этом двойном аккомпанементе, обладая чувством юмора, было невозможно предаваться глубокой скорби. Плюммер и его собачий аккомпаниатор свели его на землю. Он чувствовал себя хладнокровным и практичным.

– Давайте, обсудим все это спокойно, – сказал он. – Безусловно, имеется какой-нибудь выход. В худшем случае, вы всегда можете пойти к лорду Маршморнтону и сказать ему, что он говорил без достаточного знания дела.

– Я могла бы, – сказала Мод, но чувствую, что в настоящее время мне легче было бы сделать любую другую вещь на свете. Вы не отдаете себе отчет, чего должно было стоить моему отцу бросить такой открытый вызов тете Каролине. С тех пор, как я настолько выросла, чтобы замечать что-либо, я всегда видела, как она командовала им. Это именно тетя Каролина вызвала все эти волнения. Если бы дело касалось только моего отца, я могла бы уговорить его разрешить мне

выйти замуж за кого бы я хотела. Я бы хотела, если только возможно – придумать какой-нибудь другой выход.

– Я не имел случая сообщить вам, – сказал Джордж, – что я был на Балграв-Скваре, как вы просили меня. Я отправился туда немедленно после того, как увидел, как Реджи Бинг благополучно женился.

– Разве вы видели его женатым?

– Я был его свидетелем.

– Реджи! Я надеюсь, что он будет счастлив!

– Он будет, не беспокойтесь об этом. Словом, как я сказал, я был на Белграв-Сквере и нашел дом запертым. Я не мог дозвониться, хотя подолгу не отрывал пальца от звонка. Я думаю, что они опять уехали за границу.

– Нет, это не так. Я сегодня утром имела письмо от Джоффрея. Его дядя умер от удара, когда они были по делам в Манчестере. Она сделала паузу. – Он оставил все свое состояние Джоффрею.

Молчание казалось длящимся до бесконечности. Музыка в замке прекратилась. Тишина летней ночи ничем не нарушалась. Джорджу эта тишина казалась зловещей. С содроганием он понял, что даже теперь он позволял себе надеяться, как ни тщетна казалась надежда. Мод сказала ему, что любит другого человека. Это должно было быть концом, и все же что-то в его подсознании отказывалось признать это концом. Но эта новость клала конец всему. Единственное препятствие, которое разъединяло Мод и этого человека, было устранено. Не было причины, которая могла бы помешать им пожениться. Джордж чувствовал страшную подавленность. Последняя прядь веревки оборвалась, и его уносило в океан отчаяния.

– О! – сказал он и был поражен, что его голос звучал, как обычно. Ему было так тяжело говорить, что ему казалось странным, что голос не показывал признаков напряжения.

– Это меняет все, не правда ли?

– Он пишет, что хотел бы встретиться со мною в Лондоне, чтобы переговорить обо всем.

– Теперь ничто не может помешать вам поехать. – Я хочу сказать, что теперь, когда ваш отец сделал это оповещение, вы можете свободно отправиться куда хотите!

– Да, я думаю то же самое.

Наступило новое молчание.

– Все так трудно, – сказала Мод.

– В каком смысле?

– О, я не знаю.

– Если вы думаете обо мне, сказал Джордж, то, пожалуйста, не надо. Я вполне понимаю, что вы думаете. Вы не хотите ранить моих чувств. Я бы хотел, чтобы вы смотрели на меня, как если бы я не имел никаких чувств. Все, чего я хочу, это – чтобы вы были счастливы. Как я только что сказал вам, для меня достаточно знать, что я помог вам... Будьте разумны. То обстоятельство, что наша помолвка была официально оповещена, не делает никакой разницы в наших отношениях. Поскольку дело касается нас обоих, мы находимся в том же положении, как когда встретились в прошлый раз. Оно не хуже для меня теперь, чем тогда, когда я узнал, что я не тот человек, которого вы любите, и что есть другой, которого вы любили прежде, чем узнали о моем существовании. Совершенно понятно, что такая девушка, как вы, должна привыкнуть слышать от мужчин, что они ее любят, и в ответ говорить им, что она не любит их.

– Но вы совершенно другой.

– Ничего подобного, я только один из толпы.

– Я никогда не знала никого такого, как вы.

– Да, но вы никогда, несомненно, не видали точно такого, как Плюммер. А мысли о его страданиях не трогали вашего сердца.

– Я знала миллион людей совершенно таких, как Плюммер, сказала Мод возбужденно. Все мужчины, которых я знала, были похожи на него. Такие же славные и приятные. И такие же отталкивающие. Я никогда не задумывалась, отказывая им. Я знала, что они будут слегка уязвлены в течение недели-двух, а затем успокоятся и влюбятся в другую. Но вы совсем другое дело.

– В этом мы и расходимся. Я считаю, что там, где замешано ваше счастье, со мною не надо считаться.

Мод сидела, опустив подбородок на руки, и смотрела в бархатную темноту.

– Вам надо было быть моим братом вместо Перси, – сказала она, наконец. А какими мы были бы тогда друзьями, и как бы все упростилось тогда.

– Смотрите на меня, как на брата. Это упростит все.

– Легко говорить таким образом, но это не так. Это ужасно тяжело. Я знаю, как вам тяжело говорить так, как сейчас. Стараться успокоить меня, изображая, что все затруднения – только пустяк... Это странно... Мы виделись только несколько раз, и то по несколько минут, а три недели назад я даже не знала, что существует такой человек, как вы. Но мне почему-то кажется, что я знаю каждую вашу мысль. Я никогда не чувствовала ничего подобного в отношении кого бы то ни было. Даже Джоффри... он всегда смущал меня... Она остановилась. – Я бы хотела знать, что мне делать, сказала она сдавленным голосом. – Я скажу вам в двух словах, что делать. Все дело до абсурдности просто. Вы любите этого человека и он любит вас. И разделяло вас раньше то, что он не был в состоянии жениться на вас. Но теперь, когда он богат, не существует никаких препятствий. Я не могу позволить вам смотреть на меня и на мои чувства, как на препятствия. Отбросьте меня. Ошибка вашего отца сделала положение несколько более сложным, чем оно должно было быть, но это можно исправить. Последуйте блестящему примеру Реджи Бинга. Он был в положении, когда было затруднительно объявить о том, что он собирался сделать. И он очень разумно, спокойно удалился и поставил всех перед свершившимся фактом. Должен сказать, что я никогда не смотрел на Реджи, как на большую умницу, но когда дело дошло до того, чтобы найти выход из затруднительного положения, он поступил правильно. Сделайте то, что он сделал.

Мод вздрогнула. Она полуподнялась с каменного сидения. Джордж мог слышать ее быстрое дыхание.

– Вы думаете, бегство?

– Совершенно верно. Бегство.

Автомобиль обогнул замок со стороны гаража и остановился. Когда двери отворились, вырвался целый поток света и послышался шум голосов. Мод поднялась.

– Гости расходятся, – сказала она. Я не думала, что так поздно. – Она стояла в нерешительности. – Я думаю, мне следует пойти и попрощаться. Но кажется, я не смогу.

– Оставайтесь здесь, никто вас не увидит.

Прибыли автомобили. Тишина ночи разбилась шумом их моторов. Мод снова села.

– Мне кажется, они подумают, что нехорошо с моей стороны скрываться.

– Не обращайтесь внимания на то, что говорят люди.

Ноги Мод чертили круги по сухому дерну.

– Что за восхитительная ночь! – сказала она. – Здесь совсем нет росы.

Автомобили фыркали, трубили и проносились мимо. Их шум замер в отдалении, оставив снова ночь мирной и волшебной. Двери замка захлопнулись с громким шумом.

– Я думаю, что должна возвратиться, – сказала Мод.

– Я тоже так думаю. И я также должен быть там, чтобы любезно попрощаться. Но что-то подсказывает мне, что леди Каролина и ваш брат вполне готовы обойтись без формальностей. Я пойду домой.

Они стояли друг против друга в темноте.

– Вы, действительно, сделали бы так? – спросила Мод. – Я подразумеваю: бежали и обвенчались бы в Лондоне?

– Это единственный выход.

– Но... можно ли обвенчаться так быстро?.

– В регистратуре! Ничего проще! Вы бы видели венчание Реджи. Все было кончено прежде, чем можно было заметить, что оно началось. Маленький, простуженный, гнусавый человек в черном сюртуке задал несколько вопросов, написал несколько слов, и все было сделано.

– Это звучит довольно... ужасно.

– Реджи не находил этого.

– Неромантично. Я думаю... прозаично.

– Вы привнесете романтизм. Конечно, надо быть разумной. Это ведь то же самое, что настоящая свадьба.

– По результату вполне.

Они вместе поднялись по валу. На дорожке, усыпанной гравием, возле ступенек, они остановились.

– Я сделаю это, – сказала Мод.

Джордж должен был сделать усилие, чтобы ответить. Потому что, несмотря на все свои здравые и убедительные аргументы, он не мог справиться с собой. Он начал замечать, что говорил с надрывом.

– Вы должны... – сказал он. – Хорошо... до свиданья!

– На аллее было светло. Он мог видеть ее лицо. Ее глаза были печальны.

– Что вы будете делать? – спросила она.

– Делать?

– Я думаю, останетесь ли вы по-прежнему в своем коттедже?

– Нет, я с трудом представляю себе это. Я вернусь в Лондон завтра и остановлюсь в «Карлтон-Отеле» на несколько дней. Затем я отправлюсь в Америку. Я должен сдать пару пьес.

Мод смотрела в сторону.

– Вы любите свою работу, – сказала она почти неслышно.

Джордж понял ее.

– Да, я люблю свою работу.

– Я рада.

Она протянула руку.

– Вы были поразительны... Правы с самого начала... Вы были... о, что пользы от того, что я скажу!

– Я получил награду. Я узнал вас. Мы друзья, не правда ли?

– Мой лучший друг!

– Товарищ!

– Товарищ!

Они пожали друг другу руки.

Глава XXV

– Я никогда не была так расстроена, – сказала леди Каролина.

В течение последних пяти минут она неоднократно повторяла это. До отъезда последнего гостя она сохраняла ледяное самообладание и наружно казалась совершенно спокойной. Она даже старалась улыбаться. Но теперь, с отъездом последнего автомобиля, она сбросила маску. Даже обстановка кабинета лорда Маршмортона, казалось, корчилась от пламени ее гнева. Что касается самого лорда Маршмортона, то он выглядел совсем съжившимся. Травля шла целых десять минут прежде, чем она и лорд Бельфер окончательно загнали в угол несчастное создание. Его возражение (через замочную скважину запертой двери), что он работает над семейной хроникой и не может быть потревожен, было игнорировано, и теперь он был лицом к лицу с мстителями.

– Я не могу понять этого, – сказала леди Каролина. – Ты знаешь, что в течение многих месяцев мы напрягали каждый нерв, чтобы порвать эту ужасную путаницу, и как раз, когда мы начали надеяться, что что-нибудь может быть сделано, ты возвещаешь публично о помолвке. Я думаю, ты не в своем уме. Даже теперь я с трудом верю, что эта ужасная вещь случилась. Я надеюсь, что проснусь и найду, что это все было кошмаром. Как мог ты сделать такую вещь? Я не могу понять.

– Совершенно верно, сказал лорд Бельфер.

Если леди Каролина была расстроена, то нет слов, чтобы соответственно описать чувства, обуревавшие Перси. С самого начала этого печального события в жизни высшего света, Перси был в первых рядах битвы. Это с Перси была сбита его лучшая шляпа на глазах у всех на Пикадилли. Это Перси выстрадал арест и заключение. Это Перси был искалечен на несколько дней из-за усердного выслеживания Мод по окрестностям. И теперь все его страдания оказались напрасными. Он был предан собственным отцом. Лорд Маршмортон пришел в себя от первоначального испуга. Революционный дух начал вновь гореть в его груди. Раз жребий брошен, не может быть никаких отступлений. Надо признать, а не извиняться. Может быть,

наследственные черты ряда предков, которые, каковы бы ни были их недостатки, умели обращаться с женщинами, пришли ему на помощь. Может быть, ему в этой борьбе помогали духи мертвых Маршмортонов, шепча ему слова ободрения. Дух, например, того графа, который во времена Генриха VII пронзил свою жену кинжалом для того, чтобы отучить ее от привычки читать ему наставления. Или того графа, который приказал отравить своих двух теток и сестру из-за простой прихоти. Как бы то ни было, лорд Маршмортон, из какого-то источника почерпнул достаточно храбрости, чтобы возражать.

– Глупости, – сказал он, – разве вы не видите какой вы делаете шум по этому поводу. Мод любит этого парня, я его также люблю. Он вполне порядочный человек. Не из-за чего поднимать такой шум. Почему я не должен был объявить помолвку?

– Вы, верно, с ума сошли, – вскричала леди Каролина. Ваша единственная дочь, и совершенно никому неизвестный человек!

– Именно, сказал Перси.

Лорд Маршмортон с ловкостью понял свое преимущество искусного спорщика.

– Вот в этом-то вы и ошибаетесь. Я все знаю о нем. Он очень богатый человек. Вы видели поведение всех гостей за обедом, когда они слышали его имя. Очень известный человек! Он зарабатывает много тысяч фунтов в год! Вполне подходящая партия во всех отношениях.

– Это не подходящая партия, – сказала леди Каролина пылко. – Для меня безразлично, зарабатывает ли этот м-р Бэван тысячи фунтов в год или один шиллинг. Он ей не пара. Деньги это не все!

Она остановилась. Раздался стук в дверь. Дверь отворилась, и вошла Билли Дор. Добрая девушка, она предвидела, что лорд Маршмортон будет доволен переменной темы разговора.

– Не пожелаете ли вы, чтобы я помогала вам сегодня вечером? – спросила она улыбаясь, – я решила спросить вас, не пожелаете ли вы, чтобы я что-нибудь сделала сегодня?

Леди Каролина быстро приняла холодный аристократический вид. Она остро негодовала на это вмешательство, но манера, с которой она говорила, была ласкова.

– Лорд Маршмортон не потребует вашей помощи сегодня. Он не будет работать.

– Спокойной ночи, – сказала Билли.

– Спокойной ночи, – сказала леди Каролина.

Перси мрачно простился.

– Деньги, – резюмировала леди Каролина, деньги не играют роли. Мод не в таком положении, чтобы быть обязанной выйти замуж за богатого человека. М-р Бэван – это никто. Он неизвестного происхождения. Он не имеет никакого социального положения.

– Я не нахожу этого, – сказал лорд Маршмортон. – Он вполне порядочный человек. Это самое существенное.

– Как можно иметь такую ослиную голову. Вы говорите глупости. Ваша секретарша, мисс Дор, очень милая девушка, но как бы вы почувствовали себя, если бы Перси пришел к вам и заявил, что он собирается жениться на ней?

– Совершенно верно, – сказал Перси, именно.

Лорд Маршмортон встал и направился к дверям. Он сделал это с известным достоинством, но в его глазах было загнанное выражение.

– Это было бы невозможно, – сказал он.

– Совершенно верно, – сказала сестра. – Я очень рада, что вы признаете это.

Лорд Маршмортон достиг дверей и стоял, держась за ручку. Казалось, что он хочет набраться сил от прикосновения к ней.

– Я собирался сказать вам об этом.

– О чем?

– По поводу мисс Дор. Я сам женился на ней в среду – сказал лорд Маршмортон и исчез за дверью.

Глава XXVI

В четверть пятого, вечером, через два дня после памятного званого обеда, за которым лорд Маршмортон вел себя с таким заметным недостатком рассудительности, Мод сидела в кафе «Приятный уголок», поджидая Джоффрея Раймонда. Он телеграфировал, что встретится с ней в половине пятого, но нетерпение привело ее к месту встречи на четверть часа ранее условленного времени. И печальный вид всего окружающего уже побуждал ее сожалеть об этой импульсивности. Угнетенное состояние духа охватило ее. Она была полна предчувствий. Знающим Лондон название «Приятный уголок» сразу подскажет мысль о кафе на Ворд-Стрите, которое принадлежит бедной благородной даме в Лондоне, когда дама из общества разоряется, а это случается теперь чрезвычайно легко, она соединяется с двумя или тремя другими благородными дамами и открывает кафе в Вест-Энде, под названием: «Дубовый лист», «Старая ива», «Под липами», или «Уютная Гавань», – сообразно их личным вкусам. Там, одетые тирольками, японками, в норвежские или экзотические костюмы, она и ее совладелицы подают прохладительные напитки в дневное время с гордой томностью. Здесь вы не найдете ни многолюдности, ни исправности ресторанов Лайонса и Ко, ни блеска и веселья Румпельмейера. Эти места имеют свою собственную атмосферу. По-видимому, они рассчитывают на недостаточное освещение, на полное отсутствие вентиляции, на шоколадный кекс, которого вы не в состоянии разрезать, и на медленное ожидание заказанного. Сомнительно, есть ли что-либо на свете более унылое Лондонского кафе этого рода, не считая, конечно, другого лондонского кафе того же типа. Мод посмотрела на свои часы. Было двадцать минут пятого. Ей не верилось, что она была здесь всего пять минут, но тиканье часов убеждало ее, что они не остановились. Ее уныние становилось все глубже. Почему Джоффрей просил ее встретиться в такой мрачной пещере, вместо того, чтобы встретиться в «Савойе»? Ей было бы так приятно в «Савойе». Здесь же ей казалось, что она потеряла безвозвратно ту веселую пылкость, с которой должна была встретить здесь человека, которого любила. Внезапно она

почувствовала страх. Какой-то злой дух, казалось, нашептывал ей, что она сделала глупость, придя сюда, и подсказывал ей сомнение в том, на что она до сих пор смотрела, как на самый незыблемый факт в мире, – на ее любовь к Джоффрею. Неужели она могла измениться с тех пор, как была в Уэллсе? В живости последних событий, те дни в Уэллсе казались ей очень отдаленными, а она – самой себе – казалась отличной от той девушки, которой была год назад. Она поймала себя на том, что думала о Джордже Бэване. Это было странно, что, как только она начала думать о Джордже, она почувствовала себя лучше. Это было, как если бы она заблудилась в дикой чаще и вдруг встретила друга. Было что-то такое положительное, такое успокаивающее в Джордже. И как хорошо он держал себя во время последнего свидания. Джордж каким-то образом стал частью ее собственной жизни. Она не могла вообразить себе жизни, в которой он не принимал бы участия. А между тем, в настоящий момент, он, вероятно, укладывался, чтобы вернуться в Америку, и она никогда больше никогда не увидит его. Что-то кольнуло ее сердце. Она как будто в первый раз ясно представила себе, что собирается сделать. Она попробовала успокоить боль своего сердца, думая об Уэллсе. Она закрыла глаза и нашла, что это помогает ей вспоминать. С закрытыми глазами она все могла восстановить все в своей памяти – дождливый день, грациозную, гибкую фигуру, которая вышла ей навстречу из тумана, прогулки по холмам... Если бы только Джоффрей пришел! Видеть его – вот в чем она нуждалась.

– Вы уже здесь!

Мод, вздрогнув, открыла глаза. Голос звучал, как голос Джоффрея. Но у ее столика стоял незнакомец. И не особенно пленительный незнакомец. В тусклом свете «Приятного уголка», к которому еще не привыкли ее открывшиеся глаза, все, что она могла заметить, это то, что человек был чрезвычайно тучен. Она боязливо сжалась. Это было то, чего должна была ожидать девушка, сидящая одна в кафе.

– Надеюсь, я не опоздал, – сказал незнакомец, садясь и тяжело дыша. – Я думал, что небольшой моцион будет мне полезен, и потому пришел пешком.

Каждый нерв у Мод, казалось, внезапно ожил. Она задрожала с головы до ног. Это был Джоффрей! Он смотрел через плечо и старался щелчком пальцев привлечь внимание одной из кельнерш. И это дало

Мод время прийти в себя от ужасного потрясения, которое она получила. Головокружение покинуло ее и сменилось паническим ужасом. Это не мог быть Джофfrey. Было бы ужасно, если бы это оказался он. И все же это был Джофfrey. В течение года она молилась, чтоб Джофfrey вернулся к ней. И боги услышали ее молитвы. Они вернули ей Джофрея и с бесконечной щедростью. Она ожидала стройного Аполлона, которого любила в Уэлсе, а вместо него появился этот колоссальный человек. Каждый из нас имеет свои предрассудки. Мод имела предубеждение против толстых людей. Быть может, вид ее брата Перси, с каждым годом толстевшего все больше и больше, был причиной этой странности ее характера. Во всяком случае, оно существовало, и она смотрела в болезненном молчании на Джофрея. Теперь он вновь повернулся, и она имела возможность хорошенько разглядеть его. Он был не только полным, он был толстяком. Тонкая фигура, о которой она мечтала в течение года, безобразно расплылась. Тонкие черты его лица совершенно изменились. Его щеки превратились в розовое желе. Одна из несчастных благородных дам приблизилась с медленным пренебрежением и остановилась возле столика. Казалось, было бесчеловечно беспокоить ее.

– Чаю или шоколаду? – спросила она гордо.

– Чаю пожалуйста, сказала Мод, обретя голос.

– Одну порцию? – вздохнула кельнерша.

– Шоколад для меня, сказал Джофfrey живо, с видом человека, беседующего на близкую ему тему. – Я хотел бы побольше взбитых сливок. И, пожалуйста, посмотрите, чтобы он был горячим.

– Один шоколад!

Джофfrey размышлял. Это было для него серьезным вопросом.

– И принесите немного кекса. Я люблю с глазурью... И пирожных... И гренков с маслом. Пожалуйста, присмотрите, чтобы на них было побольше масла.

Мод задрожала. В лексиконе человека, сидевшего перед нею, не должно было быть слова «масло».

– Хорошо, – сказал Джофfrey, нагибаясь, когда высокомерная кельнерша отошла. – Вы не изменились ни капельки. По внешнему виду, по крайней мере.

Нет, – сказала Мод.

– Вы такая же точно. Я думаю, я... – Он покосился на свой жилет – прибыл немного в весе. Я не знаю, заметили ли вы?

Мод снова содрогнулась. Он думает, что прибыл немного в весе, и не знает, заметила ли это она! Она была подавлена бесконечной тоской при виде толстого человека, который даже не понимал, насколько он пополнил!

– Это жизнь на яхте привела меня к такому положению, сказал Джоффрей. Я был на яхте почти все время, с тех пор как в последний раз видел вас. Старый холостяк имел японского повара и жил превосходно. Его хватил удар. Мы долгое время путешествовали. Мы были в Средиземном море всю прошлую зиму. По большей части, в Ницце.

– Я бы хотела поехать в Ниццу, сказала Мод, чтобы что-нибудь сказать.

Она чувствовала, что Джоффрей изменился не только наружно. Или же, в действительности он всегда был таким пошлым и прозаичным и только в ее воображении казался иным.

– Если вы когда-нибудь туда поедете, сказал Джоффрей серьезно, – не упустите случая позавтракать в отеле «Лазурный Берег». Там дают самые изумительные закуски, какие вы когда-либо видели. Речные раки, величиной с молодого омара. И есть рыба, забыл ее название, я его потом вспомню. Она напоминает флоридскую «помпано». Будьте осторожны, заказывайте ее жареной. В противном случае она потеряет аромат. Подтвердите лакею, что вы хотите иметь ее жареной, с растопленным маслом, и немного петрушки с обыкновенным вареным картофелем. Это настоящее изумление! Люди могут говорить все, что угодно, но я утверждаю, что французы, действительно, не знают толка в бифштексах и вообще в красном мясе. Телятина не дурна, хотя я предпочитаю нашу манеру ее приготовления. Конечно, в чем французы настоящие гении, это омлет. Я припоминаю, что, когда мы зашли в Тулон за углем, я отправился бродить по берегу и получил самый великолепный омлет с цыплячьей печенкой, в совсем маленьком, скромном ресторане близ гавани. Я всегда буду помнить его.

Кельнерша вернулась с подносом. Джоффрей досадливо покачал головой.

– Я нарочно просил много масла, – сказал он. – Я ненавижу гренки, когда на них недостаточно масла. Их не стоит есть. Дайте мне масло, и

я намажу их сам. Поторопитесь, пожалуйста, прежде чем гренки остынут. Это нехорошо, когда они остывают. Здесь не умеют готовить чай. Вы должны побывать в деревне, чтобы оценить его по-настоящему. Я вспоминаю, как мы стали на рейд вблизи Девонширской дороги на несколько дней, и я отправился выпить чаю на ферму. Это было нечто изумительное. Густые девонширские сливки, домашнее варенье и всякого рода пирожные... Все здешнее – пустяки в сравнении с ними. Хорошо, если бы эта женщина поспешила с маслом. Через минуту будет уже поздно.

Мод молча пила глотками свой чай. Ее сердце было налито свинцом. Возвращение к теме о масле, как своего рода лейтмотив в разговоре ее собеседника, действовало на ее нервы таким образом, что она едва могла выносить его. Она представила себе ужасные месяцы, в течение которых Джоффрей неизменно поглощал масло, день за днем, неделя за неделей, становясь все более и более похожим на бочку. Она содрогнулась. Негодование на несправедливость судьбы, побудившей ее отдать свое сердце человеку, которого потом превратила совершенно иного человека, боролась с холодным ужасом, который возрастал по мере того, как она все более ясно понимала значение совершенной ошибки. Она поняла, что должна спастись. А теперь, как могла она спастись? Она, конечно, отдала себя в руки этого человека!

– А! – вскричал Джоффрей весело, когда принесли масло.

Он стал намазывать гренки. Мод отвела глаза.

Она сказала ему, что любит его, что он был для нее всем, что никогда не будет у нее никого другого. Он явился за нею. Как могла она отказать ему только потому, что он увеличился в весе? Джоффрей кончил еду. Он вынул папиросу.

– Пожалуйста, не курите, – сказала несчастная благородная женщина.

Он положил папиросу обратно в коробку. В его глазах теперь появилось новое, нежное выражение. В первый раз с тех пор, как они встретились, Мод, казалось, уловила отдаленный отблеск того человека, которого любила в Уэллсе. Масло, казалось, размягчило его.

– Значит, вы не могли ждать? – сказал он с пафосом.

Мод не поняла.

– Я ждала около четверти часа теперь. Это вы опоздали.

– Я думаю не это. Я говорю о вашей помолвке.

– Я видел извещение в «Морнинг Пост». Разрешите передать вам мои наилучшие пожелания, м-р Бэван, кто бы он ни был, счастливцев.

Мод открыла рот, чтобы объяснить, что это все было ошибкой. Она закрыла его снова, не сказав ничего.

– Итак, вы не могли ждать, – продолжал Джоффрей с кротким сожалением. – Я думаю, что не должен порицать вас. Вы в таком возрасте, когда легко забывают. Я не имел права надеяться, что вы выдержите испытание нескольких месяцев разлуки. Я ожидал слишком многого. Но это ирония, не правда ли? Я все время думал о тех днях прошлого лета, когда мы были всем друг для друга, а тем временем вы забыли меня... забыли меня, – вздохнул Джоффрей. Он рассеянно собрал остатки пирожного, рассыпанные по скатерти, и отправил их себе в рот.

Несправедливость нападения уязвила Мод и заставила ее заговорить. Она оглянулась на прошедшие месяцы, думая о всем, что она выстрадала, и прониклась жалостью к самой себе.

– Я не сделала этого, – вскричала Мод.

– Вы не сделали этого? Но вы позволили этому другому человеку, этому м-ру Бэвану, влюбиться в вас.

– Нет, это все была ошибка.

– Ошибка?

– Да, это слишком долго объяснять, но...

Она остановилась. Внезапно, в вспышке ясновидения, ей стало ясно, что эту ошибку она не хотела исправлять. Она чувствовала себя, как человек, заблудившийся в чаще и выходящий после долгих блужданий на открытое место. В течение многих дней она смутно думала, не будучи в состоянии объяснить себе своих чувств, и теперь все сразу стало ясным, как будто вид Джоффрея дал ей ключ к решению: она любила Джорджа Бэвана, т. е. человека, которого навсегда устранила из своей жизни. Теперь она знала это, и это сознание, как удар, заставило ее почувствовать себя слабой и беспомощной. И вместе с этим ощущением к ней пришло неприятное, оскорбительное чувство, что ее тетя леди Каролина и ее брат Перси оказались, в конце концов, правыми. То, что она по ошибке приняла за любовь на всю жизнь, было, как они часто повторяли, простым увлечением; таким увлечением, которое не выдержало вида

Джоффрея, евшего слишком много масла. Джоффрей проглотил кусок пирожного и нагнулся вперед.

– Разве вы не обручены с этим Бэваном?

Мод отвела глаза. Она знала, что кризис наступил и что все ее будущее зависит от ее последних слов. И затем судьба пришла ей на выручку; прежде чем она могла заговорить, произошел перерыв.

– Простите меня, – сказал чей-то голос. – Одну минуту.

Мод и ее собеседник были так увлечены своими делами, что никто из них не заметил появления третьего лица. Это был молодой человек с мышиного цвета волосами и веснушчатым, плохо выбритым лицом, о котором нельзя было решить, было ли оно трусливым или наглым. На нем был котелок, вызывающе надвинутый на бок, а в руках у него маленький чемоданчик, который он поставил на стол между ними.

– Огорчен, что вторгаюсь, мисс! – Он галантно поклонился Мод, но я хотел бы сказать здесь несколько слов м-ру Спенсеру Граю.

– Я думаю, вы ошибаетесь, – сказала она холодно. Ей сразу не понравился молодой человек. – Это – мистер Раймонд.

Джоффрей приобрел дар слова.

– Конечно, я Раймонд! – вскричал он с раздражением. – На каком основании вы являетесь сюда и тревожите нас?

Молодой человек не смутился. Он продолжал, словно его никто не прервал. Он вынул грязную карточку.

– Взгляните на это, – сказал он. – Господа Виллоби и сын, стряпчие. Я – сын. Мне поручено это дельце. Я следил за вами много дней, мистер Грэй, чтобы вручить вам эту бумагу. – Он открыл чемоданчик с видом фокусника и извлек из него бумагу официального вида. – Будьте свидетельницей, мисс, что я вручил эту бумагу. Вы, конечно, знаете, что это такое, – обратился он к Джоффрею. Это – иск о нарушении обещания жениться. Наш клиент – мисс Синклер из Королевского театра – ищет с вас десять тысяч фунтов. Если вы спросите меня, – продолжал молодой человек с веселой откровенностью, оставляя профессиональные манеры, – я скажу вам, что это не пустое дело. Это лучшее из дел о нарушении обещания жениться, которые мы имели в течение многих лет. – Он снова стал официален. – Ваши поверенные, без сомнения, снесутся с нами и если вы послушаете моего совета, – заключил он со свойственной ему

быстрой сменой манер, – вы должны были бы поручить им урегулировать это дело миром.

Джоффрей встал с видом оскорбленной невинности.

– Что вы, черт возьми, хотите сделать? – спросил он. – Разве вы не видите, что ошиблись. Я не Грэй. Эта леди сказала вам, что я Джоффрей Раймонд.

– Тем хуже для вас, – сказал невозмутимо молодой человек. – Вы ухаживали за нашей клиенткой под вымышленной фамилией. Мы имеем письма, свидетелей и целый ряд улик. Что, например, вы думаете насчет фотографической карточки? – Он снова нырнул в чемоданчик. – Узнаете ли вы это, мисс?

Мод взглянула на фотографическую карточку. Это несомненно был Джоффрей. Карточка, очевидно, была недавно снята, потому что она показывала позднейшего Джоффрея, пополневшего, во весь рост, при чем поперек его полных ног была сделана быстрым почерком надпись: «Малютке от толстяка».

Мод содрогнулась и вернула карточку молодому человеку в тот момент, когда Джоффрей, перегнувшись через стол, собирался схватить ее.

– Я узнаю, – сказала она.

Мистер Виллоби-младший спрятал фотографическую карточку в чемоданчик и собрался уйти.

– Этого достаточно на сегодня, я полагаю, – сказал он. Он снова вежливо поклонился и передвинул шляпу левой.

Наступило напряженное молчание.

Мод первая прервала его.

– Я думаю, мне надо идти, – сказала она.

Эти слова, казалось, вывели ее собеседника из оцепенения.

– Дайте мне объяснить!

– Тут нечего объяснять!

– Это было только... Это было только... мимолетное... Это было ничего... ничего...

– Толстячок! – пробормотала Мод.

Джоффрей следил за ней, как она подвигалась к дверям.

– Будьте рассудительны! – защищался он. – Мужчины не святые: это было ничего... Собираетесь ли вы покончить со всем... только потому, что я потерял голову?

Мод смотрела на него с улыбкою. Она почувствовала внутреннее облегчение. Мрачное помещение кафе более не угнетало ее. Она была готова поцеловать «малютку» за то, что та дала ей возможность покончить, с чистой совестью, с этой прискорбной главою в ее жизни.

– Вы не только потеряли голову, Джоффрей, – сказала она. – Вы потеряли и вашу фигуру!

Она быстро вышла.

Конвульсивным прыжком Джоффрей бросился за нею, но был остановлен благородной женщиною.

– Шесть шиллингов и два пенса, – сказала она.

На мгновенье это чудовищное требование отвлекло его от главной цели.

– Шесть шиллингов и два пенса за чашку шоколада и несколько пирожных? – вскричал он пораженный. – Это разбой!

– Шесть шиллингов и два пенса, пожалуйста! – сказала царица грабителей со спокойной холодностью. Она привыкла к подобного рода случаям. В «Приятном уголке» бывало немного посетителей, но большинство из них поступало точно так же.

– Вот! – Джоффрей протянул ей монету в пол соверена. – У меня нет времени спорить.

Грабительница не высказала никакого удовлетворения. У нее был вид человека не от мира сего. Все, чего она хотела, было спокойствие.

– Ваша сдача, – сказала она.

– К черту сдачу!

– Вы забыли вашу шляпу.

– К черту!

Джоффрей вылетел из комнаты. Он протиснул свое тело в дверь и грузно спустился по лестнице. На улице было оживленно. На тротуаре много пешеходов, но Мод нигде не было видно.

Глава XXVII

В своей спальне в «Карлтон-Отеле» Джордж Бэван укладывал свои вещи. Правильнее говоря, он начал укладываться, но в последние 20 минут сидел на краю кровати, вглядываясь в будущее, которое становилось все мрачнее по мере того, как он углублялся в него.

За последние два дня отгонять эти мрачные мысли становилось все труднее и труднее. Теперь, пред открытым сундуком, он дал волю своему чувству. Сундук напоминал ему о том, что он собирается в одиночестве отправиться в опустевший свет. Скоро он будет на борту парохода, и каждый оборот машины будет уносить его все дальше и дальше от места, где вечно будет находиться его сердце. Были моменты, когда муки его становились почти физическими.

Казалось невероятным, что еще три недели назад он был счастливым человеком, одиноким, быть может, но не так болезненно одиноким, как теперь.

Что теперь оставалось для него?

Всякий успех, который он будет иметь, будет лишь бледным повторением других успехов, которые он имел. Конечно, он будет продолжать работать, но...

Звонок телефона вернул его к действительности. Он поднялся, бормоча проклятия. Наверно, кто-нибудь опять вызывает из театра. Они делали это все время с того момента, как он объявил о своем намерении отправиться в Америку с субботным пароходом.

– Алло? – сказал он усталым голосом.

– Это Джордж? – спросил голос. Это звучало дружески, но все женские голоса звучат так по телефону.

– Это Джордж, – ответил он. – Кто говорит?

– Вы не узнаете моего голоса?

– Нет.

– Вы скоро его узнаете. Я большая болтуня.

– Это Билли?

– Нет, это не Билли. Ведь с вами говорит женщина, Джордж.

– Билли тоже женщина.

– Просмотрите список ваших женских друзей, и вы найдете меня.

– Я не имею друзей среди женщин.

– Нет?

– Нет!

– Это не хорошо.

– Почему?

– Вы сказали мне в саду две ночи тому назад, что смотрите на меня, как на товарища.

Джордж порывисто присел.

– Это... это вы? – Он запнулся. – Этого не может быть! Мод!

– Как вы догадливы, Джордж! Я хотела кое о чем спросить вас. Во-первых, любите ли вы масло?

Джордж заморгал глазами. Это не был сон. Он только что ударился коленом о телефонный столик, и боль была весьма чувствительна.

– Масло? – спросил он. – Что это значит?

– О, если вы даже не знаете, что значит масло, то все, я думаю, в порядке. Сколько вы весите, Джордж?

– Около 180 фунтов. Но я не понимаю...

– А сколько вы весили в это время в прошлом году?

– Думаю, столько же. Я всегда вешу почти одинаково.

– Как чудесно, Джордж!

– Да?

– Это очень важно. Были ли вы когда-нибудь во Флориде?

– Я был там однажды зимою.

– Знаете ли вы рыбу, которую называют «Помпано»?

– Да.

– Расскажите мне о ней.

– Что вас интересует? Это просто рыба. Ее едят.

– Я знаю. Расскажите поподробнее.

– Здесь нет подробностей. Ее просто едят. Голос на другом конце провода одобрительно замурлыкал.

– Я никогда не слыхала ничего великолепнее. Последний человек, который рассказывал мне о «Помпано», впал в лирику относительно приправы из петрушки и топленого масла. Ну, хорошо, это так. Теперь еще один важный пункт. Как насчет обоев?

Джордж прижал свободную руку ко лбу. Разговор нервировал его.

– Я не понял! – сказал он.

– Не поняли чего?

– Я думаю, я не совсем уяснил, что вы сказали. Мне показалось, что вы спросили насчет обоев.

– Да, именно об обоях. Почему нет?

– Но, – сказал Джордж слабо, – это не имеет никакого смысла.

– Нет, имеет. Я думаю насчет обоев для нашего логовища.

– Моего логовища?

– Вашего логовища. Вы должны иметь логовище. Где же вы думаете работать, если не будете иметь его? Я думаю, что обои травянистого цвета будут самыми подходящими. И, конечно, у вас будет много картин и книг. И моя фотографическая карточка. Я специально снимусь. Затем, там будет рояль для вашей работы, и два или три, действительно удобных кресла. И это будет почти все, не правда ли?

– Алло? – сказал Джордж.

– Почему вы говорите – алло?

– Я забыл, что я в Лондоне. Я должен был сказать: вы здесь?

– Да, я здесь.

– Хорошо, но что все это значит.

– Что это значит?

– Все, что вы сказали насчет масла, «помпано», обоев, моего логовища и все такое. Я не понимаю.

– Какой вы глупый! Я спрашивала вас, какие обои вы бы хотели иметь в вашем кабинете после того, как мы поженимся.

Джордж бросил трубку. Она громко ударилась о стол. Он ошупью схватил ее.

– Алло! – сказал он.

– Не говорите алло – это звучит так резко.

– Что вы сказали только что?

– Я сказала: не говорите «алло».

– Нет, перед этим. Перед этим. Вы сказали что-то относительно женитьбы.

– Разве мы не собираемся пожениться? Наша помолвка объявлена в «Морнинг пост».

– Но...

– Джордж! – голос Мод пресекся. – Не говорите мне, что вы собираетесь бросить меня, – сказала она трагично. – Потому что, если вы собираетесь это сделать, дайте мне знать во время, так как я хочу

учинить иск о нарушении обещания жениться. Я только что-то встретила знающего свое дело молодого человека, который мне это устроит. Он носит круглую шляпу набекрень. Отвечайте, да или нет? Женитесь ли вы на мне?

– Но...

– Но...

– Как насчет... Я думаю, как насчет... Я думаю, как насчет?..

– Разъясните, что вы хотите сказать?

– Но... другой! – с трудом выговорил Джордж.

Музыкальный смех донесся к нему по проводу.

– Как насчет него?

– Да, как насчет него, – сказал Джордж.

– Разве девушка не может менять своего намерения? – спросила

Мод.

Джордж возбужденно взвизгнул. Мод вскрикнула.

– Не пойте! – сказала она. – Вы оглушаете меня.

– Вы переменили ваше решение?

– Разумеется!

– И вы, действительно, думаете... Вы, действительно, хотите... Я думаю, вы, действительно, хотите... Вы действительно думаете...

– Не говорите так несвязно.

– Мод!

– Что?

– Хотите выйти за меня замуж?

– Конечно хочу.

– Где вы? Я должен видеть вас. Где мы можем встретиться? Я хочу видеть вас. Ради всего святого, скажите, где вы? Я хочу видеть вас! Где вы? Где вы?

– Я внизу.

– Где? Здесь, в «Карлтоне»?

– Здесь, в «Карлтоне»!

– Одна?

– Совершенно одна!

– Вы будете одна не долго! – сказал Джордж.

Он повесил трубку и бросился в соседнюю комнату, где на спинке стула висело его платье. Ребро сундука задело его колено.

– Ладно, сказал Джордж сундуку. – Для чего ты здесь торчишь?
Хотел бы я знать, кому ты нужен!